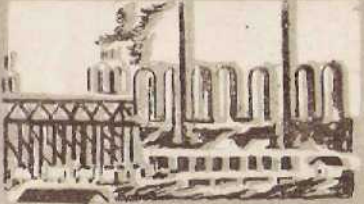

Ур 39^a
к

68

A

АВТОР И СЛ.

Страна

Назначение
№

Дата
взята

4407

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ
КНИЖНО-РАСЧЕТНЫЙ ЦЕНТР

1150

338
Б-24.

И. П. БАРДИН

К 34.3
Б 24

ЖИЗНЬ
ИНЖЕНЕРА

7407

НОВОСИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК 1939

ЭК

673(00) + 9(с. 18)
Б24

И. П. БАРДИН
ЖИЗНЬ ИНЖЕНЕРА

Новосибирское
областное издательство 1939

Редактор *С. Е. Кожевников*. Художник *В. И. Кондрашкин*. Уполномоченный обллита № Б-5116.
Техредактор *В. И. Давыдов*. Корректор *В. К. Герсони*.

Сдано в произ. 28/VII-38 г. Подписано к печати 11/VI-39 г. Индекс X-1-в. Изд. № 23. Тираж 10000.
Уч.-изд. л. 10,77. Печ. л. 6. Формат 70×108,32
Бум. л. 3. Типогр. зн. в 1 бум. л. 144 тыс.
Цена книги 3 р. 20 к. Переплет 1 р. 50 к.

Новосибирск, тип. № 1 Облесполкома. Зак. № 2505.
Красный пр-кт № 20.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ГЛАВА I

Великий Щепкин, крепостной раб, гений русской сцены, рассказывает в своих воспоминаниях о том, какое впечатление произвело на него первое посещение театра. Он был тогда еще мальчиком. В театре шла какая-то волшебная сказка. Трепет и оцепенение охватили его, и, точно прикованный к своему стулу, сидел он, не спуская глаз со сцены во время всего представления.

«С той минуты, — рассказывает Щепкин, — я увидел свое будущее».

Была ли у меня мечта стать металлургом?

Мне было двадцать семь лет, когда я впервые увидел металлургический завод. Он поразил меня. Металлургия захватила все мое существо.

Но путь, которым я шел к металлургии, был чрезвычайно извилист и запутан.

★ ★ ★

Совершенно отчетливо в моей памяти вырисовывается одряхлевший, покосившийся домик у заброшенного пруда на самой окраине села. Мой дед, волосистой старшина, часто, сидя на завалянке, мечтал о приобретенных пары лошадей, коровенки и нескольких десятин земли. Вспоминаю и своего отца, озорного драчуна, забияку, вечно мягущегося, неспокойного и предприимчивого человека.

То были девяностые годы прошлого века. В отсталой, полу-голодной и деревянной России об инженерстве никто ничего толком не знал. Мы были сельскими жителями, знали своих помещиков, лесничих, управляющих имениями и приказчиков. Мы видели, как хорошо они жили, как раз'езжали на своих откормленных, сытых лошадях, и эта привольная жизнь помещиков и их лакеев вызывала тихую зависть моей малосостоятельной семьи. Мои родные мечтали о том, что я стану агрономом или землемером и таким образом достигну обеспеченного положения.

Поэтому я и должен был стать землемером.

Помню, как я отправлялся в город на экзамен и с каким волнением входил в гимназию. Болзливо и тревожно смотрел я на веселых барчуков, круглолицых и самоуверенных.

Но перед сыном сельского портного двери гимназии оставались закрытыми.

— Вам нет смысла учить мальчишку, — объяснил директор гимназии моей оробевшей матери. — Вам следует учить своих детей ремеслу. А для гимназии у вас все равно денег нехватит.

В тот же год я поступил в Александровское ремесленное училище. Учился там, главным образом, приютские мальчуганы. Ученики содержались за счет городского управления — получали даровую пищу и каждую осень грубые, пахнувшие дегтем яловые сапоги. Науки преподавались простейшие: три часа мы ежедневно зубрили арифметику, геометрию и шесть часов отработывали у верстаков. Мальчуганы с лихвой возмещали затраченные на них «отцами города» гроши.

В ремесленном училище я пробыл всего год. Моя тетюшка, сельская учительница, идейная народница, не хотела, чтобы я стал слесарем. Она потребовала от моих родных перевести меня в земледельческое училище, в случае же их несогласия она лишила их всякой материальной помощи. Угроза была слишком серьезной, чтобы можно было не исполнить желание тетюшки.

С тяжелым сердцем покидал я ремесленное училище. Я любил его за особый, царивший в нем терпкий запах гари, машинного масла и металлической стружки. Там было много паровых котлов, машин, всяких хороших металлических вещичек, которые мне очень нравились и будили во мне неопытный тре-

пет. Тяжело мне было расставаться и с хорошими ребятами, моими товарищами.

Сельскохозяйственное училище, в которое я поступил, оказалось очень хорошим. Состав преподавателей был замечательный, и некоторым из них я до сих пор благодарен. Никогда не забуду математика Зенкевича, очень строгого по внешности человека, но чрезвычайно внимательно и чутко относившегося к ученикам. Он обучал нас с любовью, и ребята слушали его с захватывающим интересом. На всю жизнь он пробудил во мне любовь к математике и к точным наукам.

В школе я проучился шесть лет, и передо мной открылась перспектива помощника ученого управителя имением. Школа не давала нам права поступать в высшие учебные заведения, и по окончании курса мы становились слугами помещика, умеющими управлять его хозяйством.

Мечта моих родственников как будто осуществлялась. Но меня такая будущность не радовала.

Другой, неведомый мне мир манил меня. Мне мерещился большой город, часто я вспоминал ремесленное училище, машины. Я стремился учиться дальше, презид университетом. Учиться, во что бы то ни стало учиться!

Я решил попытаться поступить в университет. Но поступить я мог только в ветеринарный институт, что совсем меня не привлекало. Поэтому я решил поступить в Александровский сельскохозяйственный институт.

Весь год я готовился к экзамену. Мне повезло, меня приняли в институт. Казалось, осуществлялась наконец моя несбыточная мечта. Но прошел год, и я очутился за порогом института. Меня исключили на год. В числе других студентов я осмелился протестовать против одной пошлой и черносотенной постановки в Люблинском театре. Но постановка правилась начальству и жандармам, и мне пришлось уйти из института.

Через год, когда я возвратился в студенческую семью, я с грустью понял, что Александровский институт, который даст мне звание лесничего или агронома, мне не по душе. Хотелось быть инженером. Я начал искать возможности перейти в Киевский политехникум.

Моя семья, мечтавшая о том, что я буду управляющим имением, воспротивилась моим планам.

Но я хотел избрать себе специальность по душе и не мог считаться с желанием своих родственников. Преодолев все препятствия, я в конце концов поступил в Киевский политехнический институт.

***

Однажды я попал на лекцию к металлургу Ижевскому. Он не был оратором, но с первых же лекций захватил меня.

Этот скромный, простой старик так хорошо, задушевно и вдохновенно преподавал, что волей-неволей его предмет студенты прекрасно усваивали. Профессор Ижевский оказался в высшей степени интересным человеком. Он не был инженером, а был человеком чистой науки, прекрасным преподавателем и замечательным металлургом.

— Доменный процесс, — говорил он, — сказочно красив. Это — неслыханно тяжелое, но мудрое и радостное превращение бесформенной породы и руды в металл. Когда-нибудь, — мечтал Ижевский, — в России будут построены сотни мощных доменных печей.

Ижевский верил: наступит когда-нибудь такое время, когда Россия станет родиной чугуна и стали.

Когда Ижевский замечал, что студент начинает посещать его лекции и серьезно ими интересуется, он старался ближе подойти к нему.

Ижевский был прекрасной души человек. Студенты всегда материально нуждались. За право учения надо было платить пятьдесят рублей каждое полугодие, и это было для многих студентов тяжело. С каким страхом ждал я каждый раз наступления срока платежа за право учения. Годовая шла у меня кругом, и я не знал, что предпринять. Ижевский получал списки студентов и отлично знал степень нужды каждого из нас. Однажды он сообщил мне, что через два дня меня исключат из института за невозможность платы. Краснея и волнуясь, я объяснил Ижевскому, что затруднения у меня временные:

— Самое позднее через десять дней я соберу нужную сум-

му и уплачу за свое учение. А пока, — сказал я запинаясь, — эти десять дней я не буду посещать ваши лекции.

Ижевский запротестовал. Он сказал мне, что лекции я могу посещать, и, дружески похлопав меня по плечу, расстался со мной. В тот же день он внес плату за мое учение из своих скудных средств. Он сделал это, зная меня всего полгода.

Понятно, что чуткость и человечность Ижевского меня сразу подружили. Я полюбил его, как замечательного ученого и кристально-чистого, бескорыстного человека.

Ижевский сделался моим наставником и другом. Счастливая встреча с ним подсказала мне мое будущее.

***

Молодое поколение революции растет в атмосфере любви, пестуемое нежнейшими заботами о нем со стороны государства. Это — счастливое поколение молодых людей, которым мужественные отцы проторили путь к свободной и радостной жизни без ужасов и мерзостей эксплуатации человека человеком. Безумные молодые люди нашей страны свободно выбирают себе профессию стратонавтов и инженеров, врачей и химиков, артистов и ученых, агрономов и мореплавателей. Это поколение только смутно или совсем не представляет себе, как неслыханно тяжело было в старое время неимущему человеку пробираться к высотам знания.

Счастливые молодые граждане моей родины! В нашей стране перед вами широко раскрыты двери школ и вузов. Вы не заботитесь о завтрашнем дне, ясным, как безоблачное небо. Вы свободно и воодушевленно впитываете в себя знания, чтобы возратить их потом родине, чтобы разгадать великие тайны природы и обратить их на пользу нашей любимой страны.

Но вы не знаете, как горько было раньше бедняку в обстановке звериной конкуренции, в алчной атмосфере злобы и зависти.

Я окончил Киевский политехнический институт по химическому отделению и пассивно грезил, что вот я — инженер, и теперь предо мной широко и гостеприимно раскрыты двери в жизнь.

Но розовые мечты юности развеивались в лихорадочной и зверинной борьбе за существование. Мои мечты безжалостно разбивались. При первом же столкновении с правопорядком, основанием на социальном неравенстве, моя воля, как хрупкая тростинка, шлепала и надламывалась.

Далеко не так легко было найти работу такому человеку, как я, без роду и племени, без связей и влиятельных друзей.

— Ну, вот, Иван Павлович, надо вас устраивать, — грустно говаривал старик Ижевский, мой друг и учитель.

Он пытался устроить меня на завод, но это оказалось делом нелегким. Заводы делились тогда на две группы: русские с преобладавшими в них русскими капиталами и иностранные заводы. На иностранные заводы поступить не иностранцу было совершенно невозможно. Зарубежные капиталисты ревностно охраняли тайны своего производства. Они были мало заинтересованы в том, чтобы русские специалисты проникали в секреты их производственного искусства. Иностранцы не вступали даже с русскими инженерами в переговоры и на работу их не принимали. Только как чернорабочий вы могли попасть на иностранный завод.

Иностранские металлургические заводы в России были запрещенной зоной для русских мастеров и инженеров.

Что касается русских заводов, то на Брянский принимали только горных инженеров, на Каменский же, если и принимали инженеров другой специальности, зато исключительно поляков. Таково было перушиное и строгое размежевание.

Видя мои неудачи, старик Ижевский страдал.

— Устраивайтесь чертежником, — говорил он. — Повременным немного; может быть, все перемелится.

Но чертил я незачем, да и не было у меня к этому занятно никакого тяготения. Но Ижевский всячески подбадривал меня.

— У меня идея, — говорил он: — дайте, я устрою вас профессорским стипендиатом. Вы хорошо окончили курс, и это легко удастся сделать. Такая возможность определить одного студента у меня имеется. Вы будете получать пятьдесят рублей в месяц и сможете заниматься своим любимым делом. Возможно, что и за границу отправят.

На лето я уехал в деревню к родным. Осенью Ижевский огорченно сообщил мне:

— Увы, не назначили вас стипендиатом, Иван Павлович. — И он, досадливо махнув рукой, отвернулся.

Профессорскую стипендию дали родственнику губернатора. Но что же делать? Неужели я получил диплом только для того, чтобы мучительно искать себе работу?

Мне надо было срочно чем-нибудь заняться. Но чем, чем заняться, когда передо мной встала глухая стена безразличия, когда на работу по специальности я устроиться не мог?

У Ижевского созрел новый план:

— Поезжайте на Брянский завод и проведите там опыты с электропечью.

Электропечь была сконструирована Ижевским, и я с большой охотой поехал в Бежицу на Брянский завод проводить опыты. Но с первой и до последней минуты работы на Брянском заводе я был предоставлен самому себе. Меня окружали люди, которые следили за мной завистливыми и ненавидящими глазами. Решительно никто не хотел мне помочь. Без чьей бы то ни было помощи я сам провел весь монтаж печи. Инженеры и мастера завода смотрели на мою работу, как на ненужную затею, а в глубине души завидовали мне. Вокруг меня создался какой-то молчаливый враждебный стовор. Конечно, все это не предвещало удачи. Опытную плавку я сделал, но посадил «козла». Разразился скандал, и меня с треском выставили с завода.

Надо было ехать куда-нибудь, но куда, к кому я мог обратиться за помощью? К Ижевскому? Мне было стыдно.

Я стучался в двери одного, другого, третьего завода, но всюду получал отказ. По своей специальности металлурга я не мог найти себе работу.

Надо было что-нибудь предпринимать, надо было жить. Я попытался использовать свою прежнюю агрономическую специальность и послал несколько запросов. Меня пригласили в Екатеринбург на организацию сельскохозяйственной выставки в американский подотдел.

Моей обязанностью было объяснять публике, посещавшей выставку, конструкцию американских сельскохозяйственных ма-

нин, сопровождать посетителей по павильонам, объяснять им значение различных знаков и показывать устройство скотных дворов. За это мне платили сто двадцать пять рублей в месяц, что вполне могло меня прокормить, но зато я терял свою специальность металлурга.

Какие печеловеческие трудности, какие унижения я терпел для того, чтобы стать инженером-металлургом. С великими муками я порвал цепи, тянувшие меня к земле. Я не хотел быть ни агрономом, ни землемером, я стал инженером-металлургом. Неужели же только для того, чтобы вернуться к постылому ремеслу?

Выставку в Екатеринославе организовал представитель екатеринославского земства в Америке, русский эмигрант Розен. Он имел вид типичного американца. Мы познакомились. Розен присматривался ко мне, и, узнав, что я инженер-дипломник, спросил:

— Что вы намерены делать, когда закроется выставка?

Я пожал плечами.

— Поезжайте в Америку, — посоветовал Розен. — Я могу устроить вас там на работу. В Америке вы найдете себе место.

Розен вручил мне свою визитную карточку: «Город Молин, Стайт Иллинойс, Дир-Компани».

— Если вы будете в Америке, воспользуйтесь обязательно моей карточкой.

Америка! Чужой, неведомый мне мир. Это где-то далеко за океаном, куда много дней идут пароходы. Америка — край чудовищной техники, машин, самых передовых, технически вооруженных предприятий. Это было волнующе и загадочно.

Родина отваринулась от меня, и я с надеждой подумал об Америке.

Я поехал посоветоваться с Ижевским. Старик сначала запротестовал:

— Незачем вам ехать в такую даль, незачем!

Но я настаивал, я решительно доказывал, что здесь мне не на что надеяться и я должен уехать.

Ижевский был подавлен: все попытки его помочь мне устроиться терпели неудачу.

— Ну что же, поезжайте с богом! — проговорил он наконец, выдыхая. — Только, право, может быть, все-таки останетесь? — Последние слова Ижевский произнес уже менее уверенно.

Я стал лихорадочно готовиться к отъезду в далекую и «счастливую Америку, страну свобод, хлеба и счастья». С обидным и жестоким чувством разочарования я покидал свою родину, где протекало мое детство, где проходила юность, — родину, растоптавшую все мои надежды.

ГЛАВА II

Я ехал на огромном океанском пароходе. Корабль, разрезая исполинской грудью яростные сленные валы, нес в своем чреве два мира: мир рабов и мир повелителей.

Мир рабов располагался в нижних палубах-амах, подле грохота машин, у самого трюма, у некта адепих топков. Выше, ближе к солнцу и воздуху, располагался огороженный и недоступный мир повелителей. То было символическое и резкое размежевание человеческой судьбы и счастья.

Страна демократических свобод и хлеба не пускала к себе бедняков, которые могли щегольнуть только своими толстыми дырявыми карманами.

— Вы приехали в Америку, покажите сколько у вас денег. Я показал свои двадцать долларов, и мне разрешили сойти на берег. Я очутился на американской земле.

Нью-Йорк. Город-остров, город ослепительных контрастов, сумасшедшего богатства и потрясающей нищеты. Еще на корабле, до того как вы сходите на берег, вас встречает величественный памятник Свободе, с вздымающимся вышом в небо ярким факелом. Не заблуждайтесь! Освободитесь от ваших иллюзий! Как только вы вступили на американскую землю, ваша свобода стоит ровно столько, сколько стоит двадцатидолларовая ассигнация в вашем кармане.

Растерянный и ошеломленный, бродил я по Нью-Йорку. Камешные громады, слитые между отвесных скал домов улицы душили меня. Меня угнетала нескончаемая человеческая толпа, ее тупое равнодушие. Какой-то суровый, загадочный мир, мир

холодный и безразличный. Людская волна подхватила и понесла меня по лабиринтам, улицам, то втискивая в туннели, то вынося на мосты, а я, повинаясь ее могучему течению, без сопротивления куда-то шел и шел.

Вот я очутился перед сорокадевятитонной громадой «Зингер». Комнания «Зингер». Что-то очень знакомое. Когда-то я помогал отцу чинить машины, — они назывались «Зингер». Я стоял удивленный. Значит, отсюда, из этого громадного дома расходились машины по всему миру, попадая даже в захолустную саратовскую деревню.

Я долго любовался Бруклинским мостом — первым в мире подвесным мостом, взметнувшимся над восточной рекой.

Я увидел фешенебельную улицу богачей — Пятую Авеню, улицу роскошных магазинов и пышных витрин. На углу Бродвея и Уолл-стрита меня поразила отделанный мрамором фасад роскошного здания. Мне хотелось рассмотреть его как следует, и я остановился перед зданием. Вероятно, я обратил на себя внимание, потому что ко мне подошел вежливый и важный полисмен и приказал не задерживаться. Это был мраморный дворец Джона Шриффита Моргана — местного хозяина и повелителя города.

Повсюду на улицах виселись огромные рекламные плакаты, освещенные электричеством, изображавшие девушек, жующих резиновую жвачку.

Я зашел в дешевый бар. Там мне сузили тарелку; я, двигаясь в очереди, подходил к столикам, мою тарелку молча наполнили, и, как все в баре, я, быстро съев свою порцию, молча расплатился и ушел.

Олл райт! Я был на американской земле.

Несколько дней я бродил по гигантскому городу, в удивлении глаза на него. Когда у меня осталось денег только на проезд в Молине и еще два запасных доллара для завтрака и обеда, я решил двинуться дальше.

Моей единственной крупной покупкой в Нью-Йорке была бритва. Очень дешевая бритва. В то время я ценил только дешевые вещи.

В Молине я должен был найти Розена. Его визитную карточ-

ку, на которую я возлагал столько надежд, я хранил в кармане на груди.

В Молине я приехал ночью. Это был небольшой городишко, в то время до отказа набитый маклерами, торговцами, посредниками. Они приезжали туда покупать сельскохозяйственные машины. С трудом я нашел койку, за которую заплатил последний доллар.

На следующий день с визитной карточкой Розена я отправился в Дир-Компани, завод сельскохозяйственных машин, наняться на работу.

★ ★ ★

Меня ни о чем не спрашивали. Только оценили мышцы и руки и пригласили на работу. Тут же без всяких проволочек табельщик вручил мне 603-й номер и отправил в сборочный отдел на сборку культиваторов.

Работа была простая, но очень тяжелая. Работать приходилось десять часов в сутки, оплата была сдельная. Ежедневно я должен был заклепать двести рычагов для культиваторов. На каждом рычаге — восемь-десять заклепок. Без привычки эта работа была нечеловечески трудной. Так лихорадочно физически я никогда еще не работал. Сплоты и рядом, несмотря на перчатки, я разбивал себе руки до костей.

Мне сообщили, что на заводе есть русские. В тот же день я познакомился с ними. Среди них было много бывших рабочих Путиловского завода, участников революции 1905 года, бежавших от репрессий царских палачей. Надо сказать, что к русским в Америке тогда относились подозрительно. В Америке никто не нарушал вашего права свободно изъясняться на любом языке, но если вы разговаривали по-русски, вас все же сторонились. Поэтому русские держались всегда вместе и жили единой семьей.

К своим новым товарищам, тесно спаянным друг с другом, я начал ходить запросто. Зарабатывали мы сравнительно немного. В день я получал один доллар и пять центов. Поэтому мы большей частью сидели вечером дома и вели нескончаемые беседы о России.

Вскоре я заметил, что общение только с русскими товари-

щами мало способствует изучению чужого языка. В конце концов я поселился отдельно и стал брать уроки английского языка.

Через два месяца сократилась работа в сборочном отделе. Понемногу нас стали увольнять, и мне пришлось расстаться с моими друзьями. Меня же спасла рекомендация Розена, благодаря которой меня перевели в кузницу помощником кузнеца.

Ковали мы пневматическим и электрическим молотами. Работал я здесь меньше — восемь часов, но работа была чрезвычайно тяжелой. Зато заработок был в кузнице лучше. Здесь я уже зарабатывал три доллара и пять центов в день.

Первые несколько месяцев, пока я осваивался в чужой стране, работа в Дир-Компани меня устраивала. Но вскоре эта работа мне наскучила, и я решил перебраться куда-нибудь на другой завод. К этому времени у меня уже образовался небольшой запас в шестьдесят-семьдесят долларов. Я распрощался со своими заводскими товарищами и тронулся в путь.

Розен и тут мне помог. Он дал мне рекомендательное письмо на завод Харт-Парр, собиравший тракторы. Завод находился в небольшом городишке Чарл-Сити, насчитывавшем до шести тысяч жителей. Завод славился своими тракторами, надежной конструкцией тяжеловесов и исключительным качеством работы. Механизация на заводе была несложная, конвейеров тогда не было, но общая организация работ поражала своей точностью, четкостью и простотой.

Но сравнительно с Дир-Компани, масштабы производства Харт-Парра были незначительными. Харт-Парр выпускал четыре трактора в сутки. Сборка каждого трактора — сто часов. Ни часом больше. Весьма оригинально использовались выпускаемые тракторы, как движущая сила, дающая энергию заводу. Харт-Парр не имел своей электростанции. Четыре трактора, которые ежедневно выходили из сборки, ставились на горячее испытание. Восемь тракторов работали на динамомашину, и все они приводили в движение весь завод. Таким образом тракторы заменяли Харт-Парру электростанцию.

Продукция Харт-Парра славилась тогда своей безупречностью. Это неудивительно. На заводе был самый тщательный контроль и проверка всех деталей. Ни один трактор не выпу-

скался из цеха, пока сам начальник не проверил его работу и не затянул последний болт.

Все же, как мне ни нравился завод Харт-Парр, меня тянуло заняться любимым делом: поехать на металлургическое производство.

К этому времени Ижевский опять напомнил о себе. Старик прислал мне официальное письмо и заверенный диплом, в котором указывалось, что я — инженер, окончивший институт. Ижевский навпопросил Америку оказывать мне содействие. Я обрадовался этой неусыпной заботе обо мне со стороны Ижевского. Надеюсь, что диплом окажет мне серьезную услугу, я расстался с Харт-Парром и направился в Чикаго, где, я слышал, находился самый мощный в мире новый металлургический гигант-завод Гери.

Но в Чикаго мне не повезло. В глухом и безразличном к человеческой судьбе городе я сразу не мог найти себе не только работу, но даже жилище. У меня было слишком мало денег и каждый день, который я проводил без работы в Чикаго, стоил мне скучные средства.

Мое положение становилось тяжелым. Я побывал на заводах в Висконсине со своей институтской бумажкой, присланной мне Ижевским. Американцы принимали меня сухо и в работе отказывали. Диплом русского инженера не производил на них благоприятного впечатления.

Наконец, я узнал, что в Чикаго есть улица, которая населена русскими и что там можно найти очень дешевую комнату.

Я направился туда. После долгих поисков мне удалось снять угол у какого-то галицийского еврея. Это был грязный чулан, где, кроме меня, пацли себе приют полчища голодных и злых клопов. Но этот чулан принадлежал мне. Я жил в нем один и мог, растянувшись на топчале во весь свой длинный рост, часами лежать на спине и, закинув руки за голову, размышлять о незавидной участи бедняков на этой прекрасной земле.

***

Проходили дни за днями в беспечных поисках работы. Поднимаясь по утрам со своего бредового, кишевшего клопами, ло-

жа, я уходил позавтракать в дешевом баре стаканом черного кофе с хлебом, а затем отправлялся в город предлагать покупателям свои мозолистые руки. Они ценились тогда не слишком дорого, огрубевшие руки пролетария.

Жизнь давила меня стонудовой чугушной лапой, но я надеялся и ждал.

... Два раза в неделю я ездил заниматься на металлургический завод Герн, — в те дни, когда там шел набор рабочей силы. Рано утром я подходил к воротам завода. Здесь уже толпились в ожидании толпы людей. Итальянцы, болгары, евреи, поляки, немцы, французы, китайцы, русские — здесь можно было встретить представителей всех народов и рас, пришедших к этим воротам продавать капиталистическому Молоху свой труд. Обычно мы простаивали у ворот с утра до вечера.

Иногда появлялся вачман — наборщик рабочей силы. Обычно это был высокий, краснощекий ирландец, — ирландцев охотно брали в Америке на полицейскую службу. Наш вачман был здоровяк с тяжелой нижней челюстью, громовой глоткой и увесистыми кулаками. Он осматривал людей, точно лошадиный барышник — коней.

— Кто может пойти шлаковщиком? — кричал он, раскрывая пасть. — А ну-ка, подойди-ка сюда. Иди, иди, что ты там поворачиваешься, как тюлень!

Если вачман видел, что вы слишком слабы для работы шлаковщика, он кричал:

— Но гуд!¹ — и отстранял вас своими здоровыми кулачищами.

В таких случаях ему надо было незаметно всунуть в руку два-три доллара, и тогда, сменяя гнев на милость, он кричал:

— Вери гуд, вери гуд!²

Лениво он расспрашивал вас, кто вы такой и давно ли в Америке. Затем отводил вас в будочку, где сидел врач.

— Раскройте-ка ваши глаза, — говорил сердито эскулап, похотливый, впрочем, больше на мясника, чем на доктора.

Он щупал ноги, грудь, смотрел в рот, заставлял размахивать руками, стучал по позвоночнику и старательно искал какие-ни-

¹ Плохо!

² Очень хорошо, очень хорошо!

будь дефекты. Впрочем, и тут не мешала сообразительность, и каких-нибудь три-пять долларов превращали вас в глазах этого эскулапа в совершенно здорового человека, если даже вы были хромым.

После получения трех долларов мой врач осведомился, как зовут мою мать. Об отце врач не спрашивал, потому что не у всех найдется отец, а без матери ни один человек, приезжающий в Америку, не родится. Все ваши ответы тщательно записывались, и наконец перед вами открывались ворота завода.

Меня приняли в прокатный цех, вручив № 13331. Через десять минут после приема я уже работал.

Что представлял собой тогда Герн, этот первый в мире механизированный металлургический гигант?

Пятый год шло сооружение колоссального завода Герн. В нем было много незаконченного и недостроенного: завод и строился, и работал. Города, как мы привыкли его понимать, не было. Расположенный на берегу живописного озера Мичиган, городишко около завода возник наспех рядом с новым большим строительством. Всюду была развороченная земля, лежал строительный мусор, дороги в рытвинах и ямах покрывала невыглазная грязь. За городом тянулось песчаные дюны. Везде песок, лозняк и болота.

Первая, центральная улица — Бродвей — только возникала. На ней воздвигались веселые и затейливые коттеджи для заводской аристократии, общественные здания, наспех разбивались сады, газоны, появлялась зелень, улица покрывалась асфальтом. А рядом, в сорока-пятидесяти метрах от центральной улицы, чернели землянки; но здесь они назывались не землянками, а шалши, что, впрочем, одно и то же. То были наспех сколоченные коробки из кусочков толя и досок, обнесенных землей, и только в одной стене прорезана была узкая щель окна. Вот и готово жилище. Удобств, понятно, никаких: ни освещения, ни водопровода, зато классические выгребные ямы-уборные.

То, что я увидел на заводе Герн, было совсем непохоже на все, виденное мною до тех пор в Америке и в России.

Непревзойденный даже теперь, спустя двадцать пять лет, по своим размерам, завод Герн был спроектирован на шестнадцать

7407

Герн. Сталин
ЧИТАЛЬНЯ
— ОНО —

доменных печей. В то время, когда я был принят на работу, в ходу было уже пять домен. Из 56 семидесятипятитонных мартеновских печей 28 находились в работе. Огромная прокатка грандиозных размеров. Завод Гери поражал не только своими масштабами и необыкновенной механизацией, он подкупал также и хорошим расположением цехов и рациональной расстановкой в них оборудования.

В первый же вечер работы завод поразил меня незнакомыми механизмами. Диковинные краны, о которых я не имел никакого представления, казались живыми ползучими чудовищами. Теперь эта техника уже устарела. Но тогда я оторопело смотрел на всю эту грандиозную машинерию, где механизмы заменяли сотни человеческих рук.

В то время Гери переживал сложный период освоения. Люди работали у малознакомых механизмов, учились, доискивались постигнуть и освоить сложные законы, управляющие внутренней сущностью этих механизмов.

Я работал на прокатке. Угрожающе урча, гидравлический кран хватал кремовую болванку и осторожно клал ее на тележку. Тележка подкатывала болванку к рольгангам. С этого момента начиналась моя работа. Я подходил к болванке на расстояние подутора-двух метров, выбрасывал вперед металлический лом, и, вонзая его в жирное горячее тело, заставлял болванку правильно лечь концами на валы.

Работа эта не требовала большого ума и особой силы. Но работа — изнуряющая и неприятная. Болванка обдавала меня невыносимым жаром, от которого трескалась кожа лица и рук.

После того, как болванка правильно ложилась на рольганг, валки уносили ее к стану. Болванка с яростью набрасывалась на обжимной стан. Огромные валцы начинали ее мять, тискать и жать. Вначале грозная, несокрушимая и опасная, болванка постепенно становилась податливее, вытягиваясь в длину, утрачивала пыл, делаясь все более и более покорной.

На моей обязанности лежало также чистить окалину. Чрезвычайно неприятная работа! Мне приходилось подлезать под стан в душную, угарную яму и отсюда выгребать дымящуюся металлическую шелуху.

На прокатке я проработал недолго, так как вскоре меня стали перебрасывать с места на место. Я уже оттаскивал концы рельс. Большими тяжелыми клещами я переносил многоудовые концы стали. Я любил работать по ночам. Ночью дышалось легче, было прохладнее — с озера Мичиган дул свежий ветер. Днем же было невыносимо жарко работать около этого металлического пекла. Зарабатывал я два доллара двадцать четыре цента в сутки. При моей нетребовательности к пище мне этого вполне хватало. За вычетом квартирной платы мне даже оставалась кое-какая мелочь на черный день.

На прокатке я познакомился с несколькими русскими рабочими. Так же, как и я, они были заняты перевозкой рельсов. Видя, что я еще новичок в Америке, они вначале корчили из себя иностранцев, смешно коверкая русский язык. В Америке обычно, когда встречаются три иностранца, они стараются говорить на таком языке, который никому из них не понятен. Так вначале повелось и в нашей компании. нас было четверо: я — саратовец, мои новые русские товарищи — черниговские мужики, и один негр, который вначале относился к нам троем весьма пренебрежительно. Но в конце концов мы очень подружились, по всей вероятности потому, что с одинаковым трудом зарабатывали свой хлеб. И хотя мы и говорили на разных языках, все же мы хорошо понимали друг друга.

Работали мы очень много и сильно уставали. В Америке работали десять-двенадцать часов и с таким напряжением, что чувствовали себя вечером точно выжатая мочалка. После восьми часов труда мы в основном были только лежать, как пласт. Свободные дни мы проводили в Чикаго. Всего дешевле было останавливаться в домах Армии спасения. Стоило это десять центов в сутки. За это нас кормили кофе и душеуспокоительными беседами. Целый день мы бродили по городу, бесплатно купились в озере, а вечером возвращались почевать в дом Армии спасения. Здесь мы обязаны были полчаса перед сном прослушать душеуспокоительную беседу какого-нибудь дурака. И все это за десять центов!.. Но я ездил в Чикаго не только гулять по городу. Я бывал на многих заводах и осматривал цехи разных промышленных предприятий.

К своей работе на заводе Геря я относился с большим рвением, отдавая ей все свои силы. Работая, я очень суетился и поэтому еще больше уставал. Черниговские товарищи подтрунивали надо мной.

Через пять месяцев я получил повышение. Меня перевели на сборку и палатку валков на рельсопрокатке. Пришлось расстаться со своими друзьями. У валков я попал в другую среду. Там работали южные славяне — хорваты — люди беспокойные, отчаянные. С ними было очень трудно ладить. Они и между собой очень часто ссорились.

Крупное капиталистическое хозяйство Америки развивалось неравномерно, и вскоре для Геря начались довольно серьезные времена. С каждым днем заказы уменьшались, и завод стал жить случайной работой. Вместо рельсов рельсовый стан начал казаться какие-то новые заготовки. Сотнями и тысячами людей стали выбрасывать на улицу. И в первую голову — русских и итальянских рабочих. Но мне повезло, я остался на заводе.

Новые заготовки надо было брать прямо с роллбанга, скидывать их на пол, на полу завязывать цепями, а потом тащить к грану. Работа была исключительно тяжелая, и ее, как физически наиболее сильному человеку, поручили мне. Почему-то эта работа считалась повышением. Вероятно, потому, что я стал получать за нее на двадцать центов больше прежнего.

Работа была адовая. Пот катился с меня ручьями. Изнемогая от жары, я вышивал ежедневно десятки литров воды. Я не знал золотого правила, что работающему в горячих цехах, как бы ни хотелось ему пить, пить не следует. Опытные рабочие полощут рот водой, но никогда не пьют ее в моменты самой острой жажды, потому что это жестоко отражается на сердце.

Я утолял жажду и день за днем в течение шести месяцев наживал порок сердца. Я много потел. Часто меня охватывала страшная слабость. Иногда мне казалось, что мое сердце переставало биться. Я страшно задыхался во время работы и чувствовал, что с каждым днем теряю последние силы. Пришлось обратиться к врачу.

«Помогай сам себе» — такова американская поговорка, звериная заповедь капитализма. Вы можете в изнеможении упасть

на работе, никто не придет вам на помощь. В Америке гораздо легче на тяжелой, изнурительной работе нажить себе порок сердца, чем вылечить его. В Америке лечат только за деньги. Рабочему, повяло, лечиться почти невозможно.

У меня была саксофониста сошки долларов, и поэтому я пошел к врачу. Он прописал мне лекарства и отдых. Но мне нельзя было отдыхать, мне надо было работать. Я работал и принимал лекарства. Они мне, конечно, мало помогали.

Однажды доктор сказал мне, что долго на своей работе я не протяну. Бетали, на уплату врачу у меня осталось несколько долларов.

Я серьезно задумался: что делать? Бросать работу? Но это было невозможно. Ведь уйти с завода — значило остаться без работы, без средств к существованию. Было над чем призадуматься. Я отправился в Чикаго к своим черниговским товарищам искать утешения и совета. Они посоветовали бросить работу.

— Нечего сказать, хороший совет, не Морган же я в самом деле?

— Мы тебя немного поддержим, — отзывчиво предлагали товарищи. — Не упирать же тебе в самом деле.

Я решил попытать счастья и обратился к администрации цеха с просьбой перевести меня на другую, более легкую работу.

— Значит, вы устали? — спросил меня начальник цеха.

— Да, очень. У меня болезнь сердца, и мне хотелось бы получить работу полегче.

— Нам больные и усталые люди не нужны. — сухо и кратко сообщил мне начальник. — Можете идти.

— Я хотел бы вам еще заметить, что я инженер и мог бы...

— Хорошо, хорошо, я подумую.

В тот же день меня уволили. Я был болен, я устал, задыхался и заводу я больше был не нужен.

Это была Америка богачей. Полтора года назад я приехал в эту страну здоровым молодым человеком. Среди своих товарищей я был самый сильный. Мы соревновались, кто дальше кинет рельсу, и я всегда побеждал. Молох выжал из меня все жизненные соки и вышвырнул на улицу, как испуганную ветوشь.

★ ★ ★

Итак, я опять безработный. Видно, одни и те же буржуазные капиталистические законы управляют и Старым и Новым светом. На своей шкуре я чувствовал их жестокость, но изменить эти законы я был не в силах.

Мои товарищи собрали мне немного денег и я уехал в Питсбург. Недели две я провел в Питсбурге и, не найдя там для себя ничего утешительного, отправился в Нью-Йорк. В этом чудовищном городе я прожил месяц. Мне предлагали работу маклера, посыльного, чертежника, чернорабочего, продавца. Мое инженерство никого не интересовало.

Ничего не поделаешь! Но все же надо было что-то предпринять. Но что предпринять? Как мне ни было горько, но согласиться быть маклером или продавцом в галантерейном магазине я не мог. Поцеловав я вспомнил о своей родине.

Надо было уезжать из Америки, этой несчастливой страны свобод и хлеба, страны сумасшедшего богатства и потрясающей нищеты, страны дорогих машин и дешевых человеческих жизней.

ГЛАВА III

Россию я покидал с отчаянием и надеждой на то, что в Америке жизнь моя сложится совсем по-иному. Но и за океаном мне пришлось не сладко. И там, ведя скитальческую жизнь, я все время боролся за кусок хлеба. Потерпев жестокое крушение в Америке, я в подавленном настроении возвращался на родину. Меня, конечно, тянуло обратно в родные края. Но в глубине души я раньше лелеял тщеславную мечту возвратиться в Россию настоящим инженером, обогащенным опытом и знаниями, накопленными в стране передовой металлургической техники, возвратиться специалистом, которого ищут и зовывают наперебой. На самом же деле что ожидало меня на родине?

Хотя это стоило чуть подороже, но я решил поехать на английском пароходе, потому что язык я уже знал и меня привлекала дорога через Ливерпуль и Лондон.

Англия мне понравилась. Англичане показались более при-

ветливыми, чем американцы. В Лондоне, если вы заговаривали на улице с незнакомыми людьми, вам всегда охотно отвечали на каждый вопрос. В Англии не относились с таким пренебрежением к иностранцам, как в Америке.

Пробыв две недели в Лондоне, я отправился в Россию через Нидерланды и Германию. В дороге со мной случилась крупная неприятность: я потерял все свои деньги. Пришлось основательно засесть в Берлине. Я не знал, что предпринять, и после долгих колебаний решил все-таки обратиться за помощью к моему старому отзывчивому другу, профессору Ижевскому. На мое счастье в Берлине в это время находился его товарищ Дунаев, известный русский инженер и талантливый изобретатель. Старик Ижевский сообщил мне, что инженер Дунаев даст мне взаимно счетно марок.

Я не могу передать то состояние смятения, в котором я по приезде в Киев отправился к Ижевскому. Я чувствовал себя как промотавшийся игрок, и не знал, как встретит меня мой старый учитель. Но, увидев меня, старик радостно пошел мне навстречу и заключил меня в свои отцовские объятия.

— Ну, вот, батенька, значит, домой вас потянуло? Дайте на себя посмотреть. Рассказывайте, странник, рассказывайте, что видели в чужих странах?

Был вечер. Зима. За окном выл ветер. Мы сидели в кабинете у Ижевского. На столе стоял давно уже остывший чай. Подушив голову, я тихо рассказывал об Америке, об американской технике, о заводе Герц, обо всех своих злоключениях и неудачах, которые преследовали меня и за океаном.

Ижевский сочувственно слушал и молчал. Когда я окончил свой рассказ, старик отвел от меня глаза в сторону и со вздохом вымолвил:

— Да, нехорошо с вами получилось. Нехорошо! А я, знаете, думал, что вы, Иван Павлович, вернетесь в Россию в другом виде. Ну, как бы это сказать, более уверенным в себе инженером, что ли...

Ни я, ни Ижевский тогда не понимали, что мое пребывание в Америке имело большое значение для меня. Вначале мне показалось, что я не вынес никакой пользы для себя из пребы-

ния за океаном. Впоследствии же я понял, что в Америке я ознакомился с крупным механизированным металлургическим производством, новыми мартеновскими, доменными и прокатными цехами, увидел там совершенно новый механизированный металлургический процесс.

Америка расширила мой технический горизонт, дала мне знания, как вести крупное заводское хозяйство, как по-новому, правильно организовать производство машиностроительных и тракторных заводов. В этом отношении завод Гери был для меня замечательной школой.

Бывая в дни отдыха на крупнейших производствах Чикаго и Нью-Йорка, я вынес отсюда много наблюдений, оказавшихся впоследствии чрезвычайно полезными для меня.

Но в тот вечер, когда после долгой разлуки мы беседовали об Америке с Ижевским, мы оба этого не понимали.

— Жаль, что не послушали старика, — вздыхал Ижевский. — Поехали в далекую страну, а вот выходит, что прощрали.

— Ну, а здесь, Василий Павлович, — возражал я, — чего добился бы я здесь? Только надоедал бы вам постоянно просьбами устроить меня на работу. Разве не так?

Ижевский досадливо махнул рукой:

— Да чего там, право!

Этот разговор напомнил мне, однако, о том, что надо было искать работы.

— Хотите ко мне в институт? — предложил Ижевский.

Но меня тянуло в цех, и я попросил Ижевского помочь мне устроиться на производство.

— Хорошо, я напишу письмо кое-кому из знакомых.

С письмом Ижевского я отправился к директору Юзовского завода. На заводе было неопределенное положение. Был русский директор, при нем — английский директор, а при английском директоре — английский механик и русский механик. Юридически русский директор являлся директором завода, фактически же ему связывали руки английские капиталисты — хозяева завода. Поэтому он не мог самостоятельно принимать людей на ответственную работу.

Вначале директор предложил мне быть переводчиком, но я отказался, сославшись на плохое знание языка.

— Ну, что же с вами делать? — сказал, подумав, директор. — Идите тогда в техническое бюро на чертежную работу.

Я осведомился:

— А в цех нельзя?

— Нельзя.

Бюро, так бюро. Выбирать мне было не из чего. Либо взять ту работу, какую предлагали, либо поступить на место, не имеющее никакого отношения к моей специальности.

Таким образом и начал я чертить у Соболевского в прокатной группе, хотя и не по специальности, но все же в области металлургии. Соболевский был очень знающим инженером, у которого можно было научиться многому. Но Соболевский был настолько скромным и забытым человеком, что, при всей личной к нему симпатии, хотелось работать под началом более бодрого, более смелого и сильного человека. Я чувствовал потребность в общении с людьми сильного характера, у которых я бы мог заимствовать недостававшие мне черты независимости, смелости и воли. В прокатной группе чертежников у Соболевского работали люди в большинстве скромные, будничные и молчаливые, люди без фантазии и широких запросов.

Мы работали в большом зале, уставленном множеством столов, за которыми, не разгибая спины по семь-десять часов в сутки, корпели с рейсфедерами и линейками в руках молчаливые люди, отчаявшиеся стать чем-нибудь иным, кроме рядовых чертежников. Это была очень скучная и недалекая публика, обычно часто встречающаяся в старой среде средней технической интеллигенции.

Но был один уголок в этой комнате, откуда веяло свежим, сильным, сокрушительным ветром. То была группа чертежников-доменщиков, повидимому, очень спаянная, ото всех обособленная, состоявшая из крепких и бодрых молодых людей со смелыми и насмешливыми глазами.

Часто к ним в бюро приходил человек среднего роста, с рыжей бородкой и надвинутой на голову кепелюхой. Быстрым, уверенным шагом направлялся он к группе чертежников-доменщиков

По тому, как его встречали, как внимательно слушали, ясно чувствовалось, что этот человек занимал особое положение в этой группе. Приход этого незнакомца вносил всегда большое оживление и беседа чертежников-доменщиков становилась все громче и громче.

— Надо покопаться с ручной палаткой, — доносилось до меня из угла доменщиков. — Катали подходят к самому жерлу колошников, откуда вылетает пламя, обжигает людей, калечит их.

— Нужны американские бунжера, — утверждал незнакомый мне человек.

Долетали до меня и отрывки фраз, содержавшие жестокую и едкую критику устаревшей практики доменного процесса, который существовал в России. Эти смелые люди никого не боялись и никого не щадили. Они обрушивались на застывшие производственные традиции, не считались с почтенными именами ученых, которых мы, молодые металлурги, почитали, как божества. Мы, например, полагаем, что Жезян и профессор Линше, написавшие книги о металлургии, — люди весьма авторитетные. Но для этих молодых людей из группы доменщиков, казалось, не существует никаких авторитетов. Они ли с чем не считались и свергали старых богов безжалостно и смело.

— Старик ничего не знает. Он птенец в металлургии. Он пишет о том, чего никогда не видел. Он отстал на двести лет, — так говорил об одном почтенном профессоре человек с рыжей бородой и с капелюхой на голове.

Группа доменщиков заинтересовывала меня все больше и больше. Меня будоражили, волновали их свежие мысли об отсталости русской металлургии и правилась смелая дерзость, с которой они обрушивались на эту отсталость. Мне хотелось познакомиться с ними ближе и, по возможности, войти в их круг.

Но больше всего меня заинтересовала личность человека с рыжей бородой.

★ ★ ★

— Это Курако, — объяснили мне.

История металлургии, история одной из самых романтических

и захватывающих отраслей производства, знает немало колоритнейших, выдающихся фигур. Среди них в истории русской металлургии на первом месте стоит Курако.

Имя Курако гремело тогда на юге России. Курако ненавидели, ему поклонялись, перед ним заискивали. Вокруг Курако, как это всегда бывает вокруг незаурядного, выдающегося человека, кипели страсти.

Имя полудеядарного, романтического человека, вокруг которого сплотилась группа бескорыстных смельчаков, талантливых инженеров и рабочих-доменщиков, неоднократно произносил вслух с недоумением и робким восхищением Ижевский.

Биография Курако была загадочной и целеной. В нее влетали причудливые, романтические узоры, захватывающие факты. О своей жизни сам Курако подробно никогда не рассказывал. Но из случайно оброненных замечаний было известно, что он — сын дворянина, отставного полковника.

Где-то в Белоруссии, в местечке Климовичи находилась поместья его отца. Маленький Курако рос в любящей и холившей его семье помещика. Его воспитывали на лучших образцах изящной классической литературы. Им руководили гувернеры-французы. Ему готовили счастливую карьеру блестящего молодого человека и собирались отправить для продолжения образования в Лейпцигский университет.

Курако рано почувствовал всю пустоту и скуку помещичьей жизни. Однажды пятнадцатилетний Миша Курако запустил бутылкой в своего воспитателя. Он сделал это обдуманно и хладнокровно. Это был не случайный каприз или раздражение, а мучительный вызов, брошенный своей среде.

Из отчего дома Курако бежал навсегда.

Сняв гимназическую форму, он одел грубую рабочую блузу и пришел на завод. Курако был чернорабочим, каталом, шлаковщиком, горновым. У доменных печей он забывал о себе. Затаив дыхание, он прислушивался к грозному урчанию, доносившемуся из бурлящей огненной утробы. Пытливо и настойчиво изучал он внутренности печей. Он разгадывал тайны, свершавшиеся в домнах, чтобы подчинить их своей воле и разуму.

Потом пришла слава. Русский горновой Курако с тремя свои-

ми подручными спас две только что построшенные знаменитым американским доменщиком Кенпеди доменные печи в Мариуполе. В три дня Курако расплавил «козлы», сковавшие их могучий желудок. Казалось, навсегда бездыханные печи внезапно ожили. Курако стал знаменит.

Директора заводов охотились за Курако, как за драгоценной добычей. В случаях тяжелых аварий, когда, казалось, были исчерпаны все силы и средства, которые могли бы спасти положение, приглашали Курако, и он творил чудеса. Он являлся, всегда спокойный, сосредоточенный, во главе своей изумительно спящей бригады. Курако тотчас же принимался за работу и нередко ставил в неловкое положение кичливых инженеров, ученых с именами, известных доменщиков.

Краматорка теряла ежегодно на чугуна семь тысяч рублей. Начальником доменного цеха был немецкий профессор Зиммербах. Профессор вел борьбу с серой в плавке и терпел неудачу за неудачей. Чугун выходил у него катастрофически плохим. Наконец, решили пригласить Курако посоветоваться. Курако ответил:

— Советоваться тут нечего, надо работать.

— А как работать?

— Это я покажу тогда, когда вы назначите меня начальником цеха.

Так разговаривал русский рабочий с немецкими заводчиками. Курако назначили начальником цеха. Он стал работать со своей бригадой. Краматорка ожила. Она стала выпускать чугун высшего качества.

Таковы были рассказы о знаменитом доменщике Курако. Это был тот самый человек с рыжей бородкой, который приходил к нам в чертежное бюро. А те молодые и задорные люди в углу работали под его руководством. Понятно, что к этому человеку потянуло меня точно магнитом.

По воскресеньям я любил ходить по заводу и смотреть на машины. Часто я заходил в доменный цех, где часами простаивал около горнов. Там почти всегда можно было встретить Курако.

Я выделялся тогда своим нерусским видом, американским костюмом.

Курако заметил меня,

— Вы работали в Америке? — спросил он меня однажды. Я ответил утвердительно.

— Хорошо работают американцы, лучше нас?

— Конечно, лучше. У Гери, например, весь процесс механизирован на домнах.

Курако оживился.

— Вам, значит, нравится американский тип заводов?

— Да, мне очень нравится американское металлургическое производство. Это лучший тип завода, который мне приходилось видеть.

— Это хорошо. Очень хорошо! — повторил Курако, внимательно посмотрев на меня.

Так, день за днем, мы стали встречаться с Курако. Все чаще и чаще он заговаривал со мной, задавал вопросы об Америке. Однажды я спросил у него, нельзя ли мне перейти к нему на работу. Курако посмотрел на меня внимательно и, подумав, предложил работать чертежником. Но я уже ближе познакомился с его группой работников; они были гораздо сильнее меня в этой области. Помимо того, меня тянуло в цех. Я чувствовал, что чертежное дело не по мне, что мне надо от этой работы уходить.

Но просить Курако? Я знал: это будет бесполезно. Если он захочет, то сам возьмет меня к себе в цех, не захочет — и никакие просьбы не помогут.

Ах, если бы только вырваться в цех!

... Случилось так, что в это время уезжал помощник начальника доменного цеха. Кто его заменит? Это волновало многих из нас. Называли польского инженера Чеховича. Его прочли на эту должность директор завода. Курако же о кандидатуре Чеховича молчал. Он знал, что я стремлюсь в цех и, как мне казалось, хорошо ко мне относился.

«А вдруг счастье улыбнется мне, накопец? — думал я, и мне становилось жарко от этой мысли. — Но если меня обойдут, то тогда? Опять чертежное бюро и скучные маленькие люди за соседними столами!»

Тогда я решил, что надо уходить с завода. Я начал закидывать удочки на другие заводы. Удача: меня пригласили заведывать производством прокатки на Брянском заводе в Бежице. Цех

был небольшой, но все же это было значительным шагом вперед.

Получив приглашение, я держал его в кармане. «Посмотрим, что будет дальше», — думал я. Я стал уже хитрить с судьбой.

И вот в один прекрасный день я узнал, что помощник начальника домашнего цеха уехал. Какое-то первое беспокойство охватило меня. Кого назначат на домну? В тот же вечер я узнал, что на домну назначили меня и Толли.

Это было для меня огромное и неожиданное счастье. Значит, я буду работать в цехе, около домен, вместе с знаменитым Курако. И это, наконец, он захотел, чтобы я работал на домне.

Я сообщил в Брянск, что на работу к ним не поеду.

Первый раз в своей жизни я отказался от предложения, которое в другое время было бы для меня более чем лестно.

ГЛАВА IV

Монассан как-то заметил, что если бы судьба не столкнула его с Флобером, он, наверное, был бы лавочником.

Однажды в поезде я встретил старого человека. Он читал какую-то книжку, при этом страшно волновался и вдруг заплакал. Я заинтересовался поведением старика и тем, что он читал. В книжке рассказывалось, что в царской тюрьме палачи гоняли политических заключенных сквозь строй плеток. В числе заключенных был необыкновенный человек. Его били по спине, а он шел мимо палачей с книжкой в руках и улыбался. Этот человек был Сталин.

Старик в вагоне плакал потому, что ему никогда во всю жизнь не привелось столкнуться с людьми такого могучего духа. Горько жалуясь на судьбу, старик поведал, что прожил ничтожную жизнь.

Я часто задавал себе вопрос: кем был бы я, если бы судьба не столкнула меня с Курако?

Я, наверное, стал бы зауряд-человеком, незначительным чертежником, обывателем, каких было тысячи, кои жили и боролись только ради своего маленького куса хлеба.

Встреча с Курако совершила переворот во всей моей жизни. Это был несомненно выдающийся человек. Он оставлял глубокий след на всяком, кому приходилось с ним работать. Он был полной противоположностью моему первому учителю Ижевскому.

Ижевский пробудил во мне любовь к науке. Но он был неумелый учитель жизни. Немного чудака, либерал, толстовец, тихий, наивный старик, далекий от грубой жизненной правды. Ижевский был не в силах развить во мне волевые качества, привить мне бодрость, поднять мой дух, развить смелость. Ижевский сам часто нуждался в моральной опоре.

Курако, напротив, был яркий, цельный человек, точно высеченный из крепкой породы. Среднего роста, жилистый и худой. Твердая изящная походка. Уверенная поступь. Красивой, правильной формы голова, высокий лоб, лицо слегка покрытое морщинами, но сухое, энергичное, энергию которого подчеркивали тонкие губы, опущенные рыжеватыми усами и бородкой.

Всегда красные, воспаленные веки, должно быть, от ослепительно ярких фуражных глазков¹, в которые он часто заглядывал. Чрезмерно острые глаза, пронизывающие и, вместе с тем, удивительно теплые, человеческие. Никогда таких изумительных глаз я не встречал раньше. Они сразу вас останавливали, в этих глазах светился большой ум, едкая ирония и насмешка. Испытав на себе его взгляд, вы чувствовали, что глаза этого человека видят глубоко, пропикая как бы в вашу сущность.

Одежда на нем была всегда одинакова. В ней было чрезвычайно много простоты. Летом — синяя куртка, синие брюки, вправленные в сапоги, обязательные во всех случаях. Редко Курако надевал ботинки, и то только на званый обед или если случалось присутствовать на банкете. Рубашка на нем была без галстука, а на голове, как правило, шляпа. Фуражку он надевал только тогда, когда ходил на охоту. Зимой Курако носил кенгуровую шубу, а вместо шляпы на голове капелюху — меховую шапку-ушанку.

Говорил Курако очень резким, звонким, но приятным голосом. Он обладал исключительной силой убеждения. Когда он

¹ Фурма—отверстие, служащее для вдувания воздуха в домну.

разговаривал с вами один-на-один и хотел вас в чем-нибудь убедить, то делал это очень осторожно и тонко. Он умел с такой задушевностью подойти к вам, что вы чувствовали, что с вами разговаривает близкий вам человек.

Вместе с тем, Курако мог быть резким, холодным и безжалостным. Органически чуждый всякой аффектации и рисовке, простой в обращении с людьми, он ненавидел пустое бахвальство и внешний лоск. Он презирал белоручек, мамелькиных сынков, карьеристов, бегущих от черной работы. Над такими белоручками Курако любил издеваться. Он презирал и считал ничтожными тех инженеров, которые любили носить фуражку с кокардой и надменно обращались с мастерами и рабочими.

— Никогда кокарда не заменит башку на плечах, — говорил он.

Поэтому инженеры, работавшие у Курако, отличались простотой и никогда не носили формы.

Вспоминается такой случай. В Юзовку поступил на работу молодой сменный инженер. Он недавно окончил институт и, по-пятно, не имел никакого практического опыта. Тем не менее, это не мешало ему важничать и кичиться своей инженерской формой, с которой он никогда не расставался. В цехе горновой заправлял летку — отверстие, откуда выходит расплавленный металл. Инженерик стоял несколько поодаль, наблюдая работу горнового. Тот забивал летку глиной и выглаживал ее лопатой.

— Плохо, милый, заделываешь летку, — важно заметил инженер горновому.

Сзади стоял Курако.

— Вы болтаете, господин инженер, — резко сказал ему Курако. — Вам учиться надо у этого рабочего, а не болтать, — и повернулся к обескураженному инженеру спиной.

— Понимаете, — возмущался после Курако, — сосунок еще в нашем деле, только вышел из колыбели, а уже командует.

Курако обращал серьезное внимание на то, как человек работает, гнушается ли физическим трудом. Он уважал только таких работников, которые готовы в любую минуту засучить рукава. Если ему что-либо не нравилось в вашей работе, он ни-

когда не вводил изменений в форме приказа. Курако давал вам совершенно четкие и ясные советы, доказывая, почему именно так, а не иначе надо работать.

Рабочих он убеждал только личным примером. Идет, бывало, Курако по цеху и если увидит, что какой-нибудь рабочий выполняет не так, как нужно, задашь, то, не стеснясь, брал лопату и показывал, как надо работать.

Помню, когда я только начал работать в цехе, он заставил меня прежде всего забить летку. Он подходил к рабочему или инженеру и учил, как надо ставить карбо во время выпуска чугуна.

— Малейшая ошибка — и испортишь весь ряд чугуна и еще без ног останешься.

Он брал в руки шланг и, направляя струю воды, показывал, как правильно заливать чугун перед ломкой.

— Передельешь, дашь лишней воды — и чугун потом не поломаешь. Не долешь воды — и чугун останется жидким внутри, а чушка будет течь.

Не стеснясь, Курако брал лопату в руки и показывал, как разделять канаву для чугуна.

— Канавы — не пустяк. Это искусство. Плохо разделал канаву — и вся плавка закозлится.

Курако беспрестанно учил людей, с которыми работал:

— Вы — начальники, руководители, лица, которые приказывают, и поэтому вы сами должны знать, что представляет собой всякая физическая работа. Просто приказывать рабочему нельзя. Это у домен не годится, и это большой риск. Здесь вы имеете все время дело с грозной массой расплавленного металла и часто совершенно не знаете, на что идете, когда даете приказ. Поэтому не надо стыдиться, берите ломик в руки и научитесь заправлять пушку. Это полезно даже инженеру. У вас тогда создастся реальное представление о трудностях.

Курако учил инженеров:

— Половину дня или ночь вы являетесь главным человеком в цехе. У вас тысяча рабочих, под вашим началом несколько доменных печей, у вас большие и сложные механизмы. И вот, представьте себе, положение требует от вас мгновенного,

безоговорочного решения, потому что расплавленный металл не будет ждать, куда вы его направите, и пойдет своим путем, сокрушая все в своем движении. Вы же, тем не менее, не чувствуете, что способны распорядиться, потому что не уверены в знании дела. Это скандал, катастрофа, над вами смеются рабочие, вы навсегда потеряли авторитет.

— Вы сами почувствуете момент, — говорил он, — когда вам нужно будет начать приказывать. Но, если вы только недавно появились в цехе в качестве начальника, не думайте, что можно сейчас же начинать командовать, учить людей, не позволять им делать то, что они привыкли делать каждый день. Традиции меняются, но ни в коем случае не отменяются. Запомните это. В самом начале ваша обязанность — учиться самому, присматриваться, как работают люди. Систематически изучайте дело, около которого находитесь. Не стесняйтесь, советуйтесь с мастерами, беседуйте с рабочими, они тоже очень много знают в нашем деле. Но не все принимайте на веру: иной раз они вам могут помочь, но часто могут привить и свои ошибки.

У Курако была удивительно крепкая связь с рабочими. Он всех их прекрасно знал в лицо. Часто он помогал им деньгами и всем давал займы. Он знал каждого рабочего по имени. Знал его прошлое, его быт, семейное положение, знал, кто пьет, гуляет, безобразничает, учится и сколько денег посылает домой.

— Скажите, как зовут вон того подручного? — спрашивал Курако, чтобы выяснить, знаете ли вы людей, с которыми работаете.

— В цехе вас окружают живые люди. Они трудятся, радуются, любят, горюют, чувствуют, болеют. Это люди. Они живут. И вы, их начальник, обязаны присматриваться к ним, изучать их, когда надо — быть их судьей, братом, товарищем, учителем.

Рабочие любили Курако и ни одна свадьба, крестины или какое-нибудь другое семейное торжество не обходились без его участия. В гости к рабочим Курако ходил запросто, как свой человек. Он пил с ними водку, смеялся, шутил и забавлял ребятшек.

Зато на работе он был требователен и строг. Он приказывал

и приказания давал только один раз. Но это было точно взвешенное и проверенное приказание. Повторяться он не любил. В случае неподчинения никакого помилования он не признавал. Стояча он мог выругать без разбора рабочего или инженера самыми последними словами, но если видел и знал, что человек хочет работать, учиться, то всегда прощал.

Но потерю человеком собственного достоинства Курако никогда не прощал никому. Это была самая жестокая провинность перед ним. Человек сильной воли, непреклонных, твердых принципов, смелый и дерзновенный, Курако не выносил тех, кто приходил к нему унижаться, плакать, влязничать или становясь на колени, просить прощения. Таких людей он безжалостно выгонял с завода и прощался с ними навсегда.

ГЛАВА V

На юге в условиях пизкой металлургической техники работа была беспокойная и трудная. Люди работали, обливаясь кровавым потом, выбиваясь из последних сил.

Зимой в холод, на жгучем морозе леденели руки, примерзая к тачкам. Летом невыносимый зной от солнца и жара печей обжигал тело.

Людей не падали. Они обгорали у открытых колонников, отравлялись газами, падали в изнеможении. Их сменяли все новые и новые партии рабочих, которых пригоняли на завод сотнями.

Печи на юге были маленькие. То и дело они не задились и часто зависали. Их приходилось выдуть раньше времени. Работали у печей, как слепые, наощупь. Всякого рода материалы были недостаточно проверены. Шихту — шихту печей — давали, точно совершая таинство. Дадут фунтик, потом еще фунтик прибавят. Курако называл это коловством. Он не любил коловство, хотя сам у домен был словно жрец.

Технические средства того времени в металлургии были так слабы, что печи никак нельзя было продуть. Останавливались машины. Люди были беспомощны. Ничто, кроме Курако, не мог наладить домен. Он применял американский способ продувки

печи наружу. Зрелище было потрясающее. Продувание сопровождалось оглушительным шумом. Из колошников во время больших осадок вылетали огненные языки и взметались фонтаны раскаленных материалов, словно из кратера вулкана.

Под руководством Курако мы работали много и страстно. Этот человек, неутомимый и беспокойный, казался, никогда не спал. Часто по утрам он приходил на работу с воспаленными, затуманенными глазами. Но как только Курако подходил к домам, он преображался; у домен в нем закипала душа техника.

Курако искал пути облегчения человеческого труда в металлургии и разрешал их смело и просто. Он первый в России ввел машину, забивающую выпускное отверстие. Машину привезли американцы, но поставить ее не сумели. Курако работал день и ночь и вышел победителем. Он первый в России правильно решил задачу с загрузочным отверстием колошника. Курако не был инженером, но он обладал какой-то гениальной технической прозорливостью, удивительным даром технического обобщения. Его горни живое до сих пор. Горни Гогоцкого, горни выдвинутого инженера-металлурга, оказались непригодными и его выбросили.

Но Курако было тесно в душных рамках того времени.

— Эх, Павлыч, — говорил он злобно и разочарованно, — точно сдавили мне плечи тисками, и вот задыхаюсь я, барахтаюсь, машу руками и не могу развернуться!

Курако рвался на широкую дорогу механизации. Он мечтал построить в России крупный механизированный металлургический завод американского типа. Но перед ним вставала глухая стена российского варварства. Его замечательные способности растворялись в мелких перестройках одной-двух старых печей, сводились к довольно мизерным улучшениям, незначительным переделкам.

Он ясно сознавал и хорошо понимал, что именно мешало ему как следует расправить крылья.

Южные заводы строились не сразу и не в больших масштабах. Возникали они от незначительных капитальных вложений стихийно, без всякой идеи, пристраивались и постепенно расширялись. Механизация? Хозяева южных заводов — бельгийцы, французы, немцы — не видели в этом необходимости. К чему, в

самом деле, нужна была им механизация, дорогие машины, когда в России такие дешевые рабочие руки? Ведь это все равно, что Индия или Китай. Поэтому все решалось просто: лопатка, ломик, кувалда и большая армия обладателей мозолистых рук. Простейшие механизмы и, в особенности, натруженные человеческие мускулы приносили хозяевам не меньше прибыли, чем капитальные и хлопотные машины. Идеи механизации рассматривались поэтому, как посягательство на святая святых.

Конечно, Курако понимал все это превосходно. Он знал, что ему не удастся изменить природу хозяев, и все же боролся, не переставая, за каждое нововведение, за каждый пустяк и все мечтал и все строил фантастические и заманчивые планы.

Меня Курако научил не только работать, не только сделать меня опытным металлургом, инженером-доменником, но научил также мечтать о металлургической технике.

Вечерами мы собирались у Курако. Он жил в большой квартире один. К нему приходили инженеры, студенты, молодежь. Я очень любил эти вечера, наполненные шумным товарищеским весельем и смутными, непонятными для меня спорами. Спорщик Курако был замечательный. Он обладал огромной эрудицией и блестящей памятью. Он знал куда больше, чем наш брат инженер, хотя университетов не кончал. Он читал Ницше и Риккардо, Шиллера и Гегеля, Смита и Канта, Вольтера и Маркса. Он удивительно просто и популярно передавал нам идеи просветителей и материалистов. В его спорах был всегда заложен какой-то камень преткновения.

— У Михаила Константиновича волчий зуб, — говорил о нем Соболевский.

И действительно, я часто думал: кого напоминает Курако во время споров, окруженный маститыми и солидными инженерами, учеными и заводчиками, все большей частью консерваторами? В детстве я наблюдал, как маленькую собачонку обступила целая свора здоровых псов. Собачонка, оскалившись, села на задние лапы. Псы к ней не могли подступиться. «Ничего не выйдет. — сказал один мальчишка, — у нее волчий зуб».

У Курако был тоже «волчий зуб». В спорах он был почти всегда неуязвим.

Как-то у Курако спросили, где он учился. Курако улыбнулся:

— Я окончил николаевскую академию.

— Это в Петербурге?

— Нет, в Архангельске. Я там учился три года. Великоденная академия. Николай меня туда устроил.

Курако выдержал паузу и обвел всех горящими глазами.

— Это, пожалуй, лучший университет, какой придумало правительство. — Курако рассмеялся: — форма, правда, неважная, совсем не для щеголей, — серый арестантский халат.

Меня Курако заставлял читать ему повести американской техники. Я приходил к нему с пачкой заокеанских журналов подмышкой. Он усаживал меня в кресло против себя и, призвав всех к молчанию, советовал внимательно слушать чтение. Металлургия Нового света его чрезвычайно интересовала. Эти часы знакомства с мощной заокеанской индустрией, с механизированными домами и сложным оборудованием были замечательным университетом для всех нас и как-то особенно волновали Курако. Глаза его расширялись, загорались злым огнем. Возбужденный, он начинал ходить по комнате.

— Вот на каком заводе хотелось бы поработать, черт возьми. Ах, Россия-матушка, — вздыхал он. — варварская страна! Будет ли когда-нибудь в России построен такой завод, какие строят в Америке?

Мы часто задавали себе этот вопрос. Но кто будет строить? Потье, наш старый директор Потье, который чихнуть не мог без разрешения банка? Значит, не он. Кто же тогда? Может быть, банк? Но банк постоянно накладывал узду даже на самое малейшее усовершенствование, способное облегчить человеческий труд.

— Утопия, Михаил Константинович, — возражал кто-нибудь, — этого не будет. Россия привыкла ковырять лопатой и будет сю ковырять еще тысячу лет.

Курако отрицательно качал головой.

— А я думаю, что дураков, работающих лопатой, будет все меньше и меньше. Это неизбежный процесс развития. Когда-нибудь Россия ошомится и, задрав штаны, побежит за Америкой.

— Через сто лет возможно.

— Через сто или десять лет — не знаю, но это обязательно будет.

Иногда во время этого спора Курако обращался ко мне:

— Ну, а ты, Павлыч, скажи-ка, инженер, будем мы с тобой когда-нибудь в России работать у таких домов, какие ты видел в Америке?

Я в этом был не особенно уверен. В понятный для меня только теперь смысл слов Курако я не вникал. Но почему не фантазировать?

В долгие зимние вечера мы предавались таким мечтам. Мы рисовали себе необычайные заводы на русской земле. Вздохи, разгоряченная фантазия уносила нас в сказочную страну технических чудес, где все механизировано, где процесс у домен точен, как часы, а люди у горнов могут не бояться никаких неожиданностей.

Но сон, навеянный фантазией, быстро проходил. Все наши мечты были слишком несбыточны. Они витали где-то далеко, в дымке розового миража. Действительность же возвращала нас на работу к тем старым домам, изрыгающим пламя, к коварным «старым самоварам», которые погубили немало человеческих жизней.

ГЛАВА VI

В 1916 году Михаил Константинович Курако покинул Енакиево, недовольный и злой. Он механизировал одну доменную печь и принялся было за вторую, когда вся его работа полетела вверх тормашками. Хозяева завода — Русско-Бельгийское общество — отказались от всяких реконструкций, связанных с денежными затратами. Курако рассвирепел, обругал директора и хлопнул дверью, расстался с заводом навсегда.

Перед отъездом Михаил Константинович зашел ко мне. Он был очень возбужден и злоязычен.

— Не могу больше оставаться в этом вертене. Я теряю всякое терпение и самообладание. Эту проклятую стену мне, по видимому, никогда не прошибить. Сколько бы я ни дрался с хо-

злевам за механизацию, из этого ничего не выйдет. Они властелины. А я только порчу себе кровь.

Острые глаза Курако загорелись ненавистью.

— С каким наслаждением я задушил бы собственными руками этих толстосумов или поставил бы их у колосников, — пусть жарятся у этого пекла! Тогда, может быть, они бы кое-что и поняли.

— Но все это вздорная фантазия, — спохватился Курако. — А вот мне, действительно, приходится бежать, бежать куда-нибудь отсюда.

Курако грустно и зло усмехнулся:

— Но куда бежать? Хозяева ведь все одинаковые: будь они немцы, бельгийцы, или англичане — в их руках власть над южными металлургическими заводами. И все эти хищники ничем не отличаются друг от друга. К чему им, в самом деле, механизация, когда с помощью простой физической рабочей силы они выкачивают из наших «старых самоваров» море золота? Утешает меня то, что я этому директору напоследок выложил все накопившее во мне за эти годы. О! Я воспользовался при этом всей цветистостью французского и русского языков. Господин Потье так перепугался, что рад будет поскорей избавиться от меня. Ну, и черт с ним, уеду куда-нибудь на другой завод.

Я так свыкся с мыслью работать вместе с Курако, каждую минуту чувствовать близость около себя этого замечательного человека, под руководством которого я стал опытным инженером и расширил свой технический горизонт, что мысль об его отъезде меня чрезвычайно огорчила. Курако, конечно, сразу это заметил.

— Если хочешь, поедем со мной, Павлыч, — сказал он, желая меня успокоить. — А впрочем, — добавил он, подумав, — тебе, пожалуй, лучше остаться здесь, тем более, что тебя, как я полагаю, оставят моим преемником. Это для тебя даже очень хорошо. Оставайся здесь, по помни: без уступок! С волками жить — по-волчьи выть. Потье будет цепляться за тебя, он будет соблазнять тебя карьерой и деньгами. А ты пользуйся этим и бери хозьяев за глотку.

Снабдив меня такими наставлениями, мятежный, шумный Курако уехал в этот же вечер.

А на следующий день меня вызвал к себе директор завода Потье.

Потье был со мной необычайно любезен и предупредителен, и я сразу понял, о чем он поведет со мной речь. Наливая мне бокал шампанского, Потье говорил:

— К сожалению, мы вынуждены были расстаться с вашим шефом, он слишком горяч и неуравновешен. Мы не поладили и вот расстались. Мы подумали о вас — не согласитесь ли вы, так сказать, взять бразды правления? Мы надеемся, что вы не собираетесь продолжать работу вместе с Михаилом Константиновичем? Лучше, конечно, будет, если вы останетесь у нас. Мы дадим вам приличное вознаграждение.

— Все будет зависеть от того, что вы мне предложите, — сказал я с достоинством.

— А что бы вы хотели?

— Я затрудняюсь сказать.

— Хорошо. Наше предложение — пятнадцать тысяч рублей в год.

Я не верил своим ушам. Ого! Меня, повидимому, действительно стали ценить. Я был учеником Курако, и на меня посыпался золотой дождь. «Неплохо», — подумал я, чрезвычайно довольный, и потянулся к своему стакану с вином. Я вдруг почувствовал какое-то легкое и приятное головокружение. Я понял, что наступила решительная минута в моей жизни, и в зависимости от того, как я поведу себя именно в эту минуту, определится вся моя дальнейшая судьба.

Пятнадцать тысяч! Ведь это целое состояние! Это начало счастливой, независимой жизни! Ну что ж, добро пожаловать, приветствую тебя, независимая жизнь!

Увидев, что хозяева нуждаются во мне, я проявил достаточную рассудительность и твердость характера. С волками жить...

Пятнадцать тысяч? Нет! Я не могу согласиться. Я чувствовал твердую почву под ногами и знал, что в эту минуту имел право быть неговорчивым, и я набавлял себе цену.

Я выторговал себе восемнадцать тысяч в год. Это были хорошие деньги. Теперь я мог быть вполне доволен своей судьбой. Безработица, борьба за кусок хлеба, погоня за призрачным сча-

ством, мучительные терзания, неуверенность в завтрашнем дне — все это оставалось позади, в прошлом.

Я поднялся сразу на много ступеней выше. Я занял обеспеченное, солидное положение, доступное немногим инженерам.

Только одна-две ступени отделяли меня от директора.

★ ★ ★

А за порогом моего благополучия бушевали военные грозы.

На Марше, за Вислой, на берегах Сены и Рейна в трагическом безумии скрестили оружие народы.

Была война. Чудовищная и бессмысленная бойня. Ее кровавые отзвуки доходили до моего сознания, когда заводу не хватало рабочих рук. Война пожирала миллионы человеческих жизней, так же, как пожирала миллионы тонн металла.

Я был за войну до победного конца. Я не представлял себе, как можно желать поражения. Мой мозг не дошел еще тогда до понимания гениальной революционной концепции Ленина о поражительской позиции. Впрочем, я тогда и представления об этой концепции не имел. Поражение в войне казалось мне неизбежным унижением и разгромом России.

Заводы немцев, бельгийцев, англичан, этих варягов на русской земле... В памяти остро оживали дни унижений и безработицы. Во мне говорили животный инстинкт самосохранения, боязнь быть вытесненным в борьбе за существование.

На первых порах после совершившейся в моей жизни чудесной перемены, которая освобождала меня от всяких материальных забот, я был всецело поглощен работой. Круг моих обязанностей расширился. Ответственность увеличилась. Я работал, не цеклая рук, и только в лихорадочной работе находил удовлетворение. Совместная работа с таким человеком, как Курако, была для меня великолепной школой: Курако безмерно расширил мой горизонты инженера, а я прежде всего был инженером, специалистом, и воспринимал реальный мир сквозь призму своего инженерского бытия и благополучия. Работали домы без перебора, — хорошо, мир прекрасен! Заминка на домнах, — и все окружающее рисовалось в мрачных красках.

Однако, был ли я вполне счастлив?

Нет.

Меня часто охватывало тоскливое сомнение. Я был молод и полон неуемной силы. Она требовала выхода, простора. Работа часто казалась мне будничной, невыносимо скучной. Как и Курако, мне тоже было тесно. Масштабы становились для меня все более и более узкими. Переделка печей, незначительные перестройки — вот и все. Скука! Мне хотелось чего-то большего. Я понял, что сама по себе материально обеспеченная жизнь меня не удовлетворяет. Я все более и более убеждался в том, что моя независимость, которой я вначале так увлекался, была только кажушейся. В конце концов я всецело зависел от воли директора.

Директор завода Потье, старик-француз, взбалмошный и неурядовищенный, легкомысленный и недалекий Потье всегда соглашался с моими планами переустройства завода и распалал мое воображение, но практически его обещания ничего не стоили. Он всецело зависел от банка, а банк денег ему не давал.

Потье был окружен на заводе целой оравой своих людей, соотечественников и родственников. Из руководителей цехов я был единственный русский. И ко мне, как к чужому, относились с недоверием. Все вопросы решались за моей спиной. Я прекрасно видел и понимал, что пока во мне нуждаются, меня терпят и умамливают. Но стоило только подвернуться своему человеку, и я немедленно окажусь неподходящим, ненужным, со мной спокойно расстанутся. Малейшая заминка в работе всегда приписывалась моей небрежности — все равно, виновен был я в ней или нет.

Таким образом, когда первое увлечение своим новым положением у меня прошло, я глубоко почувствовал всю его шаткость. Порой во мне закипало раздражение и хотелось так же, как Курако, плюнуть и уйти.

Я не мог никогда забыть историю моего ухода с Юзовского завода. Там я серьезно поспорил с англичанином Крессвеллом, очень хорошим инженером, но чрезвычайно надменным человеком, бывшим в хороших отношениях с директором завода. Наша ссора приняла серьезный оборот, и мне пришлось предъявить ультиматум: или я, или он, но один из нас должен уйти с завода. Анг-

ло-французское засилье на заводе было тогда чрезвычайно сильным, и поэтому в моем ультиматуме усмотрели оскорбление английской нации. Мне дали понять, что в крайнем случае Крессвелл может извиниться передо мной, но расстаться с ним администрация завода не может.

— Что же, тогда мне придется уйти, — заявил я директору.

— С Крессвеллом мы расстаться не можем.

Ясное дело, я получил расчет.

Этот пример я хорошо помнил. В Енакпеве каждую минуту со мной может случиться такая же история. Неважно, что я работал хорошо и мною были довольны, но на заводе было слишком много французов, с которыми я был не в ладах. В особенно натянутых отношениях я был с приближенными Потье. Они откровенно меня недолюбливали и искали только подходящего повода, чтобы избавиться от меня. Все это я прекрасно видел и понимал. Это больно было по самолюбию.

Таким образом, когда я очнулся от приятного сна, навеянного депешами, я глубоко почувствовал всю унижительность своего положения. Все чаще и чаще меня охватывали сомнения. Я думал:

«Когда же наконец Россия избавится от проклятых варягов и русский инженер свободно развернет свои творческие силы?»

ГЛАВА VII

Февральскую революцию мы встретили с бурным восторгом. Раскрасневшись, как мальчишки, мы ходили по шумным улицам и пели «Марсельезу».

Мои товарищами были Луговцев, Уранов и Николадзе. Народ все солидней — инженеры, люди влиятельные и с положением. Самым способным среди нас инженером был Толли. Сын камергера, выросший в аристократической семье, он был настоящим барин, самоуверенный и надменный. Несколько ниже Толли по происхождению считался Уранов. Он был из генеральской семьи и часто рассказывал нам о своем брате, командире колыбай его величества.

Луговцев и я были совершенно иного социального происхож-

дения, чем наши товарищи. Луговцев (мы называли его Максюша) был сыном рабочего-газовщика. В люди он пробивался собственным горбом и с поразительным упорством. Он окончил горный институт экстерном, был мягкий, мечтательный человек, удивительно скромный и талантливый инженер-изобретатель.

Объединяло нас то, что мы все были инженерами и занимали довольно привилегированное положение на заводе.

Мы были настроены конституционно. Монархию мы отрицали единодушно, но капитализм и буржуазную свободу — приветствовали. В них мы видели источник прогресса. В конце концов все мы были крепко прикованы к колеснице капитализма.

Деньги, капитал — вот то, что мы признавали движущей силой прогресса.

Но мы с Максюшей считали, что вся тяжелая промышленность должна перейти в руки государства. Мы горячо стремились освободиться от ига иностранных капиталистов, от ига варягов. В своей наивности мы простодушно полагали, что раз буржуазно-демократическая республика, раз революция, свобода, — значит, долой иностранцев и да здравствует свой, отечественный капитализм! Промышленность и техника станут развиваться в новых условиях, а мы, русские инженеры, своими знаниями будем помогать государству.

Мы даже оформили нашу идею в виде специальной записки, которую подали временному правительству. Мы вложили в нее много горячности и вдохновения. В этой записке, предлагая временному правительству немедленно взять тяжелую промышленность в руки государства, мы рисовали идиллическую картину расцвета промышленности. Мы верили, что в России наступит тогда технический рай.

Уранов и Николадзе возражали против нашего плана. Они предпочитали государственному капитализму отдельных хозяев — крупных капиталистов.

Впрочем, разногласия наши не носили острого характера, и жили мы довольно дружно.

Наша записка временному правительству где-то затерялась и мы так и не получили на нее никакого ответа.

А дни шли своим чередом. Правительство Керенского существ-

вовало уже несколько месяцев, но все надежды на то, что после революции жизнь станет лучше, не оправдались. Война продолжалась попрежнему. Жизнь с каждым днем дорожала, положительно становилось все хуже и хуже.

Все чаще рабочие кричали: «Долой войну!» Рабочие устали от войны и работы до седьмого пота. Они требовали восьмичасовой рабочей день, начертанный на знамени свободы.

Свои требования рабочие предъявляли прежде всего нам, своим начальникам. Приходилось часто выступать на собраниях. Оратор я плохой, тем не менее я горячо доказывал, что прекратить войну невысказано. Это не в интересах родины.

— Надо воевать во что бы то ни стало, — убеждал я рабочих. — Кто идет против войны, тот подрывает новую государственную власть и свободу.

Особенно я напирал на свободу.

На требования рабочих сократить рабочий день мы обычно отвечали:

— Вы сами знаете, какой момент мы переживаем: свобода в опасности, наши братья в окопах; одним словом, надо работать двенадцать часов в сутки.

Я не задумывался над тем, что и Потье слово в слово говорил то же самое. В конце концов не велика уж была разница в мировоззрении хозяина и его привилегированного слуги-инженера.

Рабочие, понятно, с нашими доводами не соглашались. Они бросали работу, либо самовольно вводили восьмичасовой рабочий день.

Рудники остаивались. Это немедленно отражалось на работе завода. Потье бесился. От него ускользали заказы и доходы. Он собирал начальников цехов и инженеров и требовал от них решительных действий.

— Если так будет продолжаться работа, — кричал Потье старческим фальцетом, — то нам скоро нечем будет расплачиваться с рабочими, мы обанкротимся!

Это была чистейшая ложь, потому что за один только год хозяева положили себе в карманы пятнадцать миллионов прибыли.

Но вскоре рабочим действительно перестали платить жалованья. Рабочие шумели, негодовали, волновались и бунтовали.

Началось массовое бегство с завода, невероятная паника. Захватив семью, ораву своих родственников и заводскую кассу, Потье удрал из Енакиево. Поползли какие-то страшные слухи: в Петрограде и в Москве рабочие взяли власть в свои руки. Но толком никто ничего не знал.

Завод почти не работал. Дымилась только две печи. Люди разбежались. Хозяин удрал. Денег не было.

Мы посещали множество собраний. Помню одно такое собрание в кинотеатре, куда пригласили всех инженеров, рабочих с завода и рудников. Собрание должно было решить вопрос: брать в свои руки завод или не брать. Выступали рабочие и инженеры. По своему чину председателя союза инженеров я обязан был выступить. Я высказался очень туманно, но в том смысле, что лучше всего обратиться к капиталистам, нашим хозяевам, за помощью, получить от них деньги и таким образом восстановить работу завода. Высказался и Уранов. Он говорил более определенно:

— Без капиталистов ничегошеньки не выйдет. Об этом свидетельствует история. Это закон. У каждого свое определенное место: рабочие работают и трудятся, а хозяева управляют. Так было до сей поры, пусть так продолжается и дальше.

Но Уранову не дали закончить. В зале закричали:

— Дальше этого не будет!

Уранова оттеснили в сторону, трибуну заняли незнакомые люди. Они заявили, что приехали из Петрограда, что Совет народных комиссаров объявил все заводы собственностью государства. Постановление Совета народных комиссаров они прочитали рабочим, разъяснив при этом, что петерские пролетарии уже взяли заводы в свои руки.

— Так что разговаривать теперь не о чем. Завод этот наш, и мы будем управлять им сами. Для этого нужно избрать рабочее правление.

Стены зала сотрясались от криков, шума и возгласов. Тускло горевшие керосиновые лампы отбрасывали зловещие тени на стены и людей. Все это было необычно и неожиданно, так стремительно и ново, что я был сбит с толку.

В рабочее правление я войти отказался. Кто знает, надолго

ли все это? А вдруг завтра придет настоящий хозяин, придет Потье, — что тогда? Ведь Потье мне этого не простит, и я вынужден буду оставить завод.

Я заявил, что работать согласен, буду во всем помогать, но в правление войти не могу. Меня избрали главным инженером завода и рудников.

Целевая задача была проста — пустить завод, когда рудники не работали, когда вокруг был полный развал, разброд, когда доменный цех остановился, мартеновские печи потухли, «бессемер» погас, когда денег на заводе ни копейки и рабочим буквально нечем платить за работу.

В этих условиях надо было что-то начать делать, расшевелить людей, привести в движение механизмы, как-нибудь наладить финансовую часть.

Новой власти нужен был металл, чугун, сталь. Завод должен был работать во что бы то ни стало. Но без денег, на одном лишь честном слове нельзя было заставить людей работать.

Тогда-то у рабочего правления родилась мысль послать меня во главе делегации в Петроград, где мы должны были подробно рассказать рабоче-крестьянскому правительству о создавшемся положении на заводе и просить денежной помощи.

★ ★ ★

В Петроград я поехал с группой заводских рабочих. К нам приставили комиссара и снабдили огромными мандатами. Ехали мы, как и полагалось в те смутные годы, без всяких удобств, в холодных вагонах с разбитыми стеклами.

Было начало 1918 года. Измученная империалистической войной Россия только-только вступала в сложную и суровую эпопею гражданской войны.

Вагон был набит доотказа человеческими телами, люди перли в вагоны с неукротимой, слепой силой. Они висли гроздьями на подожках, на буферах, ругались, угрожая, лезли на крыши, цеплялись, падали. Поезд продвигался медленно, ощутую, точно слепой. Мы подолгу стояли на полустанках, раз'ездах, станциях с заплывшими и захаркавшими вокзалами.

Всюду солдаты, люди в серых шинелях, женщины, бородачи,

дети. Словно их взмыло могучим пиквалом и понесло по российским просторам. Словно какая-то неудержимая, непонятная сила влекла их куда-то вперед, и они, повинаясь этой силе, цеплялись за вагоны.

Я присматривался к людям в вагоне: матросы с заткнутыми за пояс паганами, с повязанными нагбrest, поверх буплатов, пулеметными лентами, фронтовки-солдаты с винтовками, люди, овеянные пороховым дымом, рабочие, бородачи-крестьяне, девушки и юноши со смедами, бесстрашными лицами.

Хриплыми и простуженными голосами вагон пел песни, сквернословил, спорил о войне, славословил революцию, обсуждал вопрос о земле и хлебе. Я сидел оглушенный и растерянный, не в состоянии разобраться в хаосе нагрянувших на меня путаных мыслей.

Тяжелые мысли овладели мной, нарушая привычную спокойную уравновешенность буржуазного инженера. Я увидел, что вокруг меня совершается действительно что-то неслыханно большое, титаническое. Но что?

Сознаюсь, я не понимал, чего хотят все эти матросы, крестьяне и солдаты, что нужно миллионам солдат, рабочих и крестьян?

Еще больше меня вывел из равновесия Петроград. Город напряженно светился, куда-то спешил, торопился. Улицы кишели вооруженными отрядами матросов, солдат и рабочих. Над домами, в пасмурном небе, жужжали самолеты. Бесперывной лентой тянулись обозы. По многим признакам видно было, что в городе какая-то тревога. Заколоченные двери и витрины некогда роскошных магазинов придавали улицам мрачный вид. Насупленные, хмурые, замкнутые лица людей подчеркивали это унылое настроение.

Вооруженные люди, обозы, мебель, грузовики, пушки — все это двигалось в направлении к Нарвской заставе.

Где-то совсем недалеко, на подступах к городу, слепые, немолчимые немецкие пушки угрожали смертью молодой республике. Государственные учреждения оставляли Питер, перебираясь в Москву.

В этих условиях наша судьба мало кого могла интересовать. Штаб революции был занят вопросами гражданской войны, брест-

Жизнь инженера. 4.

49

литовскими переговорами, хлебом и голодом, — он был занят разрешением насущных вопросов революции, и в такой напряженный, критический момент было даже совестно беспокоить вождей ради какого-то там завода, который находился где-то за тридцать земель.

«Ну к чему было ехать сюда? — задавал я себе вопрос. — Понесла меня нелегкая в такое время! Все это напрасно. Денег у большевиков, наверно, кот наплакал, совестно даже будет говорить о деньгах. И — чего доброго — еще застрипешь здесь где-нибудь», — беспокоился я не на шутку.

Нас принял Ларин.

Какой пост он тогда занимал, я не припомню. Жил он в гостиной «Астория». Его комната была вся завалена книгами. Книжки были повсюду: в беспорядке на письменном столе, в шкафах, свалены в ящик в углу комнаты. На стене висела большая карта Российской империи с двуглавым орлом и с воткнутыми в нее флажками, указывающими продвижение в Россию немецкого империализма. Флажки торчали совсем близко от Петрограда.

Худой, бледный, болезненный Ларин сказал, что ни Ленин, ни Свердлов нас принять не могут, потому что они очень заняты важными делами и все разговоры с нами поручено вести ему, Ларину. Я присматривался к нему. Впервые в жизни я столкнулся лицом к лицу с крупным партийным работником. Я рассматривал его с равнодушным любопытством. «Должно быть, из ораторов, — размышлял я о нем, — похож на неловчившегося студента».

Мы обрисовали Ларину бедственное положение завода. Он делал пометки в тетради, часто прерывал нас, отвлекаясь, на мой взгляд, в сторону от прямых интересов завода и стараясь подробно выяснить настроение рабочих, о чем они думают и что говорят. «Ну вот, политика, — размышлял я недружелюбно, — отвлоченные разговоры! А я перед отъездом целый месяц корпел над докладом, надеялся заинтересовать новых хозяев планом переустройства завода. А тут заводскими делами даже и не пахнет». Вопрос о деньгах Ларин обещал передать на рассмотрение каких-то ответственных товарищей, но в получении денег был не совсем уверен.

— Конечно, правительство приложит все усилия, чтобы помочь рабочим вашего завода. Но мы бедны, мы с вами еще очень бедны, товарищи, — говорил Ларин, обращаясь к нам.

Мою докладную записку относительно переустройства Енакиевского завода, в которую я вложил столько сил и рвения, Ларин не стал читать. «Смешно, — думал я, — даже было ее подавать». Он просил только кратко изложить ее содержание и основную идею. Я это сделал весьма неохотно, стараясь как можно скорее закончить аудиенцию.

— Видите ли, товарищ Бардин, у нас есть одна идея, — прервал меня Ларин в середине беседы. — Возможно, вас, как инженера, она заинтересует, и вы сможете оказать нам большую помощь.

Он дал мне понять, что речь идет о каком-то сложном техническом и экономическом проекте, и, не говоря о его деталях и содержании, просил зайти к нему через два дня для подробных разговоров.

Я не придавал этому серьезного значения, но мало-помалу страшное предложение стало меня занимать. Я бродил по изволнованным улицам Питера, всматриваясь в серые, голодные лица людей и думал: «Интересно, какой это может быть проект? А вдруг это что-нибудь занимательное, интересное? Но что занимательного и интересного могут предложить сегодня большевики? Не завод же, в самом деле, строить? Пустая затея, — рассмеялся я над этой нелепой мыслью. — Не до жиру, быть бы живу. Власть еле на ногах держится, кругом развал, паралич, грохот орудий, война, голод. А что если вдруг предложат занять какой-нибудь пост?»

То, что я узнал через два дня у Ларина, меня поразило своей неожиданностью. Это был проект Мещерского о развитии и слиянии в один концерн всех машиностроительных заводов России. Вначале с большим недоверием, а затем с интересом и жадностью набросился я на цифры, экономические выкладки, анализы, глубокие обоснования и обобщения. С удивлением и горечью я подумал, что нечто подобное, но из области тяжелой металлургии я проектировал когда-то с моим товарищем Луговцевым в безвестно затерявшейся докладной записке, поданной нами временному

правительству. Но, — признавался я самому себе, — в сравнении с этими интересными и пирожными обобщениями, наши планы были кучье.

Передо мной был проект, интересный экономический план, и я не ставил теперь перед собой никаких мучительных вопросов, а с головой ушел в работу над ним, не размышляя о том, для кого и для чего пужеп был этот план в такое страшное, беспокойное время.

Еще больше удивился я, когда после плана Мещерского мне предложили участвовать в консультации проекта электрификации Донбасса.

В Петрограде существовала тогда некая компания «Донток». Эта компания предложила построить в Донецком бассейне электростанцию, работающую исключительно на отбросах и способную питать электроэнергией все рудники. Компания «Донток» состояла сплошь из дельцов, которые не прочь были подработать даже у большевиков. Эти дельцы считали, что раз власть перешла к большевикам, — пусть даже временно, — почему бы, если это удастся и большевики окажутся покладистыми, не перехватить деловым людям у ших известную сумму денег?

Техническая идея «Донток» была не лишена содержания и интереса. Но самое невероятное было то, что большевики оказались покладистыми! И в какое это было время! Восемнадцатый год. Начало революции. В то время революционный смерч, повинившись над русской землей, выдирав с корнями и кровью вековую несправедливость и гнусность, безжалостно выкорчевывал и разрушал сложившиеся понятия и привычки. Это было время, когда во всех областях жизни происходила беспримерная разрушительная работа, без которой, как потом показала история, невозможна была никакая созидательная работа, никакое возрождение и прогрессе. Воспитанные на буржуазных понятиях морали и нравственности, прикованные к капиталистической колеснице, как каторжанки к тачке, мы, старые инженеры, видели только одну сторону революции, которая нас пугала — разрушение. И многих из нас, инженеров, в том числе и меня, т. е. людей, профессия которых — создавать и строить, оштрафовала именно эта сторона революции, которая, как и впоследствии понял, была неизбежна.

Озираюсь вокруг, я неприязненно допускал, что «они» заведут у себя такой порядок, что в конце концов исчезнет всякая возможность развития какого бы то ни было производства.

И вдруг оказывается, что люди, по моему мнению, охваченные идеями разрушения, далекие от созидательной практики, люди, над головой которых проносятся угрожающие бури, под ногами которых содрогается земля, — в такое неслыханное время эти люди находят возможным заниматься строительными проектами и планами. «Но что это? — задавал я себе вопрос. — Неслыханная дерзость или сумасшедшая фантазия большевиков».

С чувством глубокого удивления и недоверия сидел я на этих странных совещаниях, где разбирали какие-то несбыточные, на мой взгляд, проекты.

Нет. Все это слишком не вязалось с действительностью, не умещалось в моем ограниченном представлении о внутренней прогрессивной жизненной силе большевизма.

С волнением, понятным только инженеру, я углубился в эти технические проекты, недоумевая, поглядывая на болезненного Ларина и, подходя к окну, с беспокойством смотрел на тревожную петроградскую улицу.

Я уезжал из Питера в состоянии полного беспокойства и растерянности. Произошло мое первое знакомство с большевиками. Я знал, — мое сердце было еще не с ними. Но мысль лихорадочно работала под влиянием новых впечатлений.

ГЛАВА VIII

Мы получили около 8 миллионов рублей. Нам посадили в отдельный вагон, приставив к нам 7 вооруженных красноармейцев.

Домой я возвращался в еще более напряженных условиях разгоравшейся гражданской войны.

Мы вернулись из Питера в конце марта и немедленно рассчитались с рабочими. Денег хватило как раз на то, чтобы расплатиться.

Но удержать людей не было никакой возможности. К тому времени немцы теснили красные части. В предчувствии прихода немецких оккупантов рабочие оставляли завод.

Неожиданно ожили банды, появились какие-то анархисты и различные карательные отряды. Мы были ими совсем терроризованы. Пошли частые повальные обыски. Не обходилось без мордобоя и расстрелов.

Я был выборным главным инженером и на моих руках оказался покинутый всеми завод. Помню такой случай: раздается звонок по телефону:

— Говорит такой-то, командир (непонятной и неизвестной мне части), предлагаю выслать к такому-то разъезду лошадей, муку, подводы и деньги.

Я поясняю:

— Вы не туда обращаетесь. У нас завод, а не городское управление. Вам нужно обратиться туда, а я могу вам ответить только относительно завода.

Слышу свирельный голос:

— Как ваша фамилия?

Отвечаю.

— Ты кто такой?

— Главный инженер.

— Так вот что, главный инженер, если не представите через пятнадцать минут все, что я просил, — расстреляю тебя и твой завод.

И действительно! Этот прохвост был верен своим словам. Через пятнадцать минут он начал ухать по заводу из пушек и, обстреливая его раз двадцать, пробил два кауцера.

Через день пришли немцы.

Вонзили они чинно, организованно, стройными рядами, в касках, застегнутые на все пуговицы и с бравым оркестром музыки.

Немецкое командование вызвало директора. Я представился. Начались расспросы: каковы угольные запасы, что есть на складах, сколько рабочих на заводе, как расположены пласты.

Потом они привезли горного инженера, и со всей немецкой аккуратностью был составлен точный инвентарь запасов руды, угля и металла.

Никаких разговоров о возобновлении производства немцы не вели. Они только поставили охрану завода, запретив без разрешения немецкого коменданта что-либо вывозить.

Насчет денег немцы не очень раскошничались. Аккуратно они вывозили все, что имелось на складах, но о деньгах молчали. Когда однажды я повел разговор с немецким командованием относительно невозможности работать дальше с пустыми карманами и большими долгами, мне ответили:

— Дайте железо — дадим деньги.

Железо немцы брали, но денег не платили, и очень скоро я понял, что немецкие оккупанты перешли от «ознакомления» с заводом к тактике простого грабежа. Они уже без всяких церемоний вывозили все, что можно было вывезти.

Кое-как мы тянули на старых запасах кокса и угля. Но эти запасы быстро истощались.

Как быть дальше?

Рабочие требовали денег за работу. Но денег у нас не было, и мы их обильно кормили обещаниями: «Не волнуйтесь, граждане рабочие, у нас временная задержка. Вам будет уплачено полностью».

На этих «не волнуйтесь» и «не беспокойтесь» мы тянули месяца два. Но долго так продолжаться не могло.

Неожиданно в Харькове объявился доверенный старого хозяина завода, бывший бухгалтер Иванов. Я получил телеграмму от него с предложением немедленно выехать в Харьков для переговоров. Подробно я рассказал ему о состоянии на заводе, о поведении немцев, о недовольстве и тяжелом положении рабочих.

— Что же вы хотите? — спросил Иванов.

— Нужны деньги.

— Сколько?

— На первых порах нужно миллиона три.

— Этих денег вы не получите. Я имею приказ Потье не давать ни копейки. Рассчитывайтесь с рабочими, как знаете. За прошлое время правление не отвечает и платить не будет. Вам была оставлена готовая продукция, а вы ее разбазарили.

— Немцы все вывезли.

— Взыщите с немцев.

Иванов требовал от меня издания приказа о том, что после незаконного акта, который имел место при большевиках, завод с такого-то времени возвращается законным владельцам.

— А вот вам для этого основание: постановление «украинского правительства».

Иванов передал мне это постановление и добавил, что вопрос о компенсации рабочих и служащих будет рассматриваться в соответствующих инстанциях.

— Все это прекрасно, — возразил я. — Но сегодня, еще минуту пужны деньги. Завод совсем остановится. Он будет разрушен.

— Добывайте деньги сами, — ответил Иванов, — куда хозяин не придет наводить порядок.

С таким ответом от бывшего хозяина и снабженный постановлением «украинского правительства» о возврате завода законным владельцам я вернулся из Харькова.

Завод не работал. Рабочие волновались, они хотели есть и требовали денег.

Но денег не было.

И вот тогда возникла идея отправить через кордон рабочую делегацию в Москву и просить денег у советского правительства. Я не знаю точно, у кого возникла эта идея. Но родилась она в рабочей среде. Рабочие настаивали на том, что советское правительство не оставит их и поможет деньгами. Прецедент уже был, правда, при других обстоятельствах, когда юг не был отрезан от России. Но теперь? Это казалось сомнительным, больше того, — невероятным.

Под большим секретом рабочие избрали делегацию и отправили ее через фронт в Москву к большевикам за помощью.

Рабочие завода ждали возвращения своих ходяков с непоколебимой верой в успех. Инженеры завода в успех такого рискованного предприятия не верили, допуская, что это просто хитрый агитационный маневр подпольных большевиков. Я тоже не надеялся на получение денег от большевиков. Я видел, в каком состоянии находилась страна. Я видел разруху, голод и знал о том, что кольцо врагов все туже сжимало большевиков.

Каковы же были наши удивление и радость, когда через месяц делегаты приехали на завод и привезли с собой одиннадцать миллионов рублей!

С величайшим риском для жизни и неимоверными трудностями

ми делегаты пробирались обратно через фронт и сохранили все деньги до одной копейки.

Тот факт, что большевики помогли деньгами рабочим завода, который принадлежал капиталистам и находился на территории, оторванной от советской России, имел исключительное значение. Этот факт еще сильнее подчеркнул хищническое поведение немецких оккупантов и «украинского правительства», неустойчивость их власти.

Рабочие с восторгом и радостью шепотом говорили о большевиках.

А нам, инженерам, тем, кто в душе таил недоверие к большевикам, тем, кто не принимал власти бедняков, — нам, привязанным к телегу российских хозяев, оставалось удивляться тому невероятному явлению, которое произошло на наших глазах.

Мы не знали как расценить этот замечательный по своему внутреннему содержанию факт.

★ ★ ★

Деньги не пахнут. Хозяева закрыли на все глаза и дали возможность без всяких репрессий и преследований заплатить рабочим деньгами, полученными от большевиков.

С доверенностью правления на завод приехал Иванов. Бывший главный инженер завода, немец Шлюп (зять Потье) явился вскоре за Ивановым. Меня низвели на должность начальника дымного цеха. Главный инженер завода Сахаров, бывший на этой должности до меня, был восстановлен.

Угля и кокса нехватало. Работали на одной-двух печках, кое-как прокатывали рельсы и, в общем, владели самым жалким существованием. Положение с продовольствием ухудшалось с каждым днем. Для борьбы с затруднениями был создан продовольственный комитет, и меня назначили его председателем.

Главную силу представляли советские деньги. Ими мы расплачивались, на них мы покупали хлеб, распределяя его через продовольственный комитет рабочему населению.

Таким образом, помимо выполнения обязанностей начальника цеха, я должен был заниматься и снабжением рабочего населения хлебом.

Но так продолжалось не долго, потому что вскоре к нам вплотную приблизился фронт, и наше местечко начали поочередно занимать самые разнообразные войска.

В конце концов стало ясно, что перевес на стороне красных. Это заставило руководящую группу инженеров завода кое о чем подумать. Уверенности у инженеров не было: оставаться на заводе или нет. Слишком часто менялись власти, и еще неизвестно было, как красные отнесутся к инженерам, — к тем, кто был связан с хозяевами и помогал им на заводе.

Одним словом, инженерская публика откровенно побаивалась большевиков.

Пришлось думать об отступлении «тяжелой артиллерии», то есть всей семьи. Семью я перевез сначала в Мариуполь к знакомым, а затем в Таганрог.

Долго однако ждать не пришлось. Вскоре мы увидели, что немцы в панике и растерянности бегут из Украины. Эта армия, еще так недавно грозная и дисциплинированная, была охвачена разложением. Немцы спешно распродавали все, вплоть до пулеметов, и бежали без оглядки, полным ходом.

Енакиеве взяли красные. В это время на ходу оставалась одна доменная печь, но фактически завод замер.

Фронт был все время довольно близко.

В марте месяце 1919 года началось вновь наступление белых. Правление, в лице Шлюна и Иванова, решило вернуться в Енакиеве и заняться восстановлением завода.

В тот период безвластия, когда довольно легко было заработать с помощью какой-нибудь авантюры, создалось два правления. Одно правление — Шлюн и Иванов, — им покровительствовали немцы. Другой претендент появился, когда немцы ушли, — это был сенатор Ильяшенко, стариканка лет семидесяти, довольно живой и энергичный человек. У него был мандат, выданный ему русско-бельгийским обществом еще в 1917 году.

Совместно с секретарем Мелье, сенатор Ильяшенко первым делом заявил свои претензии на имущество завода. Добровольческие власти утвердили его права. Шлюна отстранили. Ильяшенко объявил себя «престолонаследником» и начал хозяйничать. Это было откровенное и циничное разбазаривание завода.

Вскоре и Ильяшенко понял, что надо начинать работать, но ехать на завод он побоялся. Надо было послать для этой цели какого-нибудь подходящего человека. Таким оказался я.

Хотя время было довольно беспокойное, но рабочие на заводе знали меня хорошо и я мог ехать туда, ничего не опасаясь. Кроме того, я любил завод, был к нему привязан, в нем заключалась часть жизни моей жизни. Было интересно посмотреть, в каком состоянии находится завод.

На месте я увидел, что работу можно начинать, но для этого опять требовались деньги. С такой информацией я приехал в Ростов к Ильяшенко.

— Что можно продать? — спросил он.

Я ответил, что на складах есть кое-какие заготовки, которые он не успел еще ликвидировать, и что с помощью их можно обернуться.

— Этого хватит для начала?

— Нет, недостаточно.

— Тогда надо искать другой выход.

Решили получить аванс от добровольческого правительства на какие-нибудь заказы.

Между прочим, именно тогда я впервые познакомился с тем, что представляли собой крупные заказы.

Побывали мы во всех инстанциях. Я представлял техническую часть, Ильяшенко, а главным образом, Мелье — финансовую. Как оказалось, Мелье имел права несколько большие, чем Ильяшенко. Бельгиец Мелье действовал через своего консула. Мелье был человеком удивительно подходящим для момента. Плут и пройдоха, он был не прочь заработать и достаточно хорошо изучил нравы российских казнокрадов. При помощи взяток Мелье обрабатывал крупных и мелких чиновников министерства путей сообщения, получая любой заказ. Делалось это вполне легально, через официальных маклеров. Таким-то образом мы получили заказ на два с половиной миллиона пудов рельс, выхватив этот заказ прямо из-под носа у Юзовского завода.

Жизнь как будто бы входила в старую, привычную колею. Дельцы начали понемногу приходить в себя, подторговывать, брать взятки, суетиться, обманывать. На улицах уже не постре-

ливали. Впрочем, время от времени многое напоминало о том, что война еще продолжается.

На заводе у меня работали шлаковые десятники Шилько и Пшеничный. Это были ребята молодые, здоровые, отчаянные. Кто-то донес, что они большевики. Их взяли. В местечке стоял Марковский полк, нагоявивший грозу на рабочее население.

Однажды ночью меня разбудил сильный стук в дверь и страшное всхлипывание и вопли. На пороге стояли дети: мальчуган лет шести и девочка чуть постарше. Дрожа и задыхаясь, дети рыдали и просили спасти отца, которого хотят повесить.

Рассказав полковнику, что этих шлаковщиков я знаю лично, что они не большевики, что у них маленькие дети, я просил пощадить рабочих ради маленьких детей. С этим полковником у меня в свое время произошла размолвка. Я довольно нелюбезно отнесся к попыткам реквизиции хлеба продовольственного комитета и не предоставил необходимых ресурсов для его частей. Полковник мне это напомнил и с неприязнью сказал:

— Прошу вас не препятствовать нам заниматься нашим делом.

Спаси двух рабочих не удалось. Казаки повесили их на глазах у детей.

Работу мы начали в небольших масштабах. Печи и прокатку мы пустили тихо, без всякого шума, но с попом и молебном господу богу. Мы старались как можно скорей выпускать рельсы и продавать их.

Постепенно в родные края слеталась наша старая публика, товарищи и друзья. Вместе мы опять стали закручивать заводскую машину.

Наконец, приехал и сам Потье. Со мной он не разговаривал. Злой, насупленный и недоверчивый, он только справился, куда делась его ковра и почему это инженер не побеспокоился об его имуществе.

С этими коврами случилось следующее: рядом с Енакиеве, около станции Ясноватой, сражались красногвардейцы с какой-то казачьей частью. Отдавая особую честь павшим красногвардейцам, рабочие похоронили их в прекрасном саду Потье и при этом завернули тела павших бойцов в его же ковры.

Потье считал меня виновником гибели его ковра.

Покрутился Потье на заводе буквально день. Повидимому, он получил какие-то не совсем благоприятные сведения и в тот же вечер уехал. За ним последовали Ильяшенко и Мелье. Директором на заводе остался русский инженер Спелът.

Однажды Спелът вызвал меня и сказал:

— Нам нужно уехать в Ростов на некоторое время.

— Зачем? — спросил я.

— Надо...

Для меня было совершенно ясно, в чем дело. События развивались быстро, и уже через пять дней можно было наблюдать беспорядочное и паническое отступление частей белой армии. Рабочие завода почувствовали приближение Красной армии. Тихо, подпольно началась организация новой власти на заводе.

И опять возник вопрос, что делать, как быть нам, инженерам? Уезжать или оставаться?

Над всем этим наши инженеры серьезно задумывались. Мы просиживали долгие ночи напролет и решали единственный, мучительный, гамлетовский вопрос: быть или не быть? Остаться ли с большевиками, или собрать манатки, захватить семьи, покинуть насиженные места, бросить завод и уйти вместе с добровольцами шиветь куда, повести непривычную бивуачную жизнь и ждать, надеяться, что наступят другие времена и можно будет спокойно вернуться на завод к настоящим, солидным хозяевам?

Доживавшие свои последние дни, охваченные судорожной жаждой мести, белые в Енакиеве хватали невинных людей, мучили, пытали их, расстреливали без суда. Сколько безвестных рабочих было схвачено и замучено в Енакиеве агонизирующими белыми, сколько прекрасных молодых жизней было погублено в последние дни белой власти!

Инженеры пребывали в неопределенном предчувствии каких-то назревающих событий. Мы искали и не находили ответа на вопрос: как же быть?

Идя по утрам на завод, или уходя с работы, каждый из нас считал своим долгом забежать на квартиру доменных инженеров. Мы искали общения друг с другом в эти неопределенные дни,

и в этом общении стремились рассеять сомнения, успокоить душу.

Этот дом мы называли «галочным клубом». Вы видели когда-нибудь как грачи и галки стаями, точно плодовые гроздья, виснут на ветках и галдят на своем крикливом птичьем языке? В этот своеобразный «клуб» мы слетались по несколько раз в день и под парами бурно кипящего самовара вели страстные споры. Самым ярким сторонником ухода с белыми был Уранов, который в значительной мере влиял на нас.

— Инженеры особая порода, — говорил он. — Мы — дворяне! С большевиками нам не по пути. Придут «товарищи», пролетарии всех стран, и каждый будет считать себя хозяином, каждый будет указывать тебе, тыкать в тебя пальцем. А ты — инженер, ты получил образование, у тебя жена, дети, культурные навыки и привычки, желание жить не на пятак. Но «товарищи» поставят тебя в определенные рамки, посадят тебя на хлеб и селедку, и строй с ними коммунизм. Они будут тебе доказывать, что все-де мы теперь равны. А ты им поддакивай, выступай с речами. Нет, по-моему, надо упаковывать чемоданы.

Мы волновались, спорили, взвешивали. С одной стороны, многим казалось, что Уранов прав. Но с другой, — каждый из нас задавал себе вопрос: куда ехать, зачем? Было страшно подумать, что вот надо бросить все, поднять семьи и уйти в неизвестность.

Может быть, остаться? В душе каждый из нас, конечно, прикидывал, можно ли довериться рабочим, большевикам? Было ли сделано что-либо такое, что внушало тревогу, боязнь мести, репрессий или наоборот? Какое поведение давало хотя бы незначительную уверенность сплочно ждать прихода красных.

Уранов увлекал за собой бесхребетных, политически рыхлых инженеров, которые пошли бы за кем угодно, влекомые не внутренним идейным чувством, а властной силой того, кто способен был и желал увлекать их за собой.

Но многие из нас с Урановым не соглашались. Перед нами были примеры прошлого, когда инженеры, уходя от красных вместе с белыми, теряли все, что им было близко и дорого: родину, завод, близких людей.

— Так что же, — задавались мы вопросом, — опять неизвестность, пустота, без всяких надежд на завтрашний день?

— Нет, тысячу раз нет! Только не это, только не терять связь с жизнью, с заводом.

Я мог не беспокоиться. Рабочие относились ко мне хорошо и мне доверяли. Помимо того, я мог рассчитывать на поддержку нескольких большевиков, которых я скрывал от белых в продовольственном комитете.

Неожиданно погиб Уранов. Он умер от тифа за несколько дней до прихода новой власти. Его смерть вызвала растерянность и смутнение в рядах инженеров. С его смертью инженеры потеряли своего идейного руководителя.

...Белые отступали. Поспешно, растерянно, злобно, в панике бросая оружие, снаряжение и обозы. Я наблюдал отвратительные картины крысиного страха. Прячась в подворотнях, офицеры поспешно срывали погоны.

Я наблюдал из окна это падение и лихорадочное бегство. В ту минуту я понял, что белый корабль охватило пламя, его сломала буря, он тонет и идет ко дну.

Белые уже были мертвецами. Меня с ними ничто никогда не связывало. Это всегда был мне чуждый мир.

А завод? Завод был мне близок. В нем была моя жизнь, и я не мог и не хотел с ним расстаться.

И я решил остаться с большевиками.

ГЛАВА I

В поздний зимний вечер кануна нового, девятьсот двадцатого года передовые разряды восьмого Пролетарского полка Красной армии заняли наш уездный город.

С черного неба падал ленивый снег. По притихшим булыжным мостовым Епакиева стремительно процокали вооруженные всадники. Прильнув к окну неосвященной комнаты, я увидел холодную, заспешенную улицу. Мимо окон мелькали силуэты верховых, державших винтовки над головой.

Те, кому пришлось смотреть на величайшие потрясения со стороны, хорошо, вероятно, помнят то неизъяснимое состояние растерянности, любопытства, удивления и нервного беспокойства, которое обычно охватывало сторонних наблюдателей в те моменты, когда эти огромные события проходили на их глазах. Их было много, таких людей, особенно среди интеллигентов.

Я был одним из тех интеллигентов, кто с угнетенным чувством и удивлением наблюдал из-за оконного переплета взрывающийся, волнующийся, кипящий в огне мир.

В тот памятный новогодний вечер, когда я, оцепенелый и пораженный, смотрел из окна неосвященной комнаты на таинственные и романтические силуэты скакавших галопом всадников, бряцавших оружием, и на других людей, — торопливых, нервных, с полубезумными, ослепшими от страха глазами, убегавших от занесенных над их головами сабель, прячущихся в подворотни, жалких, трусливых сегодня, но вчера еще безумных

в своей мстительной ненависти, — я думал в те минуты о суровой человеческой правде. В чем она заключается, эта правда, где она, в ком искать ее?

Не в этих ли людях, что так трусливо и злобно прячутся в подворотни, и не в делах ли их? Взор! Я знал этих людей хорошо, наблюдал их рядом с собой. Мое сердце от них всегда отшатывалось.

Тогда, может быть, в тех, с перевитыми кумачом папахами, людях, суровых и простых, с лицами солдат и пролетариев вместе? Этих людей я знал меньше, но видел их постоянно рядом с собой.

В далеком детстве в голодных волжских стенах я видел этих людей, убогавших своим потом проклятую скупую землю; и на другом конце мира, за океаном, в далекой Америке, я видел этих людей, где вместе с ними, обливаясь кровавым потом, я зарабатывал себе право на хлеб, право на жизнь виноголодь; и в России, здесь, на юге, я постоянно вижу их, — ведь это катали, горновые, доменщики, слесари... Ведь это они, бросая лопаты и ломы на заводе, берут винтовки, чтобы своею кровью завоевать свое счастье, свободу. Ведь это русский народ, — крестьянин, рабочий, — держа винтовку на перевес, скачет мимо моих окон, загоняя в подворотни истории всю эту трусливую и алчную свору туеядцев и палачей!..

Мне стало душно от этих мыслей, скомбавших мое сердце. Значит, вот в чем правда! Она опустошала меня потому, что рушила мои привычные убеждения. Я обнимал ее разумом, но не вполне принимал сердцем.

Любопытство толкало меня на улицу. Что, если подойти к этим людям и спросить их? Нет, им не до меня. Они сочтут меня сумасшедшим и прогонят.

В раздумье я долго стоял у окна, под которым становилось все шумливее: громыхали обозы, тачанки, тархтели протаскиваемые, словно бульдоги на поводу, тупорылые пулеметы, проносились кавалеристы, люди шли молча, и только слышались отдельные редкие, громкие голоса, да где-то уже за городом стучали пулеметы, и оттуда доносилось заглушаемое и относимое ветром стрекотанье...

Ночь прошла совсем спокойно. Никто не тревожил меня, — чем я был немало удивлен. Столь частые и неожиданные политические перемены за последние два-три года на Украине приучили нас к бесчисленным оскорблениям и надругательствам со стороны различных переменчивых властей. Но на этот раз все обошлось как нельзя лучше: тихо, без всяких волнений и беспорядков.

Утром меня позвали в штаб полка для разговоров. Здесь заседал ревком. Среди членов ревкома я увидел несколько бывших рабочих завода, вступивших в город вместе с частями Красной армии. По утомленным лицам, по горящим лихорадочным огнем, запавшим глазам, обрамленным красными веками, было видно, что эти люди проводят уже не одну бессонную ночь. Вместе с тем, нельзя было не заметить какого-то особого, удивительно простого, сурового достоинства и мужества, которым веяло от слов и поступков этих людей.

Некоторое время я сидел перед ними под гнетущим впечатлением молчаливых и холодных взглядов, обращенных на меня.

— Так вот, Иван Павлович, — обратился ко мне рабочий рельсопрокатки Рыжов, нарушая наконец гнетущую атмосферу молчания, — мы намерены установить на заводе новые порядки.

Спокойный голос, которым Рыжов произнес эти слова, не скрыл от меня его нелюбезного отчужденного тона.

— На то и новая власть, чтобы устанавливать новые порядки, — согласился я.

— Какое положение вы занимали в последнее время, при Цотье? — спросил меня Рыжов.

— Я был главным инженером завода.

— Из инженеров все остались на заводе или удрали с беляками? — продолжал допрашивать Рыжов.

— Не знаю, по-моему, остались все, — ответил я.

— Нет, не все, — возразил Рыжов. — Кое-кого мы перехватили с чемоданчиками, готовых к отплытию в дальний путь. Пришлось их вернуть обратно с позором. Да вы их знаете, наверно. Это — Грейзель, Купалин.

— Так это ведь люди с рудников, — объяснил я Рыжову.

— Да, но инженеры все-таки.

Рыжов продолжал допрос все тем же холодным, нелюбезным тоном. Повидимому, он занимал среди членов ревкома определенное положение, потому что его никто не перебивал и в его разговор со мной никто не вмешивался.

— Скажите, Иван Павлович, — обратился ко мне Рыжов, — как относятся заводские инженеры к нашей рабочей власти?

Я сказал, что всех инженеров валить в одну кучу не следует, что есть, конечно, среди них такие, которые не очень расположены к большевикам, но в большинстве — это, пожалуй, люди аполитичные, лояльные, техники, которым все равно, с кем работать. Но что люди растеряны, — отметил я, — и не знают, как к ним отнесутся большевики, этого отрицать тоже нельзя.

— Очень просто отнесутся: будут работать на нас, — братскую руку протянем, окружим почетом, пролетарское спасибо скажем, а нет — так будем рассматривать, как врагов. А с врагами, как вы знаете, воюют.

— Я к чему это говорю, — продолжал Рыжов, — без инженеров ведь мы не обойдемся. Но инженер инженеру рознь. Ну, взять хотя бы вас, Иван Павлович, — говорил Рыжов, — можно сказать, что вы будете с нами, на нас работать? Вы не обижайтесь, что я так прямо вас спрашиваю.

— Что же, обижаться тут нечего, — ответил я. — Все понятно. Я для того и остался, чтобы работать.

Члены ревкома пристально смотрели на меня. Рыжов сказал:

— Тогда давайте вашу руку, товарищ Бардин, и начнем работать на новых хозяев, на нас самих.

Рыжов крепко пожал мою руку, и куда-то сразу исчезла суровость его лица, растаяла атмосфера отчуждения, стало легко, просто от этого доверчивого обращения ко мне: «товарищ Бардин».

Ревком заинтересовался тем, что собой представлял завод. Достаточно ли рабочих на заводе, каковы запасы угля, руды, кто из инженеров остался и на кого можно положиться, кто будет бескорыстно работать на советскую власть.

Я подробно информировал о состоянии завода, о том, что в течение двух лет его беспрерывно грабили все, кому только не лень: и немцы, и гайдамаки, и добровольцы, что они истощили заводские ресурсы и что многие рабочие и инженеры разбежались, не желая работать, не получая за это ни копейки.

И все же, — докладывал я ревкому, — завод живет; мы не дали потухнуть печам. Хорошо было бы, если бы он продолжал работать и впредь.

В свою очередь и я заинтересовался, кто же будет руководить заводом. Мне объяснили, что для этого будет избрано рабочее правление. Туда вошли почитаемые, старые рабочие завода.

Еще с утра стало известно, что меня вызвали для беседы в штаб Иролетарского полка. Иронически и боязливо шептались об этом на заводе инженеры.

Кто-то пустил слухок, что Бардину вообще не одобряют: «ведь он главный инженер завода...»

Утром же стало известно, что этой ночью близ Енакиева было задержано в самом начале их бегства несколько инженеров с рудников, пытавшихся уйти к отступающим белым.

Связывая эти два события в применении к личной судьбе, многие инженеры завода пали духом, растерялись. Не сделали ли они ошибки, пренебрегая в свое время советами и призывом Уранова переждать падение большевиков в лагере белых? Что же греха таить! Ведь и на этот раз многие инженеры были слишком уверены, что ликование большевиков необоснованно, что военный успех Красной армии эпизодичен и что сроки долговечности советской власти надо считать самое большее двумя-тремя месяцами.

— Но этот срок достаточен, чтобы товарищи большевики позаботились о нашем брате-инженере. Попадет нам от них, — досадовали некоторые инженеры.

Но когда через несколько часов меня увидели целым и невредимым, прохаживающимся около печей, и не обнаружили и следов тревоги и опасений за мою судьбу, лица у инженеров несколько прояснились.

— Значит, все обошлось благополучно; значит, все обойдется и впредь. Ну, а те бегуны с рудников, — ведь сами же они

виноваты. К чему, в самом деле, бежать, когда, оказывается, товарищи большевики хотят, чтобы инженеры работали.

Через день стало известно, что рабочее правление назначило меня главным инженером завода. Мне предоставили полнейшую возможность использовать все наличные средства, чтобы не дать заводу погаснуть, замереть, чтобы варить металл, столь важный в жизни любого государства.

Как инженеру-металлургу мне было совершенно ясно, что именно металл решал успех любой войны, что именно чугун и сталь — первоисточник прогресса и культурной мощи всякой страны в двадцатом веке.

И в незабываемый двадцатый год, — последний год гражданской войны на юге России, — в год, когда растерзанная, истрадавшая, голодная Россия, но обновленная, как после тяжелой болезни, поднялась на своих еще слабых ногах навстречу счастью и свободе, — мне, инженеру, открылось ясно, что именно чугун и сталь есть та несокрушимая броня, которой новая страна должна защитить свое счастье, свою свободу.

И в том, что революционный комитет вызвал к себе инженера и откровенно, прямо, с жесткостью спартацев и примодушнем детей спросил у него — хочет ли инженер или не хочет работать на счастье своего народа, — мне открылся с какой-то поразительной ясностью смысл вещей.

«Чорт возьми, — твердил я самому себе. — Ведь это же так просто: вещи выполняют функцию, которую им предназначают, но все зависит от того, в чьих руках они находятся». — Я не знаю, был ли то афоризм досужего философа, или это само собой сформулировала моя мысль. Но мне вдруг представилось так отчетливо просто, что, работая на Потье, работая на французских и бельгийских банкиров, мы все, — и рабочие, и инженеры завода, — делали металл, который в руках этих банкиров превращался в орудие их мощи, был функцией их власти над людьми, средством закабаления и уничтожения людей. Ведь это из металла, сваренного нами, — рабочими и инженерами, — русский царь, немецкие бароны, французские капиталисты пушками, снарядами, пулеметами превращали в прах жизнь и счастье русских, немецких, французских рабочих и крестьян.

Но вот появились новые люди, по новому определяющие функции веншей. И они хотят превратить горячий чугуи и сталь в орудие, способное обогатить и укрепить счастье всего народа.

Какая простая, гордая и великая задача! Как я мог не приять ее сердцем, хотя не вполне еще обнимал разумом?!

И в тот день, когда рабочие доверили и поручили мне руководить заводом, мне вдруг стало ясно, для кого и на кого и должен работать.

Г Л А В А II

Девятьсот двадцатый год был годом, когда обессиленная, разоренная кровавой империалистической войной, испепеленная пожаром гражданской войны, Россия дошла до последней черты своего истощения. Устал измученный и изголодавшийся народ. Разрушенные заводы и фабрики с омертвелыми машинами бездействовали. Промышленное производство прекратилось, заглохло. Шахты стояли затопленными, торговля замерла. Всюду развал, разруха, голод. Крестьяне и рабочие, покинувшие пашни и заводы, сражались на фронтах, добывая своих врагов и угнетателей.

На берегу Черного моря шли еще последние схватки с золотопогонщиками, над Севастопольским рейдом еще пролетали последние снаряды, посылаемые армией революции черным баронам, еще перелистывалась последняя страница гражданской войны, когда гениальный Ленин и его мудрая партия большевиков уже наметили завтрашний день страны.

Копчалась гражданская война, и начинался период восстановления. Партия большевиков наметила программу возрождения хозяйственной и промышленной жизни страны.

Это было очень трудное, но большое дело, за которое взялся великий советский народ.

На фоне общего развала и разрухи Енакиевский завод был единственным из всех южных заводов, который буквально чудом за время гражданской войны ни на один день не останавливал своего производства.

Но что это была за работа! Дымилась одна, реже две домны,

да и для них постоянно нехватало пищи. Печи жили на голодном пайке, на последней топле угля и руды; заводская касса была пуста, рабочим печем было платить за работу.

Исключительно трудно было при этих условиях работать. Но работать надо было во что бы то ни стало, надо было вдохнуть жизнь в заводской организм.

С особой силой стремился к этому я, потому что передо мной стояла задача — оправдать доверие, которое мне оказали рабочие завода.

Прежде всего надо было достать хлеб, чтобы накормить рабочих и их голодные семьи. Хлеб являлся основным условием оживления заводского организма. Затем надо было раздобыть дров, чтобы расплачиваться с рабочими за работу.

Но куда обратиться за всем этим, к кому?

Можно было попытаться обратиться за помощью в Харьков, где находилось украинское советское правительство. Рабочее правление туда именно и решило отправить для этой цели большую делегацию.

Был снаряжен собственный поезд, и мы поехали в Харьков в своих вагонах-теплушках, со своим паровозом, на собственном угле.

Не так-то легко было осуществить путешествие в тот год. Расстояние от Енакиева до Харькова, покрываемое в нормальных условиях в десять-пятнадцать часов, мы с трудом преодолели в восемь дней. Застигнувший нас снежный занос задержал наше продвижение на двое суток. Двое суток мы очищали от снега и чинили местами разорванные пути. Окрестные крестьяне дружно помогали нам в нашей беде. Но снег был не единственным препятствием, которое мешало путешествию. Два раза пришлось менять маршрут, потому что в пути нашего следования орудовали бесчисленные банды. Они останавливали поезда, спускали их под откос, грабили и убивали ни в чем неповинных мирных граждан.

Наконец-то мы добрались до Харькова.

Нас принял один из руководителей Высшего совета народного хозяйства Украины, который помещался тогда в доме горных промышленников. Нельзя не вспомнить обстановку в ВСНХ, ти-

пичную тогда для всех советских учреждений. Дом, в котором находился ВСНХ, не топили уже давно — не было угля. В холодных комнатах температура стояла ниже нуля. Замерзающие, с лиловыми от холода носами, сотрудники сидели в валенках, одетые во все теплое, что имели. Пледы, платки, кацавейки, вытасенные из пыльных сундуков, причудливые плюшевые ротонды выделялись на фоне панах и солдатских шинелей.

Побещав помочь, нас направили в нижний этаж дома, где разместилось Центральное управление тяжелой промышленности.

Там мы быстро столкнулись обо всех наших заводских делах и нуждах. Мы обсудили детально техническое состояние завода, причем точно установили, сколько угля нам нужно на первых порах, какие требуется нам заказать насосы... Мы даже составили план работы нашего завода на ближайшие три месяца, и, что важнее всего, нам была обещана определенная сумма денег для расплаты с рабочими.

Было дано распоряжение отправить в Енакиево хлеб.

Это был мой первый серьезный, деловой разговор о производстве, о работе, о заводских делах с представителями советской власти. Я остался вполне доволен так удачно закончившейся поездкой.

★ ★ ★

Мы уже собирались покинуть Харьков и направиться обратно в Енакиево, когда узнали, что в этот именно день на митинге в театре Муссури с докладом выступит Дзержинский.

Среди замечательных людей, соратников Ленина и Сталина, среди вдохновителей и творцов Октябрьской революции Феликс Дзержинский занимал особое место. Имя этого человека одни произносили с ненавистью, другие со страхом, третьи гордо, с любовью и надеждой. Но так или иначе, ничто не относилось к этому имени равнодушно.

В памяти у меня остался незабываемый плакат: над головами оскалившейся, разъяренной своры генералов, фабрикантов, попов — занесенный меч — ВЧК! Молодая советская республика была со всех сторон окружена озверелой сворой врагов и предателей. Председатель ВЧК Феликс Дзержинский представлял-

ся мне меченосцем революции. Вот он — прямой, непреклонный, смотрит с портрета, точно заглядывает в твою душу, чтобы прочитать в ней сокровенное, скрытое.

Мне очень хотелось услышать Дзержинского. Вполне естественно, что я отложил свой отъезд, чтобы попасть на митинг.

Помещение театра Муссури в Харькове в тот вечер напоминало скорей осажденную крепость, нежели театр. Толпа людей загрохотала площадь вокруг театра и плотным кольцом забаррикадировала входные двери. Все эти люди, жаждавшие увидеть и услышать Дзержинского, напирали друг на друга, теснились, волновались, отчаянно ругались.

Я ходил вокруг избудораженной толпы в надежде найти хоть малейшую лазейку, изобретая невероятные способы проникнуть в театр.

Желание услышать Дзержинского и боязнь утратить такой подходящий случай были настолько сильны, что, в конце концов, измятый, с отдаленными боками, я очутился в театре.

Большой, слабо освещенный зал был туго набит людьми. Облаченные в солдатские шинели, в тулупы, в панахах и красноармейских шлемах люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, грудилась вдоль стен, и казалось, что стены гудевшего зала не выдержат такого буйного натиска и рухнут, раздавленные человеческими телами.

И вот по залу пронесся нараставший шопот. Тысячи глаз обратились к сцене, где помещался длинный стол, покрытый красной скатертью.

К столу подошел высокий худощавый человек в красноармейской гимнастерке, в сапогах, с запоминающимся характерным продолговатым лицом, обрамленным знакомой по портретам острой бородкой.

Это был Феликс Дзержинский.

Несколько мгновений он стоял, положив руку на сердце, выжидая, когда утихнет людской гул в зале, куда он устремил свой орлиный взор. Зеленовато-серые глаза его, казалось, горели. Я стоял близко к сцене и видел это хорошо.

Гул не унимался, и, не дождавшись, Дзержинский оторвал от сердца руку и, подняв ее, внятно произнес:

— Товарищи!

Зал покачнулся, притих и замер.

Обращаясь к красноармейцам, рабочим и крестьянам, Дзержинский начал свою речь невысоким, но четким голосом, в котором чувствовалась большая сила и который в самом начале парализовал весь зал.

Люди слушали его с захватывающим вниманием. По мере того как Дзержинский говорил, интонация его голоса все более повышалась, слова становились резче, чеканнее, он порывался всем корпусом вперед и persino шагал по сцене.

И весь он — высокий, худой, энергичный, пламенный, как был собраный в нервный узел, неумолимый и прямой — овладевал сознанием и волей сидящих перед ним людей.

Впервые в своей жизни я слушал такого пламенного оратора, видел такого большого политического борца, слова которого, мне казалось, выходили из самого сердца, возникали из кристаллических глубин человеческой души.

Я смотрел вокруг себя, на людей, обросших бородами, усталых, исхудавших, но уверенных в своей победе, опьяненных правдой, которой, точно пламенем, обжигал их Дзержинский.

Да, да! Необычайная сила правды, неотразимая сила убеждений дышала в словах Дзержинского, и я это почувствовал с первых же слов, брошенных им в зал.

Его слушали, затаив дыхание. Дзержинский говорил о том, что такое советская власть:

— Это власть народа, власть рабочих и крестьян, разбивших цепи рабства, опровергнувших коронованных палачей и их золотогощенных сатрапов. Это — власть тружеников, уничтоживших кабалу, притеснение, эксплуатацию человека человеком. Это — вы сами, красноармейцы-бойцы, рабочие и крестьяне, сидящие в этом зале. Это — великий трудовой, советский народ, уничтоживший царя, помещиков и капиталистов, — вот что такое, товарищи, советская власть!

В зале бушевало море, стоял несмолкаемый гул, а Дзержинский, пламенея, рисовал суровому и разгневанному воображению людей задачу завтрашнего дня. В его коротких фразах вставали картины разрушений, причиненных войной, навязанной

рабочим и крестьянам белыми генералами, помещиками и фабрикантами.

— Но для чего же мы воюем, для чего мы боремся на фронтах гражданской войны? — спрашивал Дзержинский.

И отвечал:

— Для того, чтобы с оружием в руках отстаить нашу власть, нашу свободу, наше право на жизнь, на труд, на счастье для всех; для того, чтобы завоевать свободу и счастье нашим детям и внукам.

— Мы сами должны ковать свое счастье! Уже сегодня мы должны начать борьбу с разрухой, восстановить разрушенный транспорт, оживить заводы и фабрики, озеленить поля и пашни, накормить и одеть наших детей, сделать цветущим, радостным, могучим наше советское государство.

— Только ни на одну минуту не забывайте о мече, держите винтовку на боевом изводе, потому что враги наши не дремлют.

Сдавренный со всех сторон человеческими телами, я уже ничего не замечал вокруг себя. Я видел только пылающие гневом и решимостью глаза людей, так же, как и я, потрясенных до глубины души простыми, но такими волнующими словами Дзержинского.

Правда, ясная, неотразимая правда, — я это увидел и почувствовал, — вот что захватило людей в зале, вот что поразило и мое сознание и сердце. Я видел перед собой не просто трибуна, но и храброго воина, чье имя ввергало в трепет врагов, чьи слова, словно разящий меч, с сокрушающей силой рассегали мои сомнения.

Тот вечер не сотрется в памяти. Я не забуду этот миг в тускло освещенном зале, где слова большого человека вызвали к сердцам людей, заставляли их кипеть гневом, воспеменяли надежду.

Я не забуду неотразимый образ Дзержинского, — «железного Феликса», «рыцаря революции», — глубоко запавший мне в душу образ храброго воина, с несокрушимой волей и всепобеждающей верой в великую правду, которую он убежденно и гордо нес вперед себя, как боевое знамя.

Дзержинский закончил свою речь. И тут раздалось пение; все

поднялись на ноги. Люди пели «Интернационал» — песню борьбы и победы, песню труда и надежды.

Волнение душило меня, мешало петь. Кружилась голова, учащенно билось сердце.

Что-то важное, большое совершилось со мной в тот вечер. Я понял, что не только рассудком, — сердцем приобщаюсь к новой жизни.

Г Л А В А Ш

Болезнь помешала мне сразу же взяться за работу. Сразивший меня тотчас по приезде из Харькова жестокий тиф на много дней приковал меня к постели. К острым физическим страданиям примешивались страдания моральные. Я очень мучился от того, что так неуместно и не во время захворал.

Грозный спутник войны, болезнь голода и разрухи — тиф уносил в те годы много человеческих жизней. Эпидемический характер заболевания делал невозможной эффективную борьбу с ним. К этому примешивалось еще общее недоедание, недостаток самых необходимых продуктов. Почти совершенно отсутствовали лекарства.

Но мне не приходилось жаловаться на отсутствие заботы со стороны моих новых друзей — общественных и советских организаций. С самого начала болезни, когда выяснился ее тяжелый характер и слабая сопротивляемость моего организма, рабочеуправление завода и совет проявили исключительную заботу обо мне. Меня окружили особым врачебным уходом. Для меня откуда-то добывались дорогие лекарства, необычайные и редкие по тому голодному времени продукты: масло, белый хлеб, яйца, какао, сахар, фрукты. С какой заботливостью беспокоились обо мне рабочие — руководители завода, работники совета, большевики, уже много месяцев недосыпавшие, измученные борьбой, которую они выносили на своих плечах, сами изголодавшиеся и, может быть, не меньше, чем я, нуждавшиеся в поддержке утомленного организма кусочком масла и стаканом молока!

Трогательная забота этих людей, во время опасной болезни выходявших меня, волновала до слез.

Я много думал в дни болезни и много позже, когда память возвращала меня к этим дням, об этой удивительной заботливости. И во мне завершался переворот, тот внутренний процесс обновления, который начался еще задолго до этого.

Отныне я знал, кому принадлежат мои руки, мой труд. В этом для меня не оставалось уже никаких сомнений.

★ ★ ★

С каким воодушевлением я взялся за работу, как только почувствовал в себе достаточную силу!

Хотя завод работал, хотя в одной печи варился чугун и мы даже прокатывали кое-какие детали, но все это в таких ничтожных количествах и при такой ненадежной сырьевой базе, что каждую минуту завод мог остановиться совсем. Больше всего я боялся именно этого, я опасался, что остановленный при тех условиях развала завод уже невозможно будет пустить потом. Завод мог существовать только при достаточном количестве руды и угля. С этого и надо было начинать, принимаясь за работу.

Основа жизни металлургического завода — руда и уголь, как вода и хлеб — основа жизни человека. Есть руда и уголь на заводах в печах, — значит, есть сырье, из которого варят металл; значит, завод живет.

Природа запрятала это сырье глубоко в землю, но человек упорным трудом извлекает его из недр. Для этого человек роет шахты.

Но наши шахты к моменту, о котором идет речь, находились в самом жалком состоянии.

Я всегда был невысокого мнения о хозяйничаньи капиталистов в России, и, в особенности, хозяйничаньи бельгийских и французских капиталистов, которым принадлежали шахты и завод. Это, на мой взгляд, были наиболее алчные капиталисты в России, бесцеремонно, варварски эксплуатировавшие завод. Ни о каком техническом прогрессе на заводе не могло быть и речи. Технику, оборудование, машины они заменяли людьми, труд которых расценивался тогда в России слишком дешево.

Большой Енакиевский завод с бессистемно расположенными цехами был оборудован разнотипными машинами, примитивной

и опасной для человеческой жизни техпкой. Но еще больше варварское хозяйничанье капиталистов сказывалось на рудниках. Здесь все буквально висело на волоске, каждую минуту угрожая обвалом. Начиная с шахтных стволов, в большинстве деревянных, и кончая наиболее жизненно-необходимым оборудованием — насосами, южные шахты мне всегда представлялись страшной западней, притаившимся бедствием, готовым в любой момент и от любой неосторожности обрушиться и похоронить под собой все живое.

Не потому ли шахтеры всегда с проклятием спускались в шахту, в страшную западню, не потому ли так горяча была их ненависть к хозяевам, ненависть, которую они часто обрушивали на своих начальников-инженеров?!

И действительно, их было за что ненавидеть. Горные инженеры всегда были совершенно замкнутой кастой людей, которых само государство отделило от рабочей массы мушкетерами и всякими побрякушками. Заводские инженеры, каково бы ни было расстояние между ними и рабочими, внешне, по крайней мере, не отличались от остальных людей — они облачались в обычную гражданскую одежду. Не то было среди горных инженеров: они всегда блистали золотыми пуговицами, фуражками с кокардой, — одним словом, всей той казенно-бюрократической золоченой мишурой, которая олицетворяла деспотическое, самодержавное, эксплуататорское государство, столь ненавидимое рабочей массой.

С особой силой эта ненависть прорвалась с революцией и для многих горных инженеров окончилась катастрофой.

Многие старые инженеры не могли осмыслить, что в жизни государства произошла важная перемена, что им самим нужно переменить, изменить манеру поведения и общения с людьми, переоценить свое отношение к шахтерской массе, к людям, работавшим под их началом.

На мою долю вынала тяжелая задача: навести порядок в шахтах. Я взялся за эту работу со всей силой желаний как можно скорее поставить завод на ноги.

Положение на шахтах, и без того тяжелое, в последние месяцы гражданской войны оказалось совсем печальным. Вслед-

ствие прекратившегося питания электричеством, нижние горизонты шахт оказались затопленными. Приходилось пускаться на самые невероятные вещи: откачивать воду клетями, пускать под водой растрепанные, истерзанные паровые насосы.

Единственный электрический насос — редкость на наших шахтах — работал из последних сил, на предельной мощности, без запасных деталей. Малейшая поломка, и насос выходил из строя, — все рушилось, на шахте замирала жизнь. Если это был паровой насос, то он имел почтенный сорокалетний возраст, и с проржавленными трубами паропровода и водопровода походил на тяжело несущующего и хрипящего старика, еле передвигающего ноги.

Шахты затопляло водой все больше и больше. Вода поглотила нижние горизонты и начала уже подниматься кверху. Нужны были срочные меры, чтобы спасти шахты. Нужно было остановить на ремонт котлы, сразу же начать починку паровых подъемных машин, привести в порядок и восстановить водопроводные магистрали. Для этого нужны были люди, квалифицированные рабочие-механики. Нужда в механиках была огромная. Здесь их осталось мало — считанные единицы. Тут больно сказалась оторванность горных инженеров от практической жизни шахт. Наиболее необходимую квалификацию — механиков — разогнали, уничтожили, обезличили настолько, что ни одного порядочного механика в шахтах не осталось. Между тем спасение рудников и шахт зависело именно от них. Пришлось механиков с завода перебросить на работу в шахты.

Горные инженеры косились на меня, принимали мой распоряжения в штыки, видели во мне человека, нарушившего привычный и застойный, как болото, строй их жизни. Они видели во мне человека, вторгающегося в область их работы, где они почитали себя такими непогрешимыми и никому не позволяли диктовать себе указания. Хозяину, который мог лишить их мундира, они не отказали бы в праве это сделать, — они ему служили, и он ими распоряжался. Но инженеру, да еще не горняку, и к тому же выбранному и назначенному большевиками, — этого они позволить не могли.

Но я мало считался с их настроениями и психологическими

переживаями. У меня была определенная цель — завод должен работать, а для этого нужно спасти шахты, — откачать их.

Что ж поделаешь! Пришлось вторгнуться в чужую область, как порода, и порядочно-таки порастолкать людей локтями.

Следует сказать, что и между собой горные инженеры жили далеко не дружно. Здесь, более чем в другой старой технической среде, существовали зависть, подострастие, желание выслужиться какими угодно способами, даже самыми низкими. При всей кастовой замкнутости, среди старых горных инженеров были серьезные разногласия, подсиживание, стремление забежать вперед и при удобном случае подставить ножку товарищу. Особенно недопустимо вели себя молодые горные инженеры, кичившиеся своей формой, публика настолько же заносчивая, насколько технически мало подготовленная.

Главным инженером рудников был тогда П. — человек молодой и достаточно опытный в горном деле, образованный и толковый инженер.

Людей надо было заставить работать, а инженеры полагали, что это можно сделать по-старому: жестокостью, окриком, хамством. Они требовали поэтому от главного инженера решительных мер. П. же, достаточно умный, чтобы это понимать, полагал, что нельзя вести себя с шахтерами так, как раньше.

Против П. вооружились его же товарищи — горные инженеры. Они вели себя с ним дерзко, упрекая, что это он, вследствие своей слабохарактерности, виноват в том, что шахтерская масса проявляет к ним такую ненависть и презрение.

Так, в то время, когда надо было начать работать, когда надо было поднять людей вокруг задач производства, горные инженеры вносили дезорганизацию, разжигали неприязнь друг к другу. Мне казалось, что делалось это сознательно, чтобы помешать восстановлению рудников и шахт. Я понял, что без крутых мер даже с квалифицированными работниками дело не сдвинешь с мертвой точки.

Возможно, что я слишком горячился, вторгаясь во все дрязги, но я не стеснялся в средствах, когда дело касалось жизни и работы завода, когда речь шла о жизни и смерти нечий. Я доу-

стал самые жестокие меры, когда увидел, что горные инженеры не уймутся, не дадут мне установить порядок в шахтах. Нужна была ампутация, нужно было изгнать дезорганизаторов из шахт, — и я не остановился перед этим при страшном ропоте со стороны горных инженеров.

Я прогнал нескольких инженеров, предпочтя исполнительного, средней руки работника дезорганизатору, будь он даже высококвалифицированным специалистом.

Раздражала меня также профессиональная заносчивость горных инженеров. Многим из них казалось, что никто, кроме них, не сведущ в том деле, в котором они полагали себя специалистами. Для них все инженеры-негорняки в горном деле были профанами.

Когда я появился в шахтах, они стали вводить меня в курс дела с ленивым пренебрежением равнодушных экскурсоводов музея изящных искусств, стремящихся отделаться от назойливого посетителя-дилетанта, которому, сколько ни толкуй, все равно ничего не втолкуешь из этого сложного и высокого мира линий, красок и эмоций.

Такое отношение становилось нестерпимым.

Как только я очутился в шахте, для меня уже не осталось сомнений в том, что крепление выработок всегда было и оставалось одним из самых опасных и, быть может, наиболее опасных местом в забое. Но такова уж была традиция хозяев-капиталистов, не ценивших шахтерские жизни. Большая важность! Ну, завалит, похоронит несколько шахтеров, но зато ведь затраты на добычу руды и угля значительно меньше, чем это имело бы место при механизации, а кроме того, капиталисту всегда ведь легко откупиться от властей за гибель нескольких безвестных шахтеров.

Помню столкновение с инженером Софиевского рудника. В 1920 году снабжение заброшенных рудников и шахт крепежным материалом, лесом, канатами было совсем ничтожным. Это и послужило инженеру поводом доказывать невозможность вести работу в шахтах. Меня водили на склады только для того, чтобы убедить, что крепи совершенно нет, а то, что есть, не подходит по размерам.

— Ну разве можно с пустыми руками начать работу в шахте? — обращался он ко мне как бы с упреком.

Но когда я прошелся по шахтам и рассмотрелся к выработкам, — я увидел, что с крепежным материалом дело обстоит не так плохо. Я увидел, что используется крепежный материал безрассудно, преступно. В деликатной форме я указал на это. Инженер обиделся и намекнул, что я ничего не смыслю в этом деле и поэтому так говорю. Он стал мне доказывать, что вообще так оно и должно быть, что крепи используются так, как это установлено уже годами.

Но именно этот порядок вещей надо было нарушить, чтобы он не торчал комом в горле, не мешал вдохнуть жизнь в шахты.

И тут ошестинились буквально все горные инженеры:

— Нас никто не может заставить работать, когда мы уверены, что этого делать нельзя. Этот Бардин — преступник, задумавший при таком развале добывать уголь! Вы хотите, чтобы шахты работали, — дайте канаты, лес, а без этого мы будем заваливаться и работать не сможем.

Такова была формальная аргументация, при помощи которой они пытались оправдать нежелание работать, оправдать саботаж.

★ ★ ★

Увольнение нескольких саботажников помогло наладить отношения с остальными инженерами, желавшими отдать силы на восстановление шахт. Дело сдвинулось с мертвой точки. Хотя с крепежным материалом было действительно тяжело, тем не менее, при известной маневренности, дело постепенно можно было наладить. Буквально каждый кусок каната, каждое бревно были взяты на учет и извлечены оттуда, где они меньше пригодились бы.

Наиболее тяжелой задачей оказалась откачка воды из шахт при отсутствии исправных насосов. Вывозил энтузиазм шахтерской массы, не жалевшей своих сил, не щадившей себя, работавшей день и ночь бескорыстно, безропотно, лишь бы давать уголь заводу.

Помаленьку завод работал, находясь, правда, в постоянной

тяжелой нужде. Нехватало всего: и топлива, и руды, не было хлеба, чтобы кормить рабочих. Хлеб находился в ведении кооператива, которая распределяла его по количеству шахтисцев. Недостаток хлеба и других продуктов питания толкал людей на отхожие промыслы. Какой-нибудь из несознательных рабочих, которых тогда было достаточно, имея продовольственную карточку и справку о работе на заводе, постоянно «хворал», числился больным, а на самом деле путешествовал из края в край, развозил в своем мешке или баульчике куски железа, зажигалки, ножи, лопаты и привозил хлеб, муку, мясо, сало.

Но что говорить об отдельных рабочих, когда и завод занимался такими же делами, но уже в организованном порядке и в большом масштабе. Достать гвозди было тогда так же трудно, как найти хлеб и мясо. Гвозди и оконные петли могли обеспечить завод хлебом.

И, катая рельсы, толстый лист и мелкосортный металл, мы завидовали одновременно тем мелким производствам и предприятиям, которые могли делать гвозди.

И вот мы задались целью организовать у себя при заводе гвоздильное предприятие. Всеми правдами и неправдами мы получили разрешение в ВСНХ перетащить к себе из Луганска оборудование для производства гвоздей, и дело закипело в наших руках. В течение месяца был пущен маленький гвоздильный заводик.

Наше предприятие имело сногсшибательный успех, мы развернули торговлю не на шутку.

Завод имел собственные паровозы, вагоны. Мы грузили свой поезд железом, гвоздями, проволокой и всякой всячиной и отправляли это добро куда-нибудь в Таврию или на Кубань. Там шел товарообмен и бойкая торговля. В результате, тот же поезд доставлял заводу хлеб, яйца, масло, картофель. Мы ввели у себя на заводе натуральное хозяйство, которое имело и обратную сторону медали — разлагало людей.

На заводе появились какие-то ловкачи, юркие молодые люди, различные «специалисты» по снабжению, классический тип вертлявых мошенников, пройдох и плутов, от которых не было отбоя.

Нельзя не вспомнить такого «специалиста» — Сегмена, телеграфиста по профессии, но страшного ловкача в торговых манипуляциях. Но его превосходил в ловкости некий Петренко, оказавшийся настолько опытным и продувшим в товарообменном деле, что его даже пришлось именно за его ловкость защищать перед рабочей массой. В его пользу приводились любопытные доводы, с которыми соборные считалось: конечно, наши агенты плутуют, они самоснабжаются, не обижают себя, но разве другие будут лучше? Поставьте на это дело других, и тех придется убрать по таким же причинам. Зато Петренко мы знаем, сам он железнодорожный машинист, и уж лучше него никого не сыщешь, кто смог бы проталкивать к нам по железной дороге наши продукты. Он, Петренко, уж знает, как обойти железнодорожников, и угля в пути достать, и поезд пропустить вне очереди. Все признавали, что лучше Петренко действительно никого не сыщешь. И Петренко оставался на своем посту, гордый от похвал.

Не менее успешно и ловко, чем вопросы питания, мы решали и различные затруднения технического свойства. Лишенные возможности получать смазку с Кубани и Дона, неочищенных еще от белых банд, мы выделяли ее из смолы, а приводные ремни мы склеивали и сшивали особым способом из брезента. Наши агенты шныряли по другим заводам юга, вынюхивая в кладовых, что можно взять оттуда для нашего завода. Получить на это разрешение ВСНХ не представляло большого труда, так как другие заводы стояли.

В заглушенной группе южно-металлургических заводов наш Енакиевский завод был единственным, который работал «полным ходом». Работала шестая доменная печь, в двух мартеновских печах варилась сталь, мы прокатывали рельсы, лист. Работой мартена мы гордились, потому что получили устную похвалу Ильича.

Г Л А В А IV

Одно небезынтересное событие чуть было основательно не поколебало налаживавшуюся жизнь завода.

Уже несколько месяцев мы работали при советской власти. Мы видели, что эта власть утвердилась прочно, надолго, что уже никакая сила не сможет ее опрокинуть. Правда, еще шли горячие бои за Перекоп. Белый зверь, приговоренный неумолимо историей к смерти, еще держался на ногах, хотя силы его уже иссякали. Израженный, истекающий кровью, он еще рычал, засеяв в своей последней перекопской берлоге.

Но конец белых был неизбежен, как неизбежна смерть при старческой дряхлости. В предсмертной судороге издыхающие белые сделали отчаянную попытку схватить кочевыми пальцами молодое тело революции.

Эпизод, который мне вспоминается, произошел в сентябре 1920 года. Значительному кавалерийскому отряду белых удалось внезапно прорвать перекопский фронт. Обходными путями по линии железной дороги он добрался до станции Караванной, расположенной от Енаклева километров за сорок.

На Караванной находился тогда снарядный завод. Он, правда, не работал, но на его многочисленных складах хранилось немало боевых снарядов.

В расчеты белых, придавленных к перекопскому валу Красной армией, входило, повидимому, разведать состояние красного тыла и, если это удастся, произвести одновременно чувствительную диверсию...

В ночь на двадцатое сентября диверсионному отряду удалось пробраться к Караванной.

Сняв и уничтожив патруль, белые подожгли артиллерийские склады.

Чудовищные громовые раскаты потрясли воздух. Вздрогнула, затряслась, как в лихорадке, земля. Сто тысяч рвущихся снарядов, сумасшедшая сила пороха, огня и металла взлетела на воздух и на двадцать-тридцать километров вокруг Караванной начала потрошить достаточно уже до того расстрелянную, измученную гражданской войной землю.

Доносящийся, тревожный гул ударов, как гром среди ясного неба, разразился над Макеевкой и Юзовкой. Здесь слышали странную и непонятную артиллерийскую пальбу. Слегка оправившись, позабывшие было гражданскую войну, люди растерялись.

Особенное волнение охватило инженеров, представителей старой технической интеллигенции, людей, в то время, в большинстве своем не совсем расположенных к большевикам, еще крепко связанных с капитализмом, политически неуравновешенных и трусливых.

Снаряды рвались всю ночь и весь следующий за нею день. И все это время над Макеевкой и Юзовкой стонал и ухал от громовых ударов воздух.

Среди инженеров началась паника. Они заволновались:

— Неужели опять перемена власти?

Но толком никто ничего не знал, а гуд разрываемых снарядов не утихал, и в слабые, неустойчивые сердца инженеров запали тоска, недоумение, страх: «Что, если опять придут белые? Что будет тогда с нами?»

От этих мыслей становилось нехорошо. Наде было обезопасить себя, уйти куда-нибудь, спрятаться на некоторое время, переждать где-нибудь в стороне, чтобы в случае беды сказать: «Меня здесь не было при большевиках, я чист и ни в чем перед вами не повинен».

Инженеры исполохились не на шутку. Бросая завод и захватив с собой ценное и необременительное из имущества, они начали удирать из Макеевки и Юзовки. Людей гнал безотчетный страх, панический ужас перед неизвестностью, боязнь репрессий, страх за свою жизнь.

Многие из беглецов очутились в Енакиеве. Они прибежали к нам перепуганные насмерть, сев панику и среди наших инженеров.

— Белые наступают, — рассказывали они в тревоге. — Они движутся с Караванной на Юзовку и Макеевку, они сыплют снарядами, как горохом, Земля стонет от ударов.

Приуныли и наши инженеры.

Мне показалась странной вся эта история. Откуда, — недоумевал я, — взяться вдруг белым в этих местах? Так внезапно из-под земли не могла ведь вырасти целая армия. Во всяком случае до последней минуты об этом никто не слышал. Ежедневно мы читали газеты, но ничто не указывало на наступательное оживление белых. Наоборот, все говорило за то, что им прихо-

дит конец у Перекопа, что они делают невероятные усилия, чтобы сдержать штурм и натиск несметной силы революционного народа, могучий напор Красной армии, которая не сегодня — завтра сломит «черного барона» навсегда и потопит его в море.

Но что же тогда все это могло значить? Как назло и местные власти ничего нам объяснить не могли, пребывая так же, как и мы, в полном неведении.

Все новые и новые беглецы прибывали к нам, распространяя слухи о непрекращающемся артиллерийском обстреле. Я опасался, что эти настроения вконец дезорганизуют работу завода, и решил немедленно отправиться в сторону Караванной, чтобы самому все как следует разузнать.

Директором завода был тогда старый енакиевский рабочий-слесарь. Я отправился к нему, чтобы поставить его в известность о своем решении поехать к Караванной. По правде сказать, я не был уверен, что директор согласится отпустить меня в такой момент. Он ведь видел, что инженеры исполохились, труслили, растерялись, что многие из них подумывают о побеге, и я допускал, что он и меня может заподозрить в желании удлизнуть.

— Что за чертовщина с этим обстрелом?! — воскликнул директор, как только я вошел в его кабинет. — Непонятно все это, — развел он руками. — Ну, откуда вдруг взяться белым? А?

— Да, странно что-то, — согласился я с ним. — Я вот решил поэтому поехать посмотреть, что собственно произошло. Если действительно что-нибудь серьезное, то нам, поверное, придется предпринять какие-нибудь меры, чтобы не пострадал завод.

Я ждал, что ответит мне на это директор.

— Поезжай, Иван Павлович, — посоветовал он мне. — Бери лучших лошадей, скачи галопом и разузнай всю эту канитель.

Пара добрых лошадей в какие-нибудь полтора часа промчала меня километров за двадцать пять в сторону Караванной. По дороге мне часто встречались люди с узлами, у которых я ничего лутного разузнать не смог.

Наконец, и я услышал взрывы. Продолжающие падать снаряды рвались с большой силой. Но никакого движения воинских

частей я не приметил. Ничто не указывало на наличие фронта в этом месте. Но почему же все-таки рвутся снаряды? И откуда они взялись, в самом деле?

Узнав о том, что никакого наступления белых нет, что это горят подожженные врагами артиллерийские склады Караванной, я поспешил обратно в Енакиево.

К моему великому удивлению, в Енакиеве царил полнейший хаос. За несколько часов моего отсутствия я не узнал города. Улицы были забиты подводами, груженными различным домашним скотом. На узлах сидели женщины, старики и дети, из магазинов спешно грузили на подводы кожи, мануфактуру, мешки с просом. Город и заводской двор напоминали встревоженный эвакуирующийся военный лагерь.

Что за ченуха? Я стоял, ничего не понимая. Кто сеет панику? Но по мере приближения к заводу я все яснее различал усиливающиеся удары, напоминающие разрывы снарядов. Совершенно ясно, что взрывы шли откуда-то с завода. Предчувствуя что-то недоброе, я изо всех сил хлестнул лошадей и помчался на завод.

На заводском дворе раздавалась страшная канонада.

Взвизгивные слухами о наступлении белых на Максевку и Юзовку и услышав внезапные взрывы над самым заводом, многие наши люди поддались панике и, как ошалелые, в беспомощности бросились бежать из города. Каких невероятных трудов стоило смягчить волнение! Как стыдно было нашим инженерам, когда недоразумение разъяснилось!

Дело в том, что Енакиевский завод был одним из заводов, который работал на газомоторном хозяйстве. Особенность работы на газомоторах заключается в том, что, если серьезно расстраивается нормальная работа доменной печи, газомоторы начинают оглушительно и резко стрелять. Беда, если в горн попадет вода: там образуется водород, который дает оглушительные взрывы.

По стечению обстоятельств, в тот именно день на заводе и случилось несчастье. Был ли то злой умысел, или по какой другой причине, но каким-то образом струи воды через фурмы попали в горн. Расстроенные газомоторы начали пальбу, оглушая воздух артиллерийской канонадой,

Эта особенность газомоторов была неизвестна многим, даже инженерам. Расстроенную работу газомоторов они приняли за артиллерийскую стрельбу. Им было стыдно за свою слабость и малодушие.

***

Но возвратимся к металлу, раскиданному вокруг Караванной столь неожиданным стечением обстоятельств. Ведь это было огромное богатство, которым нельзя было пренебрегать. Шутка сказать! Сто тысяч снарядов валялись на земле. Драгоценный металл! Великолепная пища печам, заводу.

Мы решили разгрузить все уцелевшие на Караванной склады. Там еще можно было собрать немало незаряженных снарядов и отдать их на переплавку в мартеповских печах. Но неизмеримо больше металла можно было собрать в поле. Рабочие были подняты для этой цели. Мы собрали около ста вагонов высококачественной стали для мартеповских печей, аммонала для взрывных работ и белого металла для других целей. Завод получил неожиданное подкрепление, и работа пошла живее.

К нам потянулся народ с других заводов. Появились старые, опытные металлурги. Они пришли на завод потому, что не хотели сидеть сложа руки, они увидели, что закипает новая жизнь, оживают домны, заводы, и их потянуло к печам, к прокатным станам, к захватывающему процессу, который совершается в пылающих домнах и мартенах. Ведь металлургия — это такое романтическое производство, которое может захватить так же, как сена, как завоевание воздушных пространств.

На заводе собрался довольно приличный штат инженеров и техников. Многие из них я знал давно, работал с ними по много лет. Это были люди, фанатически влюбленные в металлургию, и именно с такими людьми, я знал, завод быстро разовьется и шагает вперед на окрепнувших ногах.

Г Л А В А V

Дыхание — символ жизни. Енакиевский завод во многом напоминал изобретательную, изрядно истрепанную машину. Но за-

вод работал. Он дышал — значит, жил. Различные комиссии, ощутившие в нем биение жизни, как саранча, как мухи на мед, повадились к нам на завод. В большинстве эти комиссии состояли из чуждых производству профанов и старых специалистов, примазавшихся к советским учреждениям, враждебных оздоровлению народного хозяйства страны.

Помню такую залетную следовательскую птицу, доменщика Жезяна, обесславленного в свое время Курако.

При революциях, как и при морских бурях и штормах, на поверхность выносятся иногда всякий мусор. Жезян был одним из тех старых инженеров, кто случайно всплыл на поверхность, чтобы замуроваться в верхушечных учреждениях. В первые годы жизни советской власти, не располагавшей еще собственной, пролетарской технической интеллигенцией, в такого рода инженерах, как Жезян, недостатка не было. Они залезали паучками в двери советских учреждений и там плели паутину обмана, саботажа и шарлатанства.

Появившийся на заводе Жезян был на вид певзрячим, потрепанным старичишкой, облачившимся в кожаную тужурку, под которой жило однако гаденькое и подленькое сердце старого технического пройдохы.

Свою следовательскую работу он начал с придирчивой критики всей нашей деятельности на заводе. То была критика ехидная, подругеспобная, вражеская критика, сознательно рассчитанная на дезориентацию людей на заводе.

Осторожно, тихо, выгибался выюном, Жезян убеждал инженеров:

— Вся ваша работа ни к чему теперь. Вы — островок среди замершей промышленности Советов. Как бы вы ни старались, вас все равно поразит общая гангрена разрухи. К чему же вам расточать свои силы напрасно!

Вскоре на завод пожаловала к нам еще одна комиссия, направленная Троцким.

Члены этой комиссии прибыли в комфортабельных салон-вагонах, обставленных слишком роскошно по тому времени. Комфорт и роскошь обстановки невольно создали атмосферу отчуждения между нами и комиссией. Разговаривали члены комиссии

языком, чуждым заводским людям. Они совсем не желали выкинуть во все детали нашей жизни на заводе.

Наши рассказы о том, как мы отстаивали завод от неизбежной разрухи, рассказы о бессонных почвах, которые мы проводили в борьбе за безостановочную работу доменной печи, члены комиссии выслушивали пренебрежительно.

— Ну что там двести пудов чугуна в сутки! Экая невидаль, нашли чем хвастать!

Но разве мерой тут должен быть пуд или даже тысячи пудов чугуна? Нет, нам не нужна была похвала, не для этого мы работали. Но как можно было не уважать старания инженеров и энтузиазм измученных и голодных рабочих?

Ведь в каждом фунте чугуна был кусок нашего сердца.

— Как много общего у этих следователей с Жезяном, — подумал я, возмущаясь.

Не побывав даже на заводе, комиссия отбыла из Енакиева. Вскоре в центральной печати появилась статья одного из членов комиссии. Она была пропитана ядом провизии и пасмешек. Автор грубо и бестактно издевался над нашим энтузиазмом, а нашу гордость — доменную печь — называл самоваром, который необходимо погасить.

Мы были подавлены таким несправедливым приговором. Наши люди недоумевали:

— Похоже на то, что статью писали люди, провоцирующие разруху народного хозяйства. Иначе нельзя назвать требования погасить домну, потушить печь, которая оживляет рудники, работа которой спасает завод от смерти.

— Да, нечего сказать, порядочный упат помоев плюхнули на наши головы. Все это очень и очень странно.

Ничего в этом странного не было. Последующие затем годы показали, что позиция Троцкого в вопросах разрушения народного хозяйства была последовательной.

Я плохо разбирался тогда в той острой борьбе, которую вела партия Ленина и Сталина с предателем Троцким. Мне казалось, что эта борьба носит отвлеченный характер, что борьба эта теоретическая и недоступная пониманию специалистов, а потому мало меня касающаяся. Мне, как и многим беспартийным

интеллигентам, казалось, что борьба внутри партии большевиков не имеет решающего значения для восстановления страны.

В то время меня убеждали только простые и ясные факты: совпадают ли интересы советской власти с моими устремлениями инженера?

В старое время я и мои товарищи беспредметно предавались несбыточным мечтам и чудесным грезам о русской стране — могучей, обновленной, культурной. Но старый строй разбивал фантазии прогрессивной части русского инженерства, и, подавленные, скованные в своих стремлениях, мы чахли, угасала наша фантазия, мы разучивались мечтать.

Советская власть разбудила мои мечты. Партия большевиков начертала на своем знамени идеи борьбы за цветущую родину, и я стал под это знамя.

Я начал работать, отдавая всего себя без остатка. По крохам мы восстановили завод.

А тут на завод приезжают люди, выступающие от имени советской власти, и эти люди компрометируют идею этой власти в глазах инженеров, грубо насмехаясь над нами, оплевывая нашу скромную, но тяжелую работу.

— Для чего это им нужно? — задавал я себе вопрос. — От чьего имени говорят эти люди? Таковы ли действительные интересы советской власти?

— Нет, нет! — подсказывало сознание. — Недаром же Ленин борется с Троцким. Повидимому, партия, созданная Лениным, права. Значит, есть точки соприкосновения у меня, беспартийного инженера, с интересами партии большевиков. Троцкий тормозит восстановление промышленности, он тянет страну назад, и это противоречит линии партии, это не в интересах Советской России. Но это задевает меня, инженера. Значит, Троцкий борется против лучших чаяний и надежд прогрессивных представителей русской технической интеллигенции.

Комиссия Троцкого, приехавшая к нам на завод в конце 1921 года и так беспеременно надругавшаяся над нами в печати, была, должно быть, пробным камнем той строго продуманной и последовательной линии, какую вел Троцкий на ослабление и срыв промышленной мощи страны. Буквально на следующий

день после окончания гражданской войны, когда партия Ленина бросила клич народу — вооружиться на борьбу с разрухой, когда, засучив рукава, великий советский народ взялся за оживление крови и сердца страны — промышленности, транспорта, шахт и рудников, — Троцкий и его сподручные повели подкопную атаку и, как грызуны, бросились пожирать даже те немногие заводы, которые тогда работали.

В конце 1922 года к нам на завод приехала из Москвы еще одна комиссия, сформированная Троцким.

В этой комиссии было несколько старых специалистов, безучастных к судьбе советской власти и мало надеявшихся, что эта власть будет долго жить. В душе «старички» вздыхали по старым хозяевам, полагая, что если большевики и протянут какой-нибудь срок, то уж во всяком случае тяжелую промышленность восстановить не сумеют.

— Пороху пехватит, — твердили старые специалисты, пряча в кармане злобный кукиш против большевиков. — Придется позвать на помощь прежних хозяев, передать дело в их руки — вот тогда пойдет все на лад.

Боясь высказывать такие мысли вслух, «старички» проводили нужную им техническую политику — консервации производства, приглушения инициативы инженерства, робко начавшего честно работать с большевиками. Эта политика раздражала рабочую массу, болевшую за завод.

Троцкий прямо не говорил, что заводы надо вернуть хозяевам. Он только звал иностранцев «володеть ими». Но ведь русская промышленность раньше принадлежала варягам. Советский народ не имел никакого желания звать ни отечественных, ни иностранных хозяев. Троцкий требовал закрытия заводов, которые-де разорят страну.

Как удивительно совпадала линия Троцкого с вожеланиями старых специалистов, враждебных советской власти!

Комиссия приехала на завод в неудачный для нас момент. Был декабрь. Морозы стояли крепкие. Рудники и шахты сильно занесло снегом. Сугробы снега, заматавшие подступы к шахтам и железнодорожным путям, не позволяли нам подвозить уголь. Завод поэтому несколько дней работал плохо. Это и был

подходящий повод для нанесения удара заводу, которым комиссия поспешила воспользоваться.

Выводы были для нас самыми неутешительными. Удар был нанесен жестокий и непоправимый. Завод решили закрыть.

Я был растерян и уничтожен! Какая несправедливость! Какое неслыханное преступление! Я протестовал, — нельзя уничтожать живой, работающий завод. Заводу надо дать развиваться. Все было напрасно.

Я не знал, что такова была политика вредителей-инженеров, работавших в комиссии, что такова была задача, поставленная перед ними Троцким.

Какая прощия! В конце концов, я сам привез приказ о закрытии завода. Для рабочих это был удар камнем по голове. Рабочие волновались и митинговали. Они думали, что я виновен в этом преступлении. Карикатуры в заводском журнале изображали меня злорадным, мчащимся на лихой тройке с громадным замком в руках, чтобы закрыть завод.

Но мне было не до шуток. На душе было грустно и тяжело. Точно огромным камнем придавило мне грудь. Я задыхался от разочарования и невыразимой тоски и боли.

В солнечный майский день 1923 года были потушены все печи, котлы и мартены. Завод замер. Перестало биться его кипящее сердце.

В этот день я уехал из Енакиева. На душе была осень. Уезжая, я долго, неотрывно смотрел на удалявшийся силуэт завода, на котором прошла значительная часть моей жизни и который, точно кусок живого мяса, оторвали от моего сердца.

***

Легко представить, с каким тяжелым настроением я уезжал из Енакиева подалее от обидных воспоминаний. В те минуты все мне рисовалось ужасно унылым и беспросветным. После завода не хотелось браться ни за какую работу.

Но меня ждал сюрприз. Меня вызвали в Москву для оформления заграничной командировки в Европу.

Желания ехать не было. И я не поехал бы, если бы надеялся, что завод опять начнет работать. Но надежд на это было ма-

ло. Для меня вдруг не оказалось никакого дела, вот и решили: пусть человек посмотрит европейскую технику.

Но именно с этой стороны момент для поездки был мало удачен. Была осень 1923 года. Потрясенная Европа переживала небывалый, послевоенный кризис. Костявая рука голода держала за горло миллионы безработных.

Промышленная жизнь Европы замерла. Парализованная Германия жила, точно в бреду. Страна порядка и хваленной немецкой аккуратности стала страной хаоса и беспорядка, а немцы выглядели растрепанными и униженными. Революционный взрыв был неизбежен со дня на день. Я не узнал чистеньких, умытых улиц Берлина. всюду царил грязь и запущенность.

Нищие, голодные, оборванные люди беспечно слонялись по городу. Обычная картина: на углу квартала инженер. Его лихорадочные глаза умоляют вас кушать логарифмическую линейку. Иногда он ею зарабатывает себе на жизнь. Она не шутит ему теперь. Он предлагает свои услуги для выполнения любой работы за кусок хлеба. От денег он отказывается. К чему немцам марки, которые ведут себя, точно ошалелые.

Небывалая инфляция поразила немецкое хозяйство. В день моего приезда доллар в Берлине котировался в шестьдесят тысяч марок, в день отъезда, — через два месяца, — он стоил уже три миллиарда марок.

На заводах картина была еще более удручающая. Заводы не работали. Заглохшие, стояли они с потухшими топками. Из 54 доменных печей, осмотренных мною в Руре, работали только 2.

Ничего, кроме нищеты и голода, не мог я увидеть в Германии, подавленной послевоенным кризисом. Я решил не задерживаться в этой стране разрухи и отправился в Англию. По дороге я остановился в Льеже. В этом фабричном бельгийском городе, покрытом сажей и копотью, жили мои старые знакомые: Рено, Бренар, Френ — инженеры, с которыми я когда-то работал в Енакиеве. Они долго жили среди русских. В России они служили хозяину-соотечественнику, жили там своей тесной бельгийской колонией. Когда пришла революция, когда юг России охватило пламя гражданской войны, бельгийцы уехали к себе на родину. Любопытно было посмотреть, как они живут и работают здесь.

Остановился я у Репо. Он был наиболее симпатичный: очень спокойный, рассудительный и мягкосердечный человек. Жена его забросала меня вопросами. Не давая передохнуть, требовала рассказать о России как можно подробнее.

Бельгийцы решили показать мне свою металлургическую промышленность. Мы поехали на завод. По грязь, суетолоке и неорганизованности, царившей на заводе, это был кусочек старой России на бельгийской земле, ничем особенно не поражавший. Да и могла ли меня поразить отсталая металлургическая техника Европы после работы на первоклассных и самых передовых заводах Америки?

Я ничем не высказывал своего восхищения перед бельгийцами. Это их несколько задело.

— Тогда, быть может, вы нам расскажете о России? — спросил бельгиец, начальник коксового цеха льежского завода, желая, повидимому, меня задеть, — у вас должно быть там много нового?

— Да, нового не мало, — ответил я. — У нас теперь все ново: и люди, и порядки — вся страна обновляется.

— Ну, вот видите! Оказывается, у вас там много перемен, а мы здесь в полном неведении относительно всего этого. Уж вы извините нас, ведь мы так далеко живем...

Бельгиец ехидничал, но я сделал вид, что не замечаю его тона.

— Ну, а в Енакиеве, как там дела?

— В Енакиеве дела не плохи, работаем помаленьку, — ответил я.

— Работаете? — еще ехиднее переспросил бельгиец.

— Да, работаем.

— Странно, — сказал он насмешливо. — И давно это вы так работаете?

— Порядочно.

— Значит, вы порядочно время уже не работаете, — смеялся он. — По крайней мере, все то время, как завод прихлопнули в вашей обновленной стране.

Меня поразила осведомленность иностранца. Я чувствовал в нем человека, за иронией которого скрывается злобное отноше-

ние к моей родине, и мне хотелось дать ему достойную отповедь. Но я только сдержанно сказал:

— Да, завод остановлен. Это верно. Но остановлен он потому, что мы собираемся его реконструировать, переделать, обновить шахты и рудники и пустить его на новой базе.

— Ловко вы выкручиваетесь, коллега. Однако, то, что вы говорите, не соответствует действительности. Хотите знать, почему завод остановлен? Да потому, что заводом немому руководить, потому что уехали мы — настоящие его хозяева. Он лишен головы, и потому у него подкосились ноги. Вот в чем дело.

Последние слова бельгийца показались мне знакомыми; что-то похожее о хозяевах поговаривали и некоторые наши старые специалисты.

— Ваши рассуждения, — возразил я, — звучат, как обида задетого за живое и заинтересованного человека. Это вы именно заблуждаетесь. Мы великолепно справляемся со своими задачами. Мы ведь молоды, и в этом наша самая большая сила и преимущество. Мы достаточно твердо уже стоим на собственных ногах. Но что самое главное — нами руководит очень мудрая и светлая голова.

— Позвольте вас спросить, что это за голова и кого вы имеете в виду?

— Я имею в виду советскую власть, которая уже показала миру, но еще больше покажет со временем, как надо двигаться по пути прогресса.

— Эге, месье инженер, вас, повидимому, распропагандировали эти самые большевики, — бросил с раздражением бельгиец.

— Вы ошибаетесь, — ответил я с достоинством. — Меня просто убеждают факты.

Бельгиец состроил надменную физиономию, он не шамерен был дальне объясняться с большевиком. Меня это рассмешило.

Оставался далее в Льеже не было никакого интереса. Я तो ропил в Люксембург, где жил инженер Толли. Когда-то мы с ним были приятелями. Это было на юге России еще во времена, когда там гремела слава Курако. Этот человек научил нас ненавидеть российское варварство. Когда-то мы вместе отдавались мечтам о технической революции в России. Мы были молоды,

наша кровь бурлила, мы жаждали увидеть когда-нибудь нищую и отсталую родину цветущей и обновленной.

Толли не хотел оставаться работать с большевиками. Он поплыл Россию и очутился в маленьком Люксембурге.

После нескольких лет разлуки мы встретились холодно, осматривая друг друга со сдержанным любопытством.

В ресторанчике, куда мы отправились пообедать, Толли все время молчал, внешне не проявляя большого интереса ни к тому, что я приехал, ни к переменам и новостям из России. Он только порасспросил о некоторых своих прежних приятелях. Но когда уже было выпито несколько рюмок вина, Толли оживился. Он некоторое время смотрел на меня пытливо, как бы изучая, а затем неожиданно спросил:

— Скажите правду, Бардин, зачем вы приехали сюда?

Меня удивила беспокойная нотка в его голосе. Я ответил:

— Я приехал в командировку, ознакомиться с европейской техникой. А в Люксембург заглянул, чтобы посмотреть на вас и узнать, как вы живете. А что вас так обеспокоило? — заинтересовался я.

— Ничего особенного. Значит, вы только за этим приехали?

— Да.

— Ну, хорошо! — вздохнул с облегчением Толли.

Я был удивлен, не понимая, что собственно его тревожит.

— Потом я вам все объясню, — заметил Толли. — А теперь расскажите мне о себе, как там у вас?

К моему рассказу Толли был безучастен. Я говорил, он слушал из вежливости. Это было в его натуре — не интересоваться тем, что не касается его лично.

— Это очень хорошо, — заметил он рассеянно. — А впрочем...

Толли прикоснулся к бокалу вина.

— По-моему, вы не совсем счастливы, Бардин. Вы не мотайте головой. Предо мной вы во всяком случае можете не скрываться.

— Вы выражаетесь не совсем точно, Толли. Почему вы думаете, что я несчастлив? Наоборот, я доволен судьбой.

Толли задумался.

— Хотите, я объясню вам, почему я заинтересовался вашим приездом в Люксембург?

— Да, любопытно знать.

— Видите ли, — начал Толли, — Люксембург — не Америка и не Россия. Это крохотная страна. Заводов здесь, сами видите, раз два и обчелся. Так что человеку нашей квалификации здесь очень трудно будет устраиваться. Теперь возьмите меня: я человек свой, козява мне очень многим обязана. А сколько труда надо было потратить, пока я начал работать. Я уже думал было бросить свою специальность, до того тошно стало ходить без дела. Но, на мое счастье, случилась беда: паровозом зарезало начальника домашнего цеха, и я получил его место.

Эта фраза «на мое счастье, паровозом зарезало начальника домашнего цеха, и я получил его место» — повернула передо мной занавеску «европейское благополучие». Толли показался мне таким жалким!

Так вот в чем дело! Он, оказывается, боится конкуренции. Ну, зачем я, в самом деле, приехал в Люксембург? Не окажусь ли я обузой для него? Ведь я человек одной с ним специальности, одних знаний и одинаковой квалификации. Без сомнения, в душе он был обеспокоен и недоволен моим появлением. А вдруг я отобью у него хлеб!

Меня это рассмешило. Я успокоил Толли:

— Да нет же, я прекрасно вас понимаю, Толли, но, уверю вас, я несколько не нуждаюсь в Люксембурге. И вообще, к чему вы все это говорите?

— К тому, что в Люксембурге трудно устроиться на работу.

— Ну, и шут с ним, с Люксембургом. Мне до него дела нет. Я не нуждаюсь в работе за пределами моей родины.

Но Толли мне, повидимому, не вполне поверил. Он опасался, что ему все же придется обо мне позаботиться.

— Знаете, о чем я думаю? — продолжал Толли после некоторого размышления. — Не худо бы вам устроиться в Англию. А то, черт его знает, куда еще в России паладится жизнь! — Толли вдруг оживился. — Помните такого человека — Смоленского? Он был приемщиком в Енакиеве. Поехал в Африку начальником каких-то рудников, — взяли его туда как европейца, — и что ж? Поработал там два года и живет теперь всем на за-

висть: поднакопил денегат и может существовать на ренту, ничего не делая.

Я с сожалением смотрел на Толли. Он показался мне совсем маленьким, таким, какими обыкновенно видят предметы в их обратной проекции в бинокле. Он был далек мне и чужд.

В чем нашел он смысл жизни? Неужели в том, чтобы хорошо поесть и выжить? Как мало нужно этим людям для полного счастья на земле! Завидовать и восхищаться человеком, живущим на деньги и променявшим работу инженера на ренту мелкого буржуа? Чужак! Нашел чем соблазнять. Нет, мне же нужно Африки, мне не нужно Люксембурга и Англии, мне все чуждо, кроме интересов моей родины.

Родина! Дорогая мне, родная мать! Близкая сердцу отчизна! О нет! Никогда не оторвать меня от русской земли!

Меня охватило непобедимое чувство тоски по родине. С неудержимой силой потянуло домой. Захотелось поскорее услышать настоящую, живую, свободную русскую речь. Мне ярко вспомнились незабвенные слова Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Небезь верить, чтобы такой язык не был дан великому народу». Мне захотелось посмотреть на родную Волгу, принасть лицом к советской земле...

И есть ли большая радость на свете, чем трудиться для блага своей отчизны? Нет. Только в этом и есть подлинное счастье человека. Я был охвачен этими чувствами. Мы оставили ресторан, и я распрощался с Толли.

Меня переполняла гордость за мою родину, за ее молодость. Ведь она только начинает жить, и сколько там широкого простора для плодотворной деятельности! Молодость ведь счастлива тем, что она имеет будущее.

ГЛАВА VI

По приезде в Харьков мне предложили работать в правлении Югостали, но работа в учреждении меня мало привлекала. Меня тянуло работать на заводе, около домен, видеть постоянно кипя-

щую и бурную жизнь в цехах. В Харькове в это время находился директор Макеевского завода. Собственно говоря, руководимый им завод тогда не работал и директор разрабатывал программу пуска завода, которую он собирался представить на разрешение в ВСНХ. Ему нужны были люди и он предложил мне работать у него главным инженером завода. Хотя окончательного согласия я не дал, но в Москву я с ним поехал.

В Москве наши планы приняли. Мы получили задание: как можно быстрее пустить прокатку и марген. Доменный цех нам предложили пока оставить в бездействии. Нас предупреждали, что до тех пор, пока не будут пущены Брянский и Юзовский заводы, макеевские домы не могут быть задуты.

Но мы отстаивали необходимость пуска домен, мы доказывали, что без работы доменных печей остальные цеха работать не могут, потому что энергия завода базируется не на электричестве, а на газовом хозяйстве, а газ, как известно, дает домы. Тогда нам предложили работать на газогенераторах.

На первых порах мы должны были на это согласиться. Мы поехали в Макеевку. Я увидел, что работать можно и согласился остаться здесь главным инженером.

Так мы начали работать. Пустили газогенераторы, оживили марген и прокатку. Но все же без домен заводу чего-то не хватало, он не имел той силы и красоты, которая характерна для согласованных действий всех цехов металлургического предприятия.

И вот мы опять отправляемся в Москву просить разрешения пустить хоть одну домну. Москва опять не разрешила.

Возвратившись в Макеевку, директор завода предложил: «Дайте пустим домну без разрешения». Я согласился. Домна у нас была подготовлена к пуску и мы пустили ее совсем неожиданно для Москвы.

Начальник Главметалла не похвалил нас за это: «Как это так ослушаться приказа?». Нам закатили выговор, но печь пошла у нас хорошо. Работать стало веселее, интереснее. Это дошло до Москвы, и не прошло месяца, как мы получили приказ пустить вторую печь и подготовить к задувке на ферромоганце третью печь.

Серьезно разобравшись в макеевских делах, я увидел, что система хозяйствования французских капиталистов, которым принадлежала раньше Макеевка, так же безалаберна и бессистемна, как и на Елшаневском заводе, принадлежавшем раньше бельгийским капиталистам. Оборудование на заводе — станки, газомоторы, электромоторы — все было разнотипное и мало надежное. На примере Макеевки я лишний раз убедился, что старые хозяева были просто барышниками, завод работал только лишь для того, чтобы как можно скорей извлечь из него прибыль при минимальных затратах на механизацию.

Нам предстояла серьезная задача восстановления завода. По плану переустройства, составленному нами, намечалось, что Макеевка будет делать 19 млн. пудов чугуна в год. Это не очень много, с точки зрения мощности наших заводов сегодня. Дома была рассчитана на 300 тонн в сутки, т. е. в два раза меньше по мощности теперешних самых малых печей Магнитки и Кузнецка.

Но в то время это была большая и трудная задача. У нас было мало людей и ничтожный опыт. Но и при этих условиях были горячие головы, которые хотели Макеевку превратить немедленно в гигант. На мой взгляд, это была бесполезная затея. Мне казалось, что гораздо целесообразней Макеевку — довольно старый, изношенный завод — подлечить, привести в хорошее состояние, но во всяком случае, не перестраивать завод на новый. Гиганты надо строить на специально отведенной площадке. Новый Макеевский завод, с новой техникой, механизмами, оборудованием, с новыми мощностями надо было строить рядом с Макеевкой.

Но так или иначе, у нас был первоначальный план восстановления завода и мы приступили к переделке печей. То была большая программа работ, к которым Макеевка была мало подготовлена. На заводе было мало квалифицированных людей, готовых с душой взяться за это дело. Пока я раз'езжал за границей, пока южные заводы стояли в бездействии, квалифицированная публика — инженеры, помощники, техники, мастера, — люди, которых я знал по их работе, покинули наши края и рассосались по разным местам Союза.

Специалисты, которые остались на заводе и в шахтах, были все большей частью инженерами старой формации. Они кончали учебные заведения при старом режиме, воспитывались при старом режиме, всегда жили среди реакционных теорий и возрзаний, были оторваны от практической жизни завода, на котором работали, не знали, чем живет и дышит рабочая масса, руками которой в шахтах добывается уголь, а на заводе варится металл. Старые инженеры жили вполне спокойно, чересчур хорошо, сытно, обеспеченно; жили, как помещики с отдельными усадьбами и выезжали на шаре лошадей, точно полицмейстеры. В гражданскую войну, при разрухе, голоде, когда можно было и не работать, жизнь большинства старых инженеров протекала спокойно. Но пук завода, конкретная программа действий, движений, заставили их зашевелиться, привести в движение мышцы, энергию. До сих пор они могли отказываться от напряженной работы, ссылаясь на то, что этого у них нет, того у них нет, нет ни канатов, ни угля, ни хлеба. А тут начали на них нажимать: «давайте металл!».

Многие из этих инженеров думали: когда же все образуется, когда все наладится, но без их содействия, чтобы они могли жить так, как раньше жили при хозяевах?

В шахтах инженеры бывали редко, туда их трудно было запнать. Одно лишь звание, что горный инженер, а под землей, в шахте, у рабочего места этот инженер бывал раз в месяц.

Если на Елшаневском заводе горное инженерство было особой породой, то в Макеевке — тем более. Руководителем среди инженеров был Х. Он прекрасно играл на рояле, остроумно и весело балагурил с дамами и слыл почему-то хорошим инженером. Но в деловом смысле это был барин, который в шахту ни за что не спустится, чтобы не запачкаться, в цех не пойдет, с рабочими толком не поговорит. Таков был дух, который царил среди старого инженерства и на примерах которого воспитывались инженеры из поколения в поколение. Держали себя инженеры совершенно неприступно и шикарной критикой со стороны рабочих, понятно, не терпели.

А на рудниках, в шахтах, положение было очень тяжелое. Рудники — опасные, газовые. Бесперывная цепь несчастных

случаев. У рабочих не стерлась в памяти большая катастрофа на шахте «Итальянка» в 1911 году, когда погибло много шахтерских жизней. Каждую минуту надо было опасаться подобной катастрофы. Между тем, благополучная и нормальная работа зависела прежде всего от инженеров, от специалистов. Это они знали, как надо распорядиться, чтобы работа была нормальной и безопасной.

Но многие старые инженеры этого не хотели. Они и не годились для работы в новых условиях, когда потребовалась энергия, дисциплинированность, близость к жизни, работа не за страх, а за совесть. Со многими инженерами нам пришлось поэтому расстаться. Мы переменили начальников доменного, мартеновского и прокатного цехов, оставив на их место более молодых специалистов из пролетарской среды, с душой отдавших себя на службу советскому народу. Машевка выпрямлялась и начала работать хорошо, по сравнению с другими заводами юга.

На Макеевском заводе я проработал недолго. В мае 1925 г. я переехал на Дзержинку. Незадолго перед тем здесь была залита первая доменная печь. Дальнейшая программа пуска печи была намечена очень большая. Надо было привести в движение весь завод, в то время самый большой металлургический завод в Союзе. Его надо было пустить в течение одного года со всеми его отделениями, многие из которых долгое время стояли в бездействии.

Это было, само по себе, интересно. Помимо того, завод имел много производств, ранее мне неизвестных. Это — оловяное и бандажное производство. Завод располагал еще хорошими котельными мастерскими, в которых делали шаровые котлы для продажи, и несколько недостроенным, не пущенным еще вагонным заводом.

Привлекало и замечательное расположение Дзержинского завода. Он стоит на берегу Днепра, близ города Днепропетровска. Это — крупный промышленный и культурный центр, располагающий учебными заведениями. А, надо признаться, что мне достаточно уже надоело в течение пятнадцати лет мотаться по заводам Донбасса, где эти условия отсутствовали, где оторванность от культурных условий ощущалась мной остро.

Но мой приезд на Дзержинку был встречен не совсем благожелательно со стороны директора завода и главного инженера. Об терминологии того времени инженеры говорили, что Бардин приехал на «живое место», чего, по какой-то установившейся среди инженеров этике, делать не полагалось. Таким образом, заняв по назначению сверху место технического директора, которое занималось до сих пор другим человеком, ничем, якобы, не провинившимся, я как бы совершил преступление против общих понятий.

Естественно, что на меня посмотрели на заводе, как на чужеродное тело. Между мной и многими инженерами создалась атмосфера отчуждения и непонимания. Директор завода был в довольно тесных семейных отношениях со многими из своих инженеров. Времени для семейственности у них было много свободного; в течение семи лет завод стоял, делать инженерам было нечего, они занимались рыбной ловлей и сватовством. То была, одним словом, довольно спетая, дружная семья.

Дзержинка всегда представляла собой старое польское гнездо с твердо установленными традициями, которых как следует еще не коснулась революция. Антагонизм между Дзержинкой — бывшим Брянским заводом, расположенным на правом берегу Днепра — и Енакиевским и Юзовским заводами, расположенными на левом берегу, имел давнюю историю. Нас, работающих на заводах левого берега, считали черной костью. Условия жизни наших инженеров были намного хуже, чем на заводе правого берега. Это обуславливало какую-то социальную разницу.

Характерно, что на Брянском заводе можно было получить место, только будучи горным инженером. Если вы не горняк, вас не считали в былые времена заслуживающим внимания инженером. На Днепропетровском заводе можно было получить место, только будучи инженером-технологом, и не просто инженером-технологом, а из определенного технологического института. И только горняки и технологи создавали политику на этих заводах. В своей области это были хорошие, знающие инженеры. Они руководили заводом, и весь остальной, зависящий от них, технический персонал смотрел на производственную политику.

тиму глазами этих руководителей. После революции эта политика на заводе продолжалась по инерции, потому что люди, за малым исключением, остались те же.

Мне было хорошо известно, что многие инженеры, которые считались устраиваться на этих заводах, через два-три месяца обычно вывалились. На заводе процветал отвратительный шовинизм, потому что руководящий персонал состоял сплошь из поляков, связанных между собой самыми тесными узами. Инженера Ловичка, который с трудом попал на этот завод, начинали разглагольствовать с первых шагов его работы. Малейшее его распоряжение выменялось перед рабочей массой, его компрометировали и сознательно распространялись на тему о том, что он ничего не знает и не смыслил в металлургии. Новичка травили так, что ему ничего не оставалось делать, как покинуть завод.

Чужого человека с завода выживали с презрением. Поэтому, когда я появился на Дзержинские и стал подводить фундамент для работы, я столкнулся прежде всего с упорным сопротивлением. Во плаве основных цехов стояли люди, с которыми трудно было бы успешно восстанавливать завод. Я уволил начальника мартеновского цеха и заменил его бывшим работником Едвардского завода, большим прапником, человеком, которого я знал хорошо, как добросовестного и опытного специалиста. Во плаве прокатного цеха я поставил нового человека — прокатчика с Юзовского завода, которого я, правда, знал мало, но среди металлургов он был известен, как прокатчик с большим опытом. Я сменил начальника механического и котельного цехов, потому что это были люди старые, не поспевающие за темпами новой жизни, и им пришлось уступить место молодежи.

Средний технический персонал — техники, мастера в цехах были квалифицированными, полезными людьми, которых я оставил на их местах. В большинстве то была молодежь, и я надеялся, что их увлечет работа по восстановлению и реконструкции завода.

Тот факт, что я сменил начальников основных цехов и заменил их людьми новыми, испортил совершенно мои отношения с главным инженером и директором завода. Главный инженер

был неплохим работником, и его можно было бы терпеть, если бы он сознательно не обходил меня своими распоряжениями по заводу, не действовал бы через мою голову, пользуясь своими хорошими отношениями с директором. Для меня было ясно, что сработаться со мной, дружно взяться за общее и близкое всем нам дело — восстановление завода — они не хотят. Вопрос стоял так, что вместе мы работать не можем. Это дошло до вышних инстанций, и директора и главного инженера убрали с завода.

Доменная хозяйство завода находилось в крайне тяжелом состоянии. Печей было шесть — мощностью 300-400 тонн. Печи все старые, технически отсталые, которые требовали большой переделки прежде чем их пустить. Была и новая печь, построенная перед революцией. Казалось, что новая печь должна была являть собой образец механизации, образец новейших технических достижений, какую-то попытку отойти от старого, отсталого, что было характерно для доменного хозяйства русской металлургии. На деле же новая печь была ничуть не лучше старых, и это последний раз доказывало, что бывшие хозяева и техническое руководство завода ничего не понимали в современной работе доменных печей.

Прежде чем пустить старые печи, я подверг их серьезной переделке. Таким образом, в течение нескольких месяцев мы пустили три печи, с кардинально переделанными горнами, фурманскими приборами и вооруженные машинами для забивки летки. Но что было делать с новой печью, которая еще ни разу не работала? Я долго ломал над этим голову. У меня руки не поднимались пускать ее без переделки.

В конце концов был создан проект переустройства новой печи, и я повез его в Харьков отстаивать в Югостали. Мы составили акт о том, что огнеупорный ширинг лежал в печи шесть лет и поэтому мог испортиться. Это было не совсем верное утверждение; ширинг не должен портиться от того, что печь долгое время стояла без дела. Но я знал примеры работы печей после долгой стоянки, и в этих случаях, как правило, печи работали плохо, не будучи перекопанными.

Б счастью, в Югостали нашлись разумные люди, которые

понимали, что печь надо не только переложить, но и автоматизировать ее загрузку, тем более, что машины для этого были. Эта точка зрения восторжествовала и мне было разрешено передоверить печь и механизировать ее. Большая победа! Мне предстояла интересная работа. С яростью я принялся расклевывать чудо польской техники. Но как только я прислушался к работе, против меня оцетшились охвостья польских хозяев, сохранившиеся на заводе.

— Это вредительство, — шипели они, забрасывая всевозможные инстанции всякими заявлениями и докладными записками. Новую печь, ни разу не работавшую, которую строил такой великий доменщик, как пан Семашко, приезжает разрушать какой-то неизвестный Бардин и ломает ее сверху донизу.

Дело докатилось до окружкома партии. Приезжали обследователи. Приходилось порядочно времени тратить на доказательство, что затеянная нами переделка и механизация печи необходима и полезна заводу. Обследователи из окружкома партии были хорошими работниками, среди них были рабочие, металлурги и шахтеры, которые понимали, что мы делаем полезное дело и нам нетрудно было доказать партийным инстанциям, что мы правы. Но это не успокоило врагов механизации завода. Они продолжали мешать мне спокойно работать и уже в 1926 году, перед тем, как мы должны были пустить реконструированную печь, из Харькова приехала комиссия ИТР расследовать мои действия. Комиссия должна была подтвердить, что реконструкция печи была необходима, но мне поставили на вид, что я недостаточно согласовывал свою работу с инженерами.

Завод работал хорошо, цех за цехом вступали в строй. Мы уже приближались к полной производительной мощности цехов. Но мне не повезло с шестой печью. Я применил одну новинку, на первых порах казавшуюся мне удачной. Я поставил на колошникове кольцо, которое предохраняло шпирич от ударов. Кольцо погнулось, и некоторое время печь работала плохо. Возможно, что кольцо погнулось в результате злоумышленных действий вредителей.

Но случай с кольцом вызвал недоверие среди инженеров,

которые в свое время противопоставили своим механизаторским мероприятиям.

На завод нагрянула комиссия. Среди членов комиссии выделялся пресловутый Жеззян — малоквалифицированный металлург, человек старый и закостелый в области металлургической техники. Но Жеззян решил показать свою власть передо мной, как член комиссии. Не желая вышквнуть в сущность примененного мной нововведения, не понимая его значения, Жеззян авторитетно и с апломбом стал объяснять комиссии, что кольцо — совершенно напрасная затея, которая обошлась государству в 300 тыс. рублей, что до этого мог додуматься преступник. Ош. Жеззян, знает, что этому не трудно было сделать.

— Какую прекрасную печь погубили! — вопил Жеззян! — Ведь я ее хорошо знаю!

Отшодь не государственные интересы защищал Жеззян. Нет. Я знал хорошо этого человека. Это был тип старого инженера, англически построенного, с узким техническим кругозором. Им руководило стремление свести со мной старые сче-ты. Я понимал это прекрасно. Я не мог и не хотел считаться с авторитетом Жеззяна. Я просто-напросто приказал выпроводить его с завода. Жеззян уехал в Харьков, обрушившись на меня влейшей докладной запиской. Из Харькова у меня запросили объяснений. Я ответил, что решать серьезные технические вопросы надо посылать умных и авторитетных инженеров.

Но печь все же работала плохо и мне необходимо было доказать свою правоту инженера. Печь пришлось остановить. Мы произвели в кольце кое-какие изменения, и через десять дней печь пошла хорошо. Никто не мог меня уже упрекнуть в том, что зря были затрачены государственные деньги. Печь живет и поныне. Десять лет она уже работает и работает хорошо.

Восстановление завода и частичная механизация цехов были завершены. Наступили дни нормальной, шзо дня в день одинаковой работы. Но чем больше я погружался в изучение старой Дзержинки, тем яснее становилось, что завод ничуть не отличается от прочих заводов юга России, на которых мне приходилось работать. Бывшие хозяева раздували завод без общего гар-

моничного плана; они лепили, пристраивали везде и всюду отдельные цеха, ставили отдельные машины без какой бы то ни было общей идеи. То была, если можно так выразиться, типичная кузнеческая работа безграмотных, технически ничего не понимающих руководителей, не способных пользоваться умельем и знаниями передовых, культурных инженеров, которых можно было найти и в старой России.

Отсталая, запятанная Россия! Как безобразно топталась ты на задворках мирового технического прогресса. Россия слабоумных кровавых царей, державших в нищете, ущемлении и рабстве великий народ!

★ ★ ★

Ни на минуту меня не покидала надежда, что на мою долю выпадет большая, сложная творческая работа. В стране появились новыми техническими исканиями и я понимал, что перед советским инженерством страны поставит грандиозные задачи.

В 1927 году серьезно заговорили о проектировании и постройке коксовых печей. Но где их строить, какого типа печи, как использовать коксовый газ? Этого точно никто еще не мог сказать. Со временем начал серьезно вырисовываться и проект этих печей. Но существу, это уже было началом индустриализации страны, начатой советской властью и осуществленной впоследствии под руководством партии и правительства в таких грандиозных революционных масштабах, которых не ведало ни одно государство в мире.

Перед инженерами, перед строителями, перед людьми, которые хотели работать, видеть страну обновленной, культурной, мощной, счастливой, открывались увлекательнейшие перспективы замечательной творческой работы, о которой давно мечтали русские инженеры. Я изволивался. Я не мог отстать от равнодушным и быть в стороне от этого мощного созидательного потока.

Наряду с другими заводами, правительство намечало расширить и реконструировать также и Дзержинский завод. Мы вошли с ходатайством в правительство, чтобы коксовые печи строились и на Дзержинске. Конкурентов было много, но прави-

тельство наметило сразу строить большое количество коксовых печей и поэтому наше ходатайство было удовлетворено.

Печи строились на Брянском заводе, на Рутченкове, на Горловке и Дзержинске. Работа была нова, захватывающе интересная. За границу поехали наши комиссии для переговоров с фирмами о технической помощи и для закупки всякого рода оборудования. На строительстве появились иностранные инженеры-консультанты и работа получила широкий размах.

Строительство печей на Дзержинске прошло интересно. Мы строили их несколько по-новому. Мы располагали печи на воде и песке, поднимая рабочую площадку посредством шпунтания земли и мокрого песка насосами. Земляные работы проводились изящно и красиво, без великих допотопных тачек, без примитивных лопат. Мощные насосы гнали воду с песком и землей, которая осаждалась и подымала площадку.

Технически строительство новых коксовых печей представляло для нас, инженеров, большой интерес. Коксовый газ шел на отплевывание доменных печей. Это было ново и незнакомо русским инженерам. Ведь мы, старые русские инженеры, учились и работали в те годы, когда коксовая техника в России была слишком примитивной. Поэтому начатое в 1927 году строительство печей было само по себе интересно и своим техническим новизной. Тут и большой проект, и неизвестные до сих пор масштабы, и новый строительный процесс с применением таких строительных материалов, как доменный шлак для фундаментов. Мы, инженеры, изголодались по интересной работе, мы были утомлены застойным однообразием технической мысли и с большой горячностью приступили к строительству, вкладывая душу в это замечательное дело.

В воздухе определенно чувствовались новые веяния. Страна вступала в новый этап развития. Воздвигался Днепроострой, реконструировались старые доменные печи, шло строительство коксовых печей, создавалась мощная силовая станция на Дзержинске. Оживались явные отношения с передовыми в техническом отношении капиталистическими странами. У нас появилась американская комиссия Фордуара — крупной балковско-технической фирмы, которая предлагала свою помощь в области

развития транспорта Николаевского порта и организации металлургического завода по американскому образцу.

К нам приехали десятки американских инженеров — горняки, транспортники и металлурги. Крупному американскому инженеру Маршаллу было поручено проектировать переустройство Южного металлургического завода.

Американцы имели большой опыт. Они проектировали в свое время первоклассные металлургические заводы в Индии, и с огромным интересом я следил за их работой у нас. Я с жадностью знакомился с новостями американской строительной и металлургической техники.

К этому же времени уже появились и первые заготовки из Кузбасса и с горы Магнитной. Началась организация Гипромеза. Наша техническая мысль зашевелилась. Инженеры должны были дать ответ стране — готовы ли они работать.

Внутри партии большевиков шла тогда острая борьба вокруг задач индустриализации и поисков путей технического прогресса страны.

Значительная часть старого инженерства примыкала к капиталистским позициям правых оппортунистов и вместе с ними отрицала ленинско-сталинский лозунг партии — догнать и перегнать передовые в техническом отношении капиталистические страны, противилась развитию металлургии как основы промышленного процветания.

Беспощадно отменяя правых и «левых», маскировавших свое предательство провокационными демагогическими лозунгами, страна, руководимая ленинско-сталинской партией, уверенно шла по пути технического прогресса.

Перед инженерами раскрывались широчайшие, невиданные, увлекательнейшие перспективы.

На XVI съезде партии великий вождь народов товарищ Сталин намечил грандиозную созидательную программу перед партией, перед всей страной. Товарищ Сталин сказал:

«Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. Понятно, что без такой базы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой

является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят нам о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат...»

Вождь народа поставил грандиозную практическую задачу, за разрешение которой с энтузиазмом взялся советский народ.

Магнитогорский завод проектировали уральцы, Кузнецкий — ленинградцы. Но дело, надо сказать, и у ленинградцев и у уральцев шло неважно. Наши проектирующие организации были слабы, имели ничтожный опыт и плохо представляли себе современную металлургическую технику.

Вспоминаю бесчисленные заседания в Гипромезе, которые всегда превращались в сплошную говорильню и споры об американской и германской технике. Сторонники американской техники, мажоритарные по количеству, но молодые по возрасту, выдерживали большой натиск со стороны сторонников германской техники, со стороны Грум-Пржинмайло, со стороны уральцев и старых южных инженеров. Спорили в Гипромезе много, но дело с проектированием не двигалось вперед. Чертежеской мы не чертили, а языки чесали сколько кому заблагорассудится.

Сколько-нибудь удовлетворительный план Кузнецкого завода мы сами сделать не могли. Наши проектировщики не в состоянии были найти какую-нибудь отправную точку. И чтобы придать, наконец, делу верное направление, правительство решило передать проектирование заводов за границу. Нам поручили создать программу сдачи проекта какой-нибудь американской фирме. Эту программу мы составили. Но, к нашему стыду надо сказать, что задание для проекта фирме Фрейли мы дали неправильное. Знакомства с сырьем районов, где предполагалось строить заводы, у нас не было никакого, хотя это был основной вопрос проектирования. В результате, мы поручили

фирме Фрейн разработать проект бессемера для Кузнецкого завода, не имея никакого права этого делать, потому что сырье района не позволяло думать о бессемеровской плавке. Знакомство с сырьевыми ресурсами районов было до того ничтожным, что мы иногда не были избавлены от грубейших ошибок. Когда впоследствии приехали американцы с готовыми проектами, оказавшись, что хотя бессемеровский цех и был запроектирован, но строить его нельзя было, потому что работать он все равно не мог бы.

Позже, когда в 1928 году мы познакомились с проектом Кузнецкого завода, мы напоролась и на вторую неприятность: проект не предусматривал аггломерацию тельбескской руды, которую, как оказалось впоследствии, необходимо обогащать. Это обстоятельство отсрочило начало Кузнецкого строительства.

Проектирование Магнитки первое время шло без помощи заграницы. Проектировщики пользовались опытом Кузнецкого проекта, но до конца использовать опыт американского проектирования у них смелости нехватало и повсюду они вводили у себя европейскую технику. Но представленный Магнитогорский проект правительство приказало скорее принять и в 1928 году был подписан приказ о начале строительства Магнитогорского завода.

Хотя первый проект Кузнецкого завода был забракован и отправлен в Америку на доработку, тем не менее в ноябре месяце 1928 года было организовано Управление Тельбескского строительства.

Об этом заговорили в печати. Я подумал: чорт возьми, какие счастливицы те инженеры, которым поручено будет строить такой грандиозный завод, какая счастливая судьба для инженера создавать такое новое, замечательное дело!

ГЛАВА I

В жизни каждого человека существуют дни, которые знаменуют собой поворот, начало нового жизненного пути.

День шестого января 1929 года в моей биографии был тем рубежом, за которым начиналась моя вторая жизнь.

Был я тогда в Харькове. Пошло, утром ко мне в гостиницу пришел незнакомый человек.

— Насилу нашел вас. Если не ошибаюсь, вы товарищ Бардин?

— Да, пожалуйста, чем могу служить?

— Я представитель Тельбесбюро, мне поручили переговорить с вами. Одним словом, поедете в Кузнецк?

Предложение поехать в Кузнецк на работу, о которой я в течение всей своей жизни мечтал, было слишком заманчиво. Я понимаю, что такое Кузнецк. Это ведь означало построить завод американского масштаба и по американскому проекту.

— Я не прочь поехать в Кузнецк, но отпустят ли меня с Дзержинки?

— Дело не в этом, — ответил бойкий представитель. — Нас интересует, сколько это будет стоить? Одним словом, сколько вы хотите денег?

Вопрос меня разочаровал.

— Меня не интересуют деньги, — сказал я с досадой. — Вы только добейтесь, чтобы меня отпустили в Кузнецк.

— Очень хорошо. Значит, можно сообщить в Москву?

— Да, пожалуйста.

В душе я не был уверен в успехе. Слишком уж несолидно подошел к вопросу о моей работе в Кузнецке представитель бюро, которому поручили переговорить со мной. Этот человек, видимо, полагал, что главное для меня — деньги. Он не заметил, как сильно возмущало меня его предложение.

Спусти некоторое время, я понял, что дело обстоит действительно серьезно. Я получил телеграмму из учраспреда ВСНХ с просьбой выехать в Москву для окончательных переговоров.

Ждать себя я не заставил. Я поехал в Москву и через день был уже в ВСНХ, а еще через несколько дней был назначен главным инженером Кузнецкстрой.

Случилось все это так неожиданно и стремительно, что я даже не успел хорошенько разобраться в том, что, собственно, произошло со мной.

Прежде чем поехать в Кузнецк, я отправился в Ленинград ознакомиться в Гипромезе с проектами будущего завода. В Ленинграде у меня было много хлопот. Следовало рассмотреть уйму разных проектов. Я подсчитывал примерную стоимость работ, выяснял, какая организация может взяться за проектирование прокатного цеха и металлических конструкций для доменного цеха. Одним словом, я сразу же, без промедления, принялся за дело.

Должен сказать, что о постройке металлургического завода американского типа в Сибири разговоры начались еще в 1916 г. На юге была тогда группа инженеров-доменистов во главе с Курако, которая понимала, в каком тупике находилась русская металлургия. Мы видели, что юг один уже не в состоянии питать железом всю огромную страну. Мы не могли примириться и с отсталостью южно-русского доменного дела. Россия не знала настоящих механизированных доменных печей, все южные заводы строились бессистемно, и в результате получалась кустарщина.

Мы догадывались, что Кузнецкий бассейн с его огромными запасами углей может послужить базой для развертывания доменной, передовой металлургии. В 1917 г. выдающийся русский доменный мастер Курако получил приглашение от акционерного

общества «Копикуз» запроектировать и построить в Кузбассе домы американского типа. Курако взял с собой несколько инженеров с юга и поехал в Сибирь. Захлебываясь от восторга, Курако писал мне, что места в Сибири хорошие, угли прекрасные, перспективы богатые, и в доказательство прислал даже образец кокса.

Началась гражданская война, и наша переписка прерывалась.

В 1921 г. я получил от Курако бодрую открытку. Но она шла так долго, что, оказалось, минул уже год, как Курако умер в Кузнецке от тифа.

«Копикуз» перестал существовать в 1919 г. Разведки прервались, и инженеры группы Курако разъехались в разные стороны.

В 1925 г. в стране возобновились технические поиски, вновь ожидала разведка, заговорили о заводе, возникла проблема Урало-Кузнецкого бассейна. Я следил за ее развитием с большим интересом.

План Кузнецкого завода в том же виде, в каком он строился, создавался не легко. Еще в 1926 г. в Гипромезе боролся два течения: американское и немецкое.

Вокруг проекта Кузнецкого завода эта борьба разгорелась особенно остро. Я был тогда близок к Гипромезу и во всех дискуссиях принимал горячее участие.

Сторонники немецкой ориентации доказывали, что в Сибири надо строить небольшие, мало механизированные печи, что американский завод где-то на отлете, в глуши, будет плохо работать, что Сибирь является слабым рынком сбыта и поэтому невыгодно приобретать для будущего завода дорогое оборудование. Кругозор этих людей из Гипромеза был чрезвычайно узок, но не только там можно было найти таких деятелей, которые мыслили местными, провинциальными масштабами.

Сторонники американской ориентации со своей стороны возражали, что потребность в металле в Советской стране быстро возрастает, что завод будет работать минимум 30 лет, и неправильно поэтому проектировать и строить его, исходя из первых 3—4 лет нагрузки. «Американцы» правильно полагали, что не следует бояться мощных агрегатов и больших капитальных за-

трат. Все это будет оправдано значительным удешевлением продукции.

Тогда же было известно, что за спиной спорщиков и среди них были вредители.

Спор окончательно решило правительство. В области техники металлургии был взят определенный курс на Америку. Правительством серьезно принялось за дело развития производительных сил страны.

Проект Кузнецкого завода был заказан фирме Фрейн в Чикаго. В 1928 году этот проект был закончен. Вслед за проектом к нам прибыла группа работников Фрейна. Она занялась не только Кузнецким заводом, но приняла участие и во всех работах Гипромеза по проектированию и реконструкции нашей металлургии.

Появление американцев в Гипромезе было немалым событием. До этого Гипромез хромал на все четыре ноги. То было хиленькое учреждение, весьма склонное к беспринципной болтовне, не умеющее излагать технические мысли ни письменно, ни графически. Среди сотрудников Гипромеза было много таких людей, которые мало верили в то, что советская власть когда-нибудь займется серьезно строительством крупных предприятий. Они работали с ленцой, в меру дискутировали, нехотя проектировали, строили узкие планы, над которыми сами посмеивались.

Своей деловитостью американцы помогли всколыхнуть Гипромез. Они дали проект Криворожского завода, а затем и проект Кузнецкого завода. Американцы помогли нам разрешить такие вопросы, как проектирование доменных печей и стандарты, в которых мы были особенно слабы.

С американцами я встречался не впервые в жизни. Их деловитость я знал хорошо. Мне понравились ясные, четкие, подробные и красивые чертежи американцев и их особая манера работать.

Позже, когда я бывал в Гипромезе, я видел, что американцы оставили после себя серьезный след: наша молодежь подучилась у американцев, она заимствовала у них не только знания, но главное и основное — это манеру работать.

И так, ознакомившись с кузнецкими делами, я посетил в

Москву, чтобы оттуда двинуться уже в дальнейший путь, в Сибирь, где суждено было начаться моей второй, счастливой жизни.

Скрывать нечего. Я был горд и преисполнен радости. Комплексное строительство представляло для меня огромный интерес. Постройка целого завода американского типа у себя на родине — не об этом ли я мечтал всю жизнь, не к этому ли стремилась моя душа инженера! Да и для всякого инженера это явилось бы счастьем и идеалом.

Никогда в старое время я даже думать не смел о том, что буду когда-нибудь главным инженером на таком большом заводе, и еще менее я мог себе представить, что буду в числе руководителей строительства, подобного кузнецкому гиганту.

Практика предыдущих лет давала уверенность, что с работой я справлюсь. Так или иначе, но я имел уже опыт обновления производства на Дзержинске. Здесь при моем участии было начато переустройство завода. Работа была интересная. По были первые опыты механизации в крупном масштабе при советской власти. Мы построили слитковую станцию, мощные коксовые печи, химический завод и реконструировали старые маршевые печи. Это были первые в Союзе стотонные маршевые печи.

Работа в Гипромезе, знакомство с американской техникой, разбор проектов, строительная практика — все это увеличивало знания, расширяло горизонт, внушало смелость в подходе к будущей большой работе, приучало к большим масштабам.

Я был горд и счастлив, что именно на меня пал выбор строить завод в Сибири, в крае, который многих отпугивал своей суровостью и дикостью.

★ ★ ★

Было еще одно обстоятельство, которое доставляло мне громадное удовлетворение: доверие, которое мне оказывала советская власть.

Слишком свежа была горечь обмана и предательства интересов рабоче-крестьянского государства со стороны значительной группы старых инженеров. Мое назначение в Кузнецк состоялось через несколько месяцев после исторического шах-

твенного процесса. Имела многих инженеров провозосидлив в стране с недоверием, упреком и несправедливостью. Многие мои соратники и друзья держали ответ перед страной за свои преступления.

Но я с самого начала пошел другим путем, и моя судьба оказалась иной.

В Кузнецк я поехал с большим почетным поручением. Предложение я принял с глубокой благодарностью. Радость перешло меня. Я вновь переживал юпошеский под'ем. Казалось, будто вознесли меня на недостижимую вершину, и мне хотелось громко кричать о своем счастье.

Память прекрасно сохранила незабываемый вечер, когда перед отъездом в Кузнецк меня пригласил к себе В. В. Куйбышев. Мы были одни у него в кабинете. Валерия Владимирович подробно расспрашивал о кузнецкой площадке, видел ли я ее, что она собой представляет, так, по-моему, должны быть развернуты подготовительные работы.

— А проект Фрейна, как вы его находите?

Я не считал нужным обрушиваться с критикой на этот проект и ответил, что идея его во всяком случае правильная.

Куйбышев заинтересовался:

— Нельзя ли увеличить размер доменных печей?

Валерия Владимирович встал и продолжал говорить со мной, прохаживаясь вдоль отрожного письменного стола. Часто он изглядывал на меня большими, но-детскими чистыми, проникновенными глазами. И вдруг он обратился ко мне необыкновенно тепло, дружески:

— В Сибири теперь зима, Иван Павлович, холод, мороз трехсухий. А хорошо! Я люблю сибирскую зиму. А вы не боитесь холода? Ведь вы, кажется, южанин. Но, в общем, сибирские морозы не так страшны, как их представляют себе непосвященные. Там очень интересные места, я их хорошо знаю...

Куйбышев немного помолчал.

— Сибирь, Сибирь! — продолжал он. — Турые русские цари превратили ее в каторгу, и поэтому Сибирь пугает, она кажется странной. Недавно я прочитал об этом у Герцена. Вы помните, я сейчас найду вам это место.

Куйбышев достал «Былое и думы» и начал читать.

— Вот послушайте: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, замесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед».

И дальше:

«Увидим, что будет, когда Америка встретится с Сибирью».

— Не правда ли, как замечательно, Иван Павлович? Америка встретится с Сибирью. Об этом мечтал Герцен еще сто лет назад. И вот эту встречу устраиваем мы, большевики, наша великая партия.

— Конечно, строить в Сибири, создавать там социалистическую Америку будет нелегко. Многое будет зависеть от людей. Есть ли у вас такие люди, на которых можно будет положиться и быть уверенным, что они серьезно возьмутся за дело? Вы имейте в виду. — закончил нашу беседу Валерия Владимирович, — что это глубокая разведка партии и рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное завтра. И это очень почетная заплата для инженера. Вам не один из них позавидует.

Куйбышев протянул мне руку:

— Счастливых вам успехов!

ГЛАВА II

Я ехал в Сибирь впервые. Длинный, далекий путь из Москвы. Большой досуг, много часов для раздумья. В вагоне я думал о последних изумительных словах В. В. Куйбышева. Какие замечательные слова! И какой глубокий смысл! «Глубокая разведка в завтрашний день». Да! Страна только вступила в первую пятилетку строительства. Начинаясь первые, но смелые шаги в будущее. Мне это будущее рисовалось в думале. Но то поручение, с которым я ехал в Сибирь, я представлял себе отчетливо.

Стремление построить крупный завод на родине не покидало меня все годы, и теперь я знал, что именно в Сибири и именно при большевиках осуществится моя заветная мечта.

Слова В. В. Куйбышева волновали, заставляли думать. Ведь и мне следовало сделать глубокую разведку, разобраться не только в своем прошлом, но и подумать о том, сумею ли я преодолеть, вытравить все коренившиеся во мне старое. Кто поддерживает меня, на кого мне опереться, хватит ли у меня веры и сил?

Куйбышев верил. Эта вера светилась в его глазах, когда он говорил о будущем, о заводе. Этой верой он воодушевлял — мощно, захватывающе, красиво.

В чем же была непреодолимая сила его веры? — задавал я себе вопрос. — В чем?

В Томске тогда находилось Тельбессебюро, которое занималось подготовительными работами будущего строительства и геологической разведкой. Заместитель главного инженера Тельбессебюро должен был передать мне все дела строительства. Меня познакомил с инженерами. Их было человек семьдесят, — главным образом, горные и геологоразведчики. Металлургов и строителей среди них почти не было.

Тельбессебюро производило впечатление богоугодного заведения. Внешне все выглядело гладенько, чистенько. Покрашивали перья, люди светились, что делали, в сущности, темного. Единственно чем занималось Тельбессебюро удовлетворительно, — это разведкой руд и углей. Зато в остальном здесь все дышало нулем. Темпы работы были замедленные, о строительстве не беспокоились: «неизвестно еще, когда начнется стройка; возможно, ее совсем не будет». Проектировали поэтому, связывая свою работу не с реальной действительностью, а с каким-то отдаленным, туманным будущим.

Мне сразу стало ясно, что с этими людьми приступить к серьезной работе нельзя. Я дал им задание заняться проектами временных построек, поручил провести подготовку к строительным работам и уехал знакомиться с районом.

Надо было посмотреть, что представляет собой Кузнецк, какова его производственная база и, наконец, что такое сибир-

ская действительность, о которой я не имел ни малейшего понятия.

С этой действительностью я столкнулся очень скоро на станции Тайга. Здесь пришлось наблюдать техническую шпигету края. Я увидел, как «машинкой» подают шпигит на второй этаж. Огромное колесо, диаметром метра в четыре и в нем безостановочно ходит человек, упираясь ногами в деревянную перекладину.

Нечего сказать, хороша двигательная сила! Да ведь этой механизации тысяча лет! Я понял, как трудно будет работать с людьми, не имеющими представления о современной технике.

Маршрут я избрал такой: сначала Кемерово, являющееся заводским сибирским районом. Надо было выяснить, что оставили после себя работавшие здесь американцы, насколько заметно их влияние, какое оборудование можно будет приобрести для строительства. Кроме того, я хотел посмотреть, какова работа коксовых печей и химического завода в зимних условиях.

Вторым пунктом, с которым я должен был ознакомиться, был Гурьевский завод — основная база будущего строительства.

И третьим пунктом — Кузнецкая плановка.

Затем надо было заехать в Новосибирск, доложить Крайсовнархозу о своих впечатлениях и ехать в Москву за проектом, заданиями и за людьми.

В Гурьевск я ехал томительно долго. Поезд делал частые остановки. Гурьевск мне был уже знаком по рассказам. Я увидел, что заводик тут неплохой, и работать на нем можно будет. Ознакомившись с программой, я нашел, что гурьевский завод окажет исключительную помощь строительству. Завод вырабатывал огнеупорный кирпич, располагал неплохой прокаткой и прядильным механическим цехом. Единственное, что нужно было сделать, — расширить все производство, приспособив его для нужд строительства.

Из Гурьевска я отправился в Кузнецк. Приехал вечером. Меня встретил заведывающий Кузнецкой котловой Тельбессебюро и повез заснеженным полем к единственному тогда двухэтажному дому — бараку коридорной системы. Комнаты почти все пустовали. Полы скрипели при каждом шаге, а щели в них

между досками были настолько широки, что из верхнего этажа можно было видеть все, что делалось в нижнем. К счастью, дом оказался чистеньким, и мы спокойно проспали ночь.

На следующий день я поехал на лошадях осматривать площадку. Единственный автомобиль в Кузнецке стоял в бездействии в гараже. Ездить по глубокому снегу на машине было невыносимо.

Занесенная снегом площадка показалась мне довольно ровной, но это был обман зрения. Под снегом скрывалось множество бугров, пней и болот, которые обнаружили потом, когда мы начали копать площадку.

Сездил я и на Томь, где осмотрел галечные и песчаные карьеры. Галка оказалась прекрасной.

Руководители сельсовета, с которыми я познакомился в Кузнецке, показали мне довольно бесцветными. Наиболее активно вел себя местный кооператор. Решив, что приехали далеко от постоянного хозяина строительства, он сообразил, что прежде всего нужно получить от них аванс на будущее снабжение. Он пространно толковал о каких-то деликатесах для специалистов и сулил разные кооперативные блага.

Сколько денег он просил, я не помню. Знал только, что мы ему ничего не дали. Кооператор надуделся и грозил ничем нас не снабжать. Это было очень комично.

К тому времени на площадке находилось уже человек 200 строителей. Собственно, они ничего не делали, но числились рабочими строительства. Хотя лесу здесь было вполне достаточно для постройки жилья на 200 человек, но баракаов для себя они не строили, предпочитая жить в окрестных деревушках Бессоново и Аралничено.

В сравнении с уральскими или восточными, эти деревни имели жалкий вид. Это были сплошь старые избышки, не обнесенные дворами. Люди в них жили очень грязно. В этих деревушках можно было расселить тысячи две шаров, если построить новые срубы. Мы решили строить здесь жилье для будущих строителей завода и с этой целью дали доверенность заведывающему кузнецкой конторой скупить все старые избышки для сноса.

Мы сделали большую глупость, выбросив на ветер 200000 рублей. Крестьяне охотно продавали свое жилье, продолжая, однако, спокойно в нем проживать, разумно рассчитывая стать в ближайшее время рабочими строительства.

Руководящих работников на площадке было очень мало.

Чтобы пачать разворот строительства, нам нужны были люди и техническое вооружение. Но прежде всего нужен был состав людей, которых знаешь, которым можно доверять. Нужны были чертежники, механики, металлурги и строители. Нужны были станки и материал. Все это приходилось искать, а потом уже стягивать в одно место.

Четыре тысячи километров, отделяющие Кузнецк от Москвы, создавали впечатление оторванности и изолированности от всей страны.

Впрочем, я рисовал себе все гораздо мрачнее, чем это в действительности оказалось. Я думал, что вследствие оторванности от центра мне придется переживать одному много тяжелых минут. Я опасался, что помогать нам не будут, а требовать с нас будут много.

Но этого не случилось. Кузнецк стал в центре внимания всей страны. Сюда были направлены и люди, и машины, и материалы.

ГЛАВА III

Главной задачей первого сезона было подготовиться к капитальному строительству 1930 года. Мы поспешили с распределением заказов на проектирование. Огнеупорный цех сдали Стальпроекту, чему были несказанно рады, — в те годы сдать заказы на серьезное проектирование было трудно. Проект и рабочие чертежи прокатного цеха были заказаны бюро рабочего проектирования при Гипромезе. Впоследствии этими чертежами нам не пришлось воспользоваться.

Осталось самое главное: договориться о проектах доменного цеха. Это значительно осложнялось отсутствием в стране квалифицированных проектировщиков, знакомых с передовой техникой в доменном деле. Надежда была на Стальпроект. Но с ни-

ми надо было еще договориться, заинтересовать их. Это было не так легко.

Все же мы начали переговоры. Сталирсовет отказался взять на себя проектирование домен, опасаясь, что не справится с таким необычным заданием. В конце концов удалось их уговорить. Первые чертежи печей нам обещали представить не позже июля. Таким образом, мы рассчитывали уже к осени 1929 года послать чертежи для изготовления железных конструкций доменного цеха.

К этому времени Кузнецк все более и более становился центром притяжения общественного внимания страны. Центральная печать, наряду с Матинткой, заговорила и о Кузнецке, как о крупнейшем объекте индустриализации Советской страны. Это особенно ободрило меня. Я поехал на площадку в приподнятом настроении. Единственно, что беспокоило — это недостаток людей, с которыми можно было бы немедленно развернуть подготовительные работы.

Хотя к нам обращались с письменными предложениями сотни и тысячи людей со всех концов страны, но подходящих работников среди них было мало.

Кто только не предлагал нам свои услуги: фантазеры, романтики, врачи, пылкие юноши и отчаянные старики. Одних увлекала романтическая новизна, героика, слава пионеров, желание проторить новый путь; других — простая, грубая жажда наживы.

Нам же пужны были люди самоотверженные, смелые, готовые к любым житийским лишениям, дисциплинированные и упорные в стремлении преодолеть суровые особенности сибирской природы. И прежде всего нужны были квалифицированные строители.

Первые люди на площадке начали появляться с июля 1929 года. Приехал мой помощник по проектированию, прекрасный инженер, хорошо знающий Сибирь.

С юга я вызвал еще человек 10 инженеров и техников-металлургов, которых знал хорошо по совместной работе.

Аппарат на площадке был немногочисленный и малоквалифицированный. Это были большей частью работники Тельбесс-

буро, люди мало подвижные, не металлурги, не строители. Бестолковщины было много. Темпы работы развивались медленно.

На площадке, поросшей кустарничком и травой, виднелся пустой двухэтажный дом, близ него расположились четыре одноэтажных домика да пять избушек вдали.

Дорог не было. Хотелось посмотреть горный район и увидеть, как там идут дела. Но как доехать до Тельбесса по незавершенной развороченной дороге? Туда надо было пробираться верхами сивозь пустую чащу. Ясно, что прежде всего надо было приступить за прокладку дорог.

Денег у нас было очень мало — всего четыре миллиона рублей. И мы решили минимальное количество средств отпустить на развитие рудника. Строительство рельсовых дорог, а также собственных предприятий горного хозяйства и, главным образом, сооружение бытовых устройств на самой площадке мы всячески форсировали.

На площадке дело все больше и больше развивалось. В мае 1929 года на площадке было 300 человек, через месяц — полторы тысячи. С каждым днем люди прибывали сотнями.

В июне мы начали планировку площадки. Разметив еще раньше основную базисную линию завода, мы поставили знамя на месте предполагаемых цехов.

Постепенно площадка принимала рабочий вид. Стучали молотки, испугивая птиц. Вонзая в землю лопаты, люди с трудом взрыхляли окаменелую почву.

Началось сооружение бытовых построек, барачков и конторы заводоуправления. Параллельно шла подготовка к разработке камельных карьеров. Крестьяне подвозили камень, гравий и песок. Расширялся кирпичный завод, налаживалась работа Гурьевского завода. Развертывалась, таким образом, подготовительная база широкого наступления по всему фронту.

ГЛАВА IV

Аппарат строителей возглавлял инженер Явужкевич. Его пригласили на площадку в мое отсутствие. Я обрадовался, что

появился гражданский инженер. Будет, следовательно, на кого положиться в строительных работах.

Весной после первого посещения площадки я просил Янушкевича немедленно приступить к испытанию грунтов, без чего невозможно было начать строительство. Янушкевич получил задание разбить ось завода, поставить бетоновые сваи и заделать их на незамерзающей глубине. Это было твердое задание, и я был уверен, что все будет сделано именно так, как я указал.

По моему заданию Янушкевич не выполнил. Пришлось повторить приказание второй и третий раз. Это положило начало нашим разногласиям.

Работа в районе, где впервые вздымаются нетронутые пласты и воздвигаются грандиозные сооружения, — не каждому строителю по плечу. Поведение грунтов неизвестно, местные стройматериалы не изучены. Нам необходимо было торопиться, форсировать исследование грунтов для получения необходимых данных. В этой сложной работе нужны большая смелость и определенный риск. Янушкевич же был человеком бессистемным, бестолковым и отчаянным трусом.

К тому же, в Кузнецке впервые Янушкевич соприкоснулся с металлургией, с грандиозным строительством. Все, что здесь предпринималось, было ему незнакомо и мало понятно. Этот человек всю свою жизнь, вероятно, строил незначительные сооружения и небольшие дома. Как и многие наши гражданские инженеры, он думал, что Кузнецк — это обычное строительство, схожее с тем, которые существовали в стране до 1929 г.

Позже я понял, что даже в его внешности было что-то такое, что не подходило для молодого строительства, где нужны смелость и отвага. Янушкевич всегда носил форму гражданского инженера и обладал манерами солдата: «Слушалось, так точно, никак нет-с».

Еще Курако привил мне отвращение к служакам. Если человек говорит «чего изволите?» — это верный признак того, что он ни чорта не стоит как работник. Янушкевич был служакакой, типичным фельдфебелем от старого инженерства и злобавок болливив, как базарная торговка. Мне передавали, что часто он распространялся на мой счет среди иловников:

— Зачем понадобилось Бардину закладывать фундаменты? Потерпели бы еще годик.

ГЛАВА V

... В июле были заложены фундаменты заводоуправления и базисного склада. То были первые фундаменты на кузнецкой земле.

Долгожданный день, наконец, наступил. Площадка стала шумливой, вспрысгивали тонаты, завизжали шпиль. Вначале робко, затем все громче и громче рабочие заехали «дубинушку». Я всегда любил эту родную мне, старую волжскую песню труда. А в ту минуту она наполнила меня большой, овебо радостной силой. Встав на пригорок, я на всю жизнь запечатлел в своей памяти начало великого рождения.

Вскоре над землей поднялись первые кирпичи здания заводоуправления. Я торопил людей. Все шло благополучно.

И вдруг на площадке начались странные разговоры.

Впервые я услышал их из уст рабочего. Он сидел на кирпиче спиной ко мне и, закусывая, вел ленивую беседу с двумя своими товарищами.

— Вают, зря мы робим. Земля-то не сдержит дом, и он упадет.

— С чего же ему упасть-то?

— А кто его знает.

— Треплют, однако.

Я не обратил внимания на эту болтовню. Но очень скоро мне пришлось убедиться, что площадка действительно полна слухов, будто здание заводоуправления опустится и обязательно рухнет.

Что за чертовщина? Я не понимал, откуда и почему возникли эти слухи, но они упорно развивались, сея на площадке сомнения, недонерие, ослабляя дисциплину и темпы работы. Распространилось неленное мнение, будто в Кузнецке вообще строить нельзя. Грунт-де не выдержит, и все, что будет воздвигнуто, обязательно рухнет.

Вера этим слухам, люди работали с прохладцей, рассеянно.

действуя своей медлительностью напервы. Я проверил все проекты, все данные о грунтах, сверил все расчеты. Я следил за кладкой буквально каждого кирпича фундамента. Ничто не внушало опасений. Всекие неожиданности были исключены.

А Янушкевич, между тем, вел свою линию торможения работ на строительстве.

— Здание сдвинуто метров на двадцать в сторону от первоначального проекта, — запугивал он начальника строительства, по-военному вытягиваясь перед ним во фронт. — Позволю себе заметить, что это опасно, чрезвычайно опасно.

— Почему именно?

— Помилуйте, ведь никогда нога человека не ступала по этой земле. Все может случиться: подпочвенная вода, незнакомый грунт. Это сумасбродство Бардина, сумасшедший рвек, и я не хочу ему потакать. И вообще к чему эта торопливость? Я никак не пойму. Как бы мы не построили с вами так, что нас — хоп да за шиворот и в каталажку.

— А Бардин утверждает, что ничего страшного нет. Он знает, что здание сдвинуто в сторону и говорит, что это не имеет никакого значения.

— Бардин все может сказать. Ему не отвечать. Руководит строительными работами инженер Янушкевич, а не Бардин. Чуть что, придут и скажут: пожалуйте, граждане инженер, отдохните в лоджале. Нет, как хотите, а я продолжать постройку не намерен.

Начальник строительства беспокоился.

— Может быть, действительно повременить, Иван Павлович? Янушкевич настаивает, что здесь что-то неладно с грунтами. Может быть, все это проверить?

Вызвали из Москвы опытного консультанта строительства по грунтам, большого специалиста в этой области. Десять дней он провел в Кузнецке, анализируя и проверяя грунты и в конце концов дал заключение, что беспокоиться нечего и работу можно продолжать.

Янушкевич возражал:

— А я боюсь продолжать постройку. На площадке только и говорят, что строить опасно.

— Это вы своей болтовней нервируете площадку, — сказал я, не стерпев. — Нечего сказать, хорош инженер, руководитель постройки, который оттягивает работу и занимается перееудами.

— Вы изволите обижать старика, — сказал Янушкевич с огорчением. — Разве я допустил бы такое.

Значит, все правильно, работу надо продолжать. Но Янушкевич не торопился. Он вел работы медленно, ворчал, хныкал об ответственности и поглядывал на меня недружелюбно.

Через несколько дней после отъезда консультанта разыгралась буря. Она ворвалась на площадку с кемеровской газетой, в которой была апапчалаша грозная, обличительная статья.

Я прочитал и ужаснулся. Кровь бросилась мне в голову. Я ощутил противную пороть во рту. Газета запальчиво обличала меня во всех смертных грехах, требуя остановить вредительское возведение фундамента заводоуправления и прекращения всех работ, начатых моей «злой рукой во вред Советской стране».

Удар был неожиданный и коварный. Он попал прямо в сердце. Кто-то шеуклюже, зло обрушил на меня пакостное обвинение, попытался грязными сапогами растоптать мою честь инженера, затормозить строительство, о котором я мечтал всю жизнь. Кто-то пытался окружить недоверием мое имя в тот момент, когда я только развернул пласуцление. Потолбелась вера в командира. Площадка глухо зароптала, зашепталась о моем уходе. Работы приостановились. Почва заматалась у меня под ногами.

Уйти с площадки посрамленным и уничтоженным? Какая несправедливость, какая обида! Хотелось кричать от невыразимой боли.

Я протестовал порядчо, страстно.

Меня успокаивали:

— Это недоразумение, все выяснится, Иван Павлович. Конечно, очень неприячно, когда вас в печати обвиняют в таких вещах...

— Все это совсем не то. Я инженер, а наш брат порядочно успел нагадить советской власти. Нам и так не доверяют. На инженеров смотрят с оглядкой. Ведь газеты каждый день пи-

нут о предательстве. А здесь на меня вылило столько грязи, что невозможно не запачкаться.

— Конечно, это неприятно, — соглашались со мной. — Но если вы уверены в своей правоте, — беспокоиться нечего; во всем этом разберутся те, кому следует.

— Обидно, ведь мы только начали строить, я же успел даже развернуть свои силы как следует. Я сплю и вижу завод на Кузнецкой земле. Тут должны осуществиться мои самые заветные мечты. Неужели же уходить с площадки?

Мне посоветовали обратиться в Крайком партии.

— Увидите, там разберутся!

В Кузнецк приехал автор статьи. Он пришел ко мне, молодой, двадцатилетний мальчуган, славный юноша с чистыми, девичьими глазами. Я сразу подумал: «Его кто-то направил на ложный путь». Мой злой обвинитель сначала петушился и был заносчив. Я спросил его:

— Вы вполне уверены в том, что написали обо мне?

— Конечно.

— Скажите честно, кто помогал вам или, вернее, кто обманул вас?

Юноша покраснел:

— Никто, уверяю вас.

— Я вижу, что вы говорите неправду. Сами вы же могли ничего подобного придумать. Все это — клевета и глупость. Кто убедил вас так необдуманно запятнать честь советского инженера? Вы даже не подумали о том, что своими писаниями можете сорвать подготовительные работы такого большого, сложного строительства. Это гораздо серьезней, чем оскорбить одного инженера. Каждый день здесь дорог; вы поймите, — каждый день! — превратилось у меня бузвально с отчаянием.

Мой жестокий обвинитель поколебается. Последний аргумент подействовал на него гораздо сильнее, чем все мои предыдущие упреки.

— Хорошо, — пробормотал он взволнованно. — Возможно, что газета совершила ошибку, печатая мою статью. Но я ведь доверился вашему же работнику.

— Кому именно?

— Это пострепалил меня Янушкевич.

Жалкий старичишка Янушкевич! Так вот кто бросил в меня камнем, кто взбудоражил всю площадку, кто посмел угрожать развитию строительства.

Сдерживая кипевшее во мне негодование, я сообщил обо всем партийной организации строительства.

Янушкевич явился в партком. Увидев журналиста, он растерялся, стал по-солдатски по фронт и подобострастно произнес:

— Чего изволите, товарищи?

— Затем вы наклеивали на Бардина? Затем всолошили площадку?

— Выповат, не пошамало. Шичого я на Бардина не писал. Я сам возмущен этой статейкой.

Но Янушкевич понял, что журналист уже все рассказал в парткоме, он заметался, как пойманная змея. Он просил прощения, мямлил о старости.

Собрание строительной площадки было бурным. Мне приходилось давать объяснения, отстаивать свою правоту. Янушкевич слабо заприщавился. Но я видел, что у него были сторонники среди инженеров. Зато меня поддерживали рабочие и коммунисты, находившиеся на площадке. Это была внушительная помощь, которая давала уверенность в работе.

Янушкевича уволили с площадки, как и многих инженеров, не желавших понять, что Магистрострой, Кузнецкстрой — это закономерный и смелый скачок вперед. Его невозможно было совершить, не освободившись от груза старых строительных традиций.

Но Янушкевич причинил мне много горя. Я все-таки боялся, что мне придется уйти с площадки. «Не начало ли это конца?» — думал я с тоской.

Уйти с площадки — значило для меня слиться заветной цели всей моей жизни.

Я понял, что следует как можно скорее план завода на валыке превратить в действующий на земле завод. «Тогда мне будут верить», — подумал я.

Я писал проектировку, а писал подготовительные работы бе-

шными темпами. И успокоился только тогда, когда увидел фундаменты доменных печей, поднявшиеся над землей.

Фундамент заложил, дело началось в большом масштабе и по всему фронту.

ГЛАВА VI

Еще перед отъездом в Сибирь мне сообщили, что в Ленинград приехал крупный металлург англичанин Вестгард, который выразил желание работать в Кузнецке. Мне поручили переговорить с ним об условиях и, если он окажется подходящим, пригласить консультантом строительства.

Я нашел его в Европейской гостинице в самом шикарном номере. «Ну, думаю, значит, птица важная». Увидел я человека небольшого роста, с черными волосами, юнец просто в обращении, похожего больше на француза, чем на англичанина.

Вестгард рассказал, что он работал в Индии, у «Шри-энд-Маринал» — довольно известной и солидной металлургической фирмы.

— Почему вы ушли оттуда? — спросил я Вестгарда.

— Как бы вам сказать? Можно отчасти и признаться, что тут заменена и политика: мне запрещен въезд в Индию. — Он выдержал паузу, как бы оценивая, какое это произведет на меня впечатление. — Но главная причина, — продолжал он, — не в этом; мне не захотели за изобретение и я ушел от «Маринал».

— Где вы еще работали?

Он назвал лучший в Индии английский завод «Тата» и даже перечислил имена многих известных мне инженеров.

— Вы инженер? — спросил я его дальше.

— Нет.

Вестгард шестосердечно заявил, что не имеет специального образования, но все время работал на металлургических заводах.

— Мой отец был также металлургом, — заключил он.

Это подкупило. Человек работал на строительстве новых заводов в Индии, является наследственным металлургом, ти-

пичным в этом смысле англичанином. Такие именно люди были нам нужны. Первое впечатление о Вестгарде (создалось довольно приличное. Я заключил, что он подходящий человек для строительства, и решил взять его на работу.

Ознакомившись с проектными материалами, Вестгард стал доказывать мне, что, по его мнению, проект Кузнецкого завода не годится.

— Его надо переделать, мистер Бардин, — сказал он с aplombом.

— По-моему, этого не нужно, — возразил я. — Проект сделал по нашему заказу известной фирмой. Если мы займемся сейчас переделками, — это только затянет время и задержит строительство. А нам время очень дорого.

— Да, но строить по фрейховскому проекту нецелесообразно. Ваша страна молодая, и вам надо строить самый совершеннейший завод.

— Насколько я сведущ в американской металлургической технике, проект Фрейша и даст нам самый совершеннейший завод.

— Прощу не обижаться на меня, мистер Бардин, но я против этого утверждения возражаю. Я докажу вам целым рядом предложений других фирм, — кстати, я их привез с собой, — что существуют более современные проекты металлургических заводов.

Вестгард чрезвычайно оживился. Он принялся показывать мне какие-то письма и пытался заинтересовать меня ими.

— Обращаю ваше внимание, мистер Бардин, что речь может даже пойти о получении кредитов на оборудование. Думаю, что фирмы на это согласятся, и я мог бы взять на себя такое поручение.

Мне не понравилось поведение Вестгарда. Его ведь никто не уполномочивал собирать предложения от каких-то фирм.

Я дал понять Вестгарду, что работать мы будем по проекту, который у нас уже имеется.

Вестгард сделал вид, что успокоился, но наши отношения с ним стали натянутыми.

Одна довольно пустячная причина послужила поводом к то-

му, что наши отношения стали и вовсе натянутыми. Уезжая в Англию, Вестгард спросил меня:

— Что вам привезти?

— Благодарю вас, мне ничего не нужно.

Через некоторое время он привез замшевую куртку. Очень хорошая штука. Стоила она долларов десять. Я сказал Вестгарду, что подарков не принимаю и предложил ему сто рублей. Вестгард обиделся.

— Возвращаю вам деньги, — ответил он мне, — куртку передайте, пожалуйста, моему переводчику.

В конце испортились наши отношения, когда Вестгард представил свой первый проект завода. Он был составлен безграмотно и полон всяческих глупостей. Я раскритиковал этот проект, но у Вестгарда нашлись сторонники среди сибиряков. Он сблизил их с тобою: «Раз англичанин, иностранец представил проект — значит, это было что-то очень серьезное».

Вестгард написал в Москву, что я не помогаю ему, не даю людей, хочу сорвать его работу. Он считал себя обиженным. Но это была с его стороны хитрость, он хотел посорить меня с Москвой и предполагал, что я не отважусь вступить в техническое единоборство с иностранцем.

Вестгард был неправ. Ему дали все, что он просил: людей, помещения и абсолютную свободу творчества. Ему никто не мешал, но чудес от него мы уже не ждали.

Второй вариант, который он представил, был немного лучше. Но видно было, что он является плодом фантазии не только одного Вестгарда. Мне было известно, что ему помогал кто-то из томских инженеров. Однако, проект это не спасло. Все равно он оставался безграмотным и также провалился.

Но был Вестгарда был неугасим. Планам и вариантам его не было конца. Он сблизил ими всех с тобою. Особенно он будоражил Гипромез. Я беспокоился, что там ухватятся за варианты, как за счастливую возможность побольше заседать.

В Гипромезе одобрили варианты. Это была маньяка вариантов. Вестгард явился для них желанным родственником. Я стал подозрительным и был все время настороже. Памятная история с Янушкевичем сделала меня сдержанным и недовер-

чивым. Надоели бесчисленные отступления и оттяжки. Янушкевич, Вестгард, варианты, планы... создавалась какая-то непрерывная инерция торможения. Но где же завод? Все эти причины мешали приступить к настоящему строительству.

Между тем, на площадке уже появились коммунисты, выкалывающие во все детали строительства, рабочие уже вдохновились грандиозным планом предстоящих работ. Люди проявляли нетерпение, требовали поскорее развернуть на площадке настоящее дело. Я почувствовал, что мне, нижешеру, есть на кого опереться, я решил скорее заложить фундаменты помеш, отрезать тем самым пути к отступлению и сказать: «Вот вам доменная печь и всяких разговоров больше!».

Вестгард зашумел. Он послал телеграмму в ВСНХ. Нас вызвали в Москву. Мы поехали вместе. В дороге мы не разговаривали. Вспыльчивый, самолюбивый Вестгард готов был наброситься на меня при малейшем поводе с моей стороны. Я молчал и не обращал на него никакого внимания. Я ехал в Москву с твердым намерением раз навсегда положить конец всяким вариантам Вестгарда.

Проект Вестгарда рассматривался в Москве, затем в Гипромезе в Ленинграде и опять в Москве. Он был разбит шагалову. В Сибирь Вестгард больше не возвратился.

По возвращении в Англию Вестгард стал метить нашей родине клеветой, написав несколько смешных и грязных побасенок.

Вестгард оттянул начало строительства, но борьба с ним содержала и положительное зерно. Он столько шумел, дергал всех, надоедая своими бесчисленными вариантами, что в конце концов мы глуже занялись фрейновским проектом. Этот проект был основательно проверен в партийных инстанциях и в ВСНХ и, в результате, производительность завода была увеличена в полтора раза против первоначального плана.

Но я в обстановке постоянного напряжения, внутреннего беспокойства не способен был подойти более взвешенно к увеличивающимся масштабам производительности завода и стоял на том, чтобы совсем не менять плана и не отвлекаться от первоначального проекта Фрейна. Это было моей серьезной ошибкой.

Сибирская зима 1929 года была отчаянно суровой. Пятидесятиградусный мороз жег щеки и нос, лопались градусники, с непривычки захватывало дыхание. Правда, градусники лопались не столько от мороза, сколько от плохого качества спирта.

Это была моя первая зима в Сибири, и я вскоре понял, что значат сибирские холода. Сам по себе сибирский мороз не страшен. Солнечный, здоровый, сухой — к нему даже быстро привыкаешь. Страшны сибирские бураны...

А зима 1929 года отличалась сильнейшими буранами. Невольно я вспомнил своего приятеля, который перед отъездом предупреждал меня:

— Смотрите, Сибирь — это вам не Украина, там в конце мая только пахать начинают. У нас цветет черешня, а там еще в шубах ходят.

Но суровая зима не остановила работы на площадке. Мы продолжали строить котлорку заводоуправления — возводили второй и третий этажи, производили внутреннюю бетоноармацию базисного технического склада и в ту именно пору соорудили над ним крышу. Строили мы в тепляках, стараясь все время держать одинаковую температуру. Ни на минуту не прекращалось сооружение барачков, жилых домов, изо дня в день шла прокладка путей через весь завод. В Гурьевске работа продолжалась своим чередом, там расширялись и улучшались работы штейнского и огнеупорного цехов. Подготовительный фронт строительства, таким образом, держался всю зиму.

Мы, правда, упустили немало. Так и не удалось заложить фундаменты печей или хотя бы подготовить котлованы основных заводских сооружений. У нас было мало средств и еще меньше опытных строителей.

Упустили мы одну существенную «мелочь» — и эта ошибка подгорилась на всех строительствах Союза в первые годы индустриализации. Мы не подумали о том, что бани, пекарни, магазины, столовые необходимы на крупном предприятии, где работают десятки тысяч людей.

Следует отдать справедливость работникам ЦРК. Они требовали построить хлебозавод и универсам. Эти требования были, конечно, справедливыми. Но тогда они нам казались дикими: ведь мы располагали шестизначной суммой денег для основного строительства.

Хлебозавод мы не строили. Наша пекарня помещалась в какой-то избушке, оборудованной русскими печами. Здесь умудрялись выпекать по сто шудов хлеба в день. Но хлеба на всех не хватало. Другими продуктами снабжали еще хуже. Подвоз продовольствия был налажен отчасти. Люди на площадке были раздражены, нервничали, роптали, но работать продолжали.

Мой помощником по строительству после Ялушкевича был Сергей. Я знал его еще с юга. Работал он у меня смельчачом и механиком в Енакиеве и на Макеевке. Он был квалифицированным металлургом и строительством на площадке вел хорошо. Он понимал его. Но Сергей имел серьезный недостаток: он был чрезвычайно резок, вспыльчив, любил спорить. Удивительная натура. Своей необузданной горячностью он походил на Долохова из «Войны и мира» Толстого. Как я ни старался, но сдерживать Сергея мне не удавалось. Он бранился, кричал и часто совершенно зря нападал на людей. Впоследствии эти свойства характера заставили его оставить площадку.

В первых числах февраля 1930 года нам стало известно, что Главчермет, в ведении которого находилось наше строительство, перестал существовать.

Вместо него образовалась Новосталь.

В конце февраля новые руководители приехали на площадку знакомиться с состоянием строительства.

Члены комиссии по-хозяйски принялись за обследование строительства. Они облазили всю площадку, обшарили все закоулки, осмотрели кирпичный завод, бараки, заводоуправление, склад. Под конец в деревянном клубе ИТР собрался весь коллектив строительства. Это было первое публичное обсуждение с рабочими всех дел на площадке.

Докладывали члены комиссии очень придирчиво. Критика

каждой мелочи, каждой нашей ошибки велась резко. Нас упрекали в том, что мы ведем капитальное строительство (заводоуправление, склад), ругали за дорогостоящие бараки, за то, что мы их делаем не дощатыми, а рублеными, понало нам и за расположение путей, и за каменные карьеры, и за растяннутость фронта строительства. Одним словом, взбучку нам сделали порядочную.

Начальник строительства в это время отсутствовал. Мне пришлось принять одному весь бой. Но я и не собирался воевать. Я понимал, что нас надо хорошенько ругнуть, чтобы держать жестче, внушить дисциплину и уважение к государственному рублю.

— Да, — соглашался я, — недочетов много, работаем мы действительно плохо, медленно но у нас слишком мало средств, материалов, квалифицированных людей. Нам нужна помощь.

Эту помощь нам обещали.

ГЛАВА VIII

Через месяц площадка оживилась. Приехали инженеры, техники, строительные спецы Стальстрой. Я обрадовался. Армия получила командиров, и дело должно было пойти быстрее.

Первого апреля мы заключили договор. На бумаге все обстояло более или менее благополучно. Стальстрой являлся нашим контрагентом, мы передавали ему все работы, проекты, слабкошие, за собой оставляли технический контроль. На деле получилось иначе: мы передали право строить, а себе оставили право отвечать за строительство. Это означало довольно тяжелой комбинацией.

Полтора месяца длилась передача работы по актам. Мы занимались ненужной перепиской, казуистикой и в конце концов закутали договор. И как бы для того, чтобы все уже окончательно закутать, в дело вмешалась Востокосталь. Вспомнив, что Стальстрой был некогда ее питомцем, Востокосталь решила на этом основании отхватить и себе кусочек распорядительной власти. Канцелярия в Востокостали была большая, проектировщиков достаточно, а охотников строчить приказы еще боль-

ше. Всевозможные сбивчивые распоряжения отдавались через нашу голову.

С первого же дня прихода на площадку строители повели себя как в завоеванной стране.

Они хотели совершенно отеснить от работ металлургов, которые хорошо представляли себе объем, масштаб и образ будущего завода.

Строители настаивали на том, что земляные работы обходятся дешевле, когда их проводят лопатами. Основываясь на старой русской практике, они доказывали, что механизация в Кузнецке бесполезна.

— Что экскаватор может дать столько-то — это возможно. Но 200 русских лошадок, да овес, да грабарям платить побольше — это выйдет и дешевле и лучше.

Они считали слишком разбросанным фронт работ, который мы вели на первых порах. Но ведь полгода спустя он уже увеличился в десятки раз. В ноябре 1929 года на площадке было четыре-пять тысяч человек, в феврале 1930 года — десять тысяч, в марте — уже пятнадцать тысяч. Стояло ли спорить о том, сколько первоначально было построено барачков? Конечно, нет. В этом проявлялась только узость и ограниченность строителей старой формации.

Русские строители тогда имели ничтожную практику, если расценивать ее в теперешних масштабах. Что спросил старая Россия? Человек, который спросил паршивенькое дело или плохенький мостик, почитал себя уже знаменитым строителем.

В Кузнецке надо было строить не домики, а завод, создавать новый металлургический гигант, такой, какого в России еще не бывало.

Наша строители были хорошими исполнителями, умели вскопать землю и лить бетон. Это было их плюсом. Но они совершенно не представляли себе объем и панораму того большого комплекса сложных и мощных сооружений, которые они увидели только через два-три года.

Группа металлургов отличалась от строителей тем, что знала американскую технику, представляла себе совершенно ясно будущий завод.

В течение чуть ли не двадцати лет этих людей обрабатывал провозвестник американской техники в российской металлургии — Бурако. Еще до революции мы критически относились к русской технической отсталости. И мы не собирались сдавать позиции старым шевелественным строителям. Мы знали, чего хотим, чего требуем от нас время, куда ведет технический прогресс нашей страны.

Мы видели и ощущали контуры будущего завода.

Пока мы спорили, работа на площадке подвигалась медленно.

Это было неутешительно. Мы могли потерять еще год.

Было ясно, что отсталая практика строителей слишком противоречит размаху строительства. Нужен был только внешний толчок, чтобы структура Стальстроя рухнула.

Ждать, впрочем, не пришлось. Страна слишком торопила строительство сибирского гиганта, а Стальстрой слишком путался у него в ногах.

Через два месяца решительным приказом В. В. Куйбышева неслепая структура Стальстроя была уничтожена, но выдержав бурного разворота строительства. На площадку приехали новые люди — коммунисты, комсомольцы. Это были люди напористые, смелые, молодые. Решительно взялись они за ликвидацию государства в государстве. Строители были подчинены Кузнецкстрою и стали ценными работниками, вписавшими много доблестных страниц в ту славную эпопею борьбы, которая в течение 30 месяцев совершалась в предгорьях Кузнецкого Алатау.

ГЛАВА IX

Котлован первой домны начали копать в апреле 1930 года. Землю рвали динамитом. Она взлетала черными фонтанами и медленно, точно нехоти, опускалась. Взрывы сотрясали воздух. Лопались стекла в окнах только что отстроенных зданий заводоуправления и базисного склада.

Земля упорно сопротивлялась. Будто раненое животное, она жалобно стонала от взрывов динамита.

Землекопы, камешники, сезонники — вчерашние крестьяне, пахнувшие рожью и полем, работали яростно, точно вместе с землей взрывали свою старую унылую жизнь.

С большим внутренним волнением и радостью смотрел я на это грандиозное зрелище разрушения и в то же время созидания. Мы делали котлованы глубиной в пять-шесть метров. Работу гнали в три смены. Работали и ночью при электрическом свете нашей первой трехкиловаттной станции.

Одновременно с котлованами домны были заложены десять каменных жилых домов. Вести земляные работы было чрезвычайно трудно. Механизмов, кроме лопат, никаких не было. Мы расплачивались за трусость и медлительность Стальстроя. Но его еще мы заноздали с экскаваторами на весь летний период.

Механизмы приходилось заменять людьми. В поисках рабочих по всей стране ездили наши эмиссары-вербовщики — народ случайный, непроверенный. Вербовкой рабочих занимались и наши контрагенты. Пугалища была невероятная. Вербовали кого пошло.

На первых порах нам нужны были для работы землекопы, но вербовщики гнали на площадку камешников. А их и без того было больше, чем нужно. Камешников приходилось ставить на земляные работы, от которых они отказывались или заламывали по 10-12 рублей за кубометр, раза в три дороже, чем можно было платить. Мы тогда еще не знали твердых расценок работы. Этим и воспользовались камешники, подстрекаемые врагами. Их попытки побольше сорвать со строительства встретили сочувствие у землекопов. Возникли недоразумения, споры, конфликты.

На площадке было много всяких людей. В большинстве это были люди, крепко связанные с землей, пропитанные ее соками, шедраготные крестьяне. Но было на площадке и немало кулаков, преступников, троцкистов, бывших колчаковцев, скрывающихся от возмездия советского правосудия.

В них кипела звериная злоба против начавшейся по всей стране ломки старого жизненного уклада, они, как звери, выгнавшие из берлоги, осирались на нее с тоской. Они принесли на площадку все свое злобное отчаяние и ненависть.

Особая роль принадлежала здесь «юхновцам». Прозвали их так потому, что все они были завербованы в одном и том же Юхновском районе, где-то в Западной области. Их было человек триста. Держались юхновцы вместе, чувствовалось, что они крепко спаяны. Среди них было много кулаков, упрямых и враждебных стройке и всем мероприятиям советской власти. Это были хитрые враги, которые, осторожко агитируя в бараках и землянках, подбивали землекопов бросать работу. Порой им это удавалось, потому что на площадке было слишком мало партийных и общественных сил, умевших организовать массы.

В конце концов «юхновцы» заволновали серьезно. Они не вышли однажды на работу, и рытье нескольких котлованов приостановилось.

Почувяв, что мы спешим и торопим работы, вожаки решили сыграть на этом, чтобы сорвать с нас, сколько им захочется. Уступить «юхновцам» — значило развратить землекопов, создать слишком опасный прецедент.

На это мы пойти не могли.

Одно важное событие всколыхнуло и спаяло людей. На площадке возникла угроза наводнения. Весеннее солнце растопило снег. Вскрылась речушка Аба. Вслед за ней вскрылась и Томь. Эта река течет на север и долго поэтому бывает забита льдом. Вначале казалось, что лед благополучно пройдет, и наводнения не будет. Но на беду начались ливни. Поток мутной воды пошел к реке. Томь вздулась, набухла, лед остановился.

Невероятной силы дожди лили несколько дней подряд. Река стала грозной. Вода вышла из берегов и с шумом понеслась к землянкам и баракам, затопляя всю нижнюю колонию. Поднимаясь все выше, вода стала подбираться к первому нашему сооружению — зданию заводоуправления и котловану домны.

Землекопы и каменщики вначале растерялись. Но не растерялись коммунисты и кадровые рабочие, находившиеся на площадке. Они омутили на самых опасных участках в момент надвигающейся катастрофы и, непрестанно проявляя мужество и героизм, подымали и организовывали людей на борьбу с бедствием. Особостенно и страстно люди ринулись на борьбу с водной стихией. Среди них были каменщики и землекопы, ко-

торые еще вчера, оцетившись, не хотели работать, помогаясь побольше сорвать со строительства.

А сегодня те же люди, рискуя своей жизнью, бросались отстаивать строительство. Это был первый стихийный порыв энтузиазма и героической самоотверженности.

Те незабываемые дни, те смутные, тревожные ночи, фантастически освещенные луной, и необыкновенное зрелище людей, работавших до изнеможения, вновь проплывают в моей памяти, и как тогда возникает вопрос: что руководило этими людьми, какая внутренняя сила толкала их бескорыстно спасать котлованы, отстаивать строительство, как что-то свое, близкое, самое дорогое на свете? Все это не похоже было на то роковое слепое чувство масс, о котором Толстой говорит в «Войне и мире».

Как-то в московском трамвае я с интересом наблюдал нечто недовольного человека в рабочей одежде, шепотом рассуждавшего вслух, поругивавшего завком за какие-то непорядки. Он не искал сочувствия ни у кого и ни к кому в вагоне не обращался. Он говорил с самим собой. Совсем близко от него стоял худой человек, болезненный, с небритым лицом, запавшими висками и холодными, презрительными глазами. Прислушиваясь к тому, что говорил рабочий, этот человек растягивал в иронической злобной усмешке бледные тонкие губы. Наконец, он не выдержал и бросил какую-то двусмысленную реплику. Рабочий пошел на него глаза и проговорил:

— А ты что замешивашся? Мне больно, когда я ругаю, а ты не смеешь задевать мою власть.

В своей грубоватой прямоте он показался мне благородным и сильным, этот рабочий. Я подумал: «какая могучая сила неразрывной, кровной связи со своим государством живет в каждом пролетарии».

Глядя на землекопов, отстаивающих от наводнения здание заводоуправления и котлован домны, я вспомнил того рабочего в трамвае и думал: «как бесспорно сильна связь этих людей со всем тем, что творится здесь на площадке».

«Юхновцев» захватила общая напряженность и отчаянная борьба. Они пришли дружно, молчаливые, готовые к позицове-

нию и самой опасной работе. В тяжелой схватке с водой перед ними обнажилась внезапно вся сила их преступлений. Они взяли за лопаты, ше вышучая их из рук по двадцать четыре часа. Они работали, как бы стыдясь и заглаживая свою вину перед товарищами, перед страной.

Так на площадке, где рождалась новая техника, с первым кубом ископанной земли начинался также процесс перерождения огромных масс людей — крестьян, рабочих, инженеров, интеллигентов. Здесь обновлялся их внутренний мир, представлялся, привычки, убеждения. Здесь менялась их жизнь.

Часть крестьян принесла с собой на площадку жажду наживы, инстинкты собственности. Они делали мечту накопить побольше денег и возвратиться к себе в деревню. Многие из них, однако, в деревни не возвратились. Они остались на заводе навсегда.

...Вода убывала, унося на своей поверхности щебень, мусор и грязь.

И вместе с отступающей водой, вместе с навязью и грязью, с площадки бежали юзачки, враги, подстрекатели «люксовцев».

ГЛАВА X

Закладку фундаментов доменных печей решено было произвести первого мая. Дата — не случайная. Мы хотели первый день закладки домы приурочить к славному протетарскому празднику, неразрывно связанному с духом солидарности и трудового энтузиазма. Именно первого мая, когда весеннее солнце в хрустально-голубом небе светит по-особому тепло, когда люди настроены по-весеннему празднично, мы и решили заложить первый кирпич того здания, которое воздвигалось в результате коллективной и упорной борьбы за металлургический гигант в таежной, глухой Сибири.

Для меня, инженера, этот праздник имел особое значение. Закладкой доменных печей мы хотели показать всей стране, что здесь, в Сибири, народилось уже нечто серьезное, большое, что будет во что бы то ни стало доведено нами до конца.

Наступил, наконец, и день Первого мая. Площадка оживи-

лась. Настроение у всех было торжественно-приподнятое. Над глубоким зияющим котлованом, возле бетоньерки возбужденно суетился производитель работ Фролов — горячий, молодой спринтер. Он махал руками, что-то показывая, расставлял людей. Возле наскоро сколоченной трибуны, увитой красными полотнищами и украшенной портретами Ленина и Сталина, прохаживался Сулаков, недавно приехавший на площадку секретарь партийного комитета.

Люди — точно именниники. У многих в петличках красные ленточки. Все возбуждены и понимают, что сегодняшний праздник знаменует новую эру — великий процесс превращения глухой тайги в оживленный край мощной индустрии.

На наше торжество пришли рабочие соседних кирпичных заводов. Начался митинг. Первым выступил Сулаков. Он приветствовал начало капитальных работ. Последующие речи были напыщены и носили слишком общий характер. Но слушали их землекопы и бетонщики внимательнее, шарахая каждого оратора одобрительными хлопками.

Наконец, и речи окончились. Всем не терпится увидеть начало. Бетоньерка давно уже налажена, люди напряженно ждут сигнала, обратив все внимание на бетоньерку и застыв точно перед фотоаппаратом. Сулаков шмахнул рукой. Бетоньерка вздрогнула, заработала, захлопала, точно мортара, беспрерывно бетолируя котлован. Крики одобрения огласили площадку.

Закладка фундамента совершилась.

Для отвозки земли были поставлены тракторы. Это было эффективным зрелищем для местной публики, впервые увидевшей механизацию. Зрители удивлялись, что землю уже отвозят не лошади, а направляют проложенным путем. Работу транспортеров спешивали наблюдать с любопытством и интересом.

В конце мая мы начали копать и котлован под мартены. Место для мартена было более или менее спланировано, но от обильных дождей представляло собой сплошные лужи. Пришлось поэтому сначала освободить площадку от воды и затем уже начать земляные работы.

Боясь потерять хоть одну минуту, мы работали день и ночь,

как кроты. На площадке копошились землекопы. Рытье котлована под мартен и возведение фундамента домен шло полным ходом.

Завершился первый, подготовительный, этап строительства.

ГЛАВА XI

В поле на площадку прибыл новый начальник строительства. О нем говорили, что этот человек не терпит никаких авторитетов, что он самонадеян, заносчив и не переносит чужих доводов, даже самых разумных. К тому же, по своей прежней работе новый начальник строительства был тесно связан с рабочими Стальстроя. Я предполагал, что это может отразиться на его отношениях к кузнецостроителям. Ведь именно с рабочими Стальстроя мы, строители-металлурги, вели все время упорную борьбу. Мои опасения оправдались очень скоро. Свои первые шаги на площадке новый начальник строительства начал с того, что стал разгонять работавших со мной людей. Первой жертвой этого наступления был металлург С., человек, правда, неуравновешенный, вспыльчивый, но отличный работник, весьма опытный в своем деле. Меня это задело.

— Инженер С. может подать повод к недоразумениям между нами. Лучше поэтому от него освободиться, — сказал мне новый начальник строительства.

— Да, но уволив человека, с которым я давно работаю, которого знаю и которому доверяю, вы как раз и создаете повод для недоразумений, — возразил я.

Я изложил новому начальнику намеченный план разворота строительства. Я рассказал ему, какую тяжелую борьбу пришлось провести на площадке прежде чем заложить фундаменты.

— Если бы мы ждали и медлили с закладкой фундаментов, пропал бы еще один строительный сезон, — пояснил я.

Начальник строительства отнесся неодобрительно к тому, что мы полным ходом разворачивали работы на площадке.

— Я не понимаю, зачем такая суетня, ведь это же не баранки печь, а завод строить, нельзя торопиться в таком деле.

Это заставило меня насторожиться. Я понял, что новый начальник не даст мне работать так, как это диктовалось интересами стройки. Но на кого опереться? Я подумал о партийной организации площадки, о секретаре партийного комитета Сулакове, против которого новый начальник строительства вооружился буквально на второй день своего приезда.

Но я не пошел в партию. Тогда я еще недостаточно хорошо понимал, что в партийном комитете надо искать поддержку даже беспартийному специалисту, когда речь идет об интересах строительства, интересах социализма.

Особенно насторожился я, когда новый начальник стал намекать на мой возможный отъезд в Москву, якобы по делам строительства, а на самом деле затем, чтобы спровадить меня с площадки. Но я не собирался оставить площадку даже на один день. Я не мог этого сделать. Земляные работы шли полным ходом. Мы копали площадку везде и всюду. Фундаменты росли, как на дрожжах, и, кроме шамато-длинасового цеха, который был неправильно запроектирован, у нас все шло достаточно хорошо.

В этот момент совершенно неожиданно для меня на помощь пришел партийный организатор строительства Сулаков.

— Дашагите строительство в нужном направлении, — сказал он мне, — рассчитывайте на помощь парткома во всем, что касается интересов дела. В Крайкоме и в ЦК партии нам всегда помогут, там разберутся — кто прав, а кто виноват.

Я приободрился.

Сулаков мобилизовал помощь партийных организаций края строительству и, опираясь на их авторитет и на директиву т. Куйбышева, мы твердым и решительным приказом ликвидировали Стальстрой. Все строительство было подчинено Кузнецострою.

Это вызвало правильное разграничение функций: металлурги объединяли техническое руководство строительством, а строительные работы производили строители.

С этого времени положение на площадке резко изменилось.

Каждый день на строительстве появлялись новые люди, прибывали свежие силы: инженеры, техники, хозяйственники, строители, партийные работники.

Всем хотелось работать, действовать, все требовали живого, активного дела.

Мы успели заложить фундаменты всех основных цехов, кроме прокатного. Но масштабы работы, которые очень широко развернулись на площадке, явились полной неожиданностью даже для центральных управлений. Новостью тревожно запрашивала: «откуда, почему фундаменты, кто разрешил строить?» Наши представители в Америке протелеграфировали, что договор на техническую помощь с американцами заключен и требовали до их приезда никаких капитальных работ не начинать.

Но отступать было уже поздно. Над землей уже возвышались две каменные груды домашних печей, уже возникли стены шамото-динасового цеха, мы готовились замладывать мартен, а тут вдруг «остановите работы, не начинайте капитальное строительство». Потеряв с нами связь, наша вузницестроительная комиссия в Америке не могла себе представить, что мы так далеко ушли вперед.

— Как же быть? — тревожно спрашивал я Сулакова. Сулаков обратился в Крайком партии за советом.

— Продолжайте работать! — ответили из Крайкома твердо.

ГЛАВА XII

В процессе строительства трудности поджидали нас на каждом шагу. Мы были малоопытны и часто землю перекапывали с места на место раз пять. Гравий на ЦЭС (центральная электростанция) мы таскали чуть ли не мешками, обносили его вокруг здания, поднимали на верхние этажи. Мы просто не знали, как поступить иначе. У нас было мало электроэнергии и важнейшей задачей была тогда постройка второй, вспомогательной станции. Но точного расчета необходимой электроэнергии мы себе не представляли.

Спешили мы с шамото-динасовым цехом, чтобы иметь скорее свой огнеупорный кирпич.

К зиме 1930 года мы сделали большие запасы гравия, закончили и оборудовали механический цех, построили кислородную станцию, котельный цех кузницы. Наряду с возведением основ-

ных цехов, мы в самом начале создали себе прочную базу собственного хозяйства.

Нашим слабым местом было — жилье. Зато у нас было достаточно продовольствия и довольно спецодежды и обуви. В этом отношении наше строительство выгодно отличалось от Магистки.

Материалы и оборудование нам посылали из центра беспрепятливо. Квалифицированных людей у нас было мало и зачастую работники не знали, что это за оборудование, для чего и куда оно идет. Поэтому мне приходилось регулярно ездить на станцию Кузнецк и давать указания, куда разгружать и как хранить оборудование.

Таким образом, в зиму 1930 года мы вступили более вооруженными. Мы получили много экскаваторов, рам, всякого рода механизмов. У нас было много железа и стройматериалов. Ручная работа лопатой быстро отступила на задний план.

Домашний цех в основных контурах выглядел довольно хорошо. Сильно отставала булкерная часть и рудный двор. Мы не предполагали, что объем работ на емкостных ямах будет большой. Ковыряли мы их всю зиму.

По мартену дело шло благополучней. Там поставили железные конструкции, и все шло как следует. Хуже было на строительстве прокатки. Ее начали строить еще осенью, но работы велись медленно и развернули их как следует только к середине 1931 года.

По внешнему виду площадка буквально на глазах преобразилась. В течение нескольких дней вырастали фермы, возникали стены, появлялись здания.

Работать на крепком сибирском морозе было довольно тяжело, но рабочие были одеты неплохо — в теплые шубы, валенки и меховые шапки.

Зимой 1930 года темпы работы начали отставать, мы не укладывались в необходимые сроки. Мы ввели ночные дежурства в цехах. Главной обязанностью дежурных было нажимать на людей, чтобы работы шли полным ходом. Объектов шашкима было очень много. Надо было присутствовать при опускании эстакадной галлерей на Томп, смотреть, как работают американцы, проверять, как бригады склещивают катушки, как их сажают на

фундамент; надо было следить за тем, как подливают бетон, как в мартене ставят колошны и как идет кладка огнеупорных печей.

Работать приходилось и днем и ночью, постоянно же досыпать, быть на-чеку, в напряжении двадцать четыре часа в сутки. Но разве мы думали об усталости? Мы забывали о ней, мы ее не чувствовали. Нам поглощало строительство, мы были захвачены пафосом созидания.

ГЛАВА XIII

В сентябре, когда на площадку прибыли американцы, мы уже начали монтаж кожухов печи. Мы успели заложить основные цеха: доменный, мартен, огнеупорный, силовую станцию и налили уже в фундаменты порядочное количество бетона. Это был определенный успех и мы гордились им.

Но американцы не ожидали, что в развороте строительства мы отважимся так далеко зайти. Первым их желанием было перестроить весь план, иначе говоря, перечеркнуть все то, что мы уже сделали. Приходилось только удивляться этой тенденции американцев. Они ведь были работниками той же фирмы Фрейн, которая составляла план Кузнецкого завода, а мы вели работы в полном соответствии с этим планом.

Возражать против наших работ было неразумно и я полагаю, что американцы проявили такую тенденцию потому, что в большинстве были не производственниками, а проектировщиками, которые любят охаять проект, сделанный другими лицами. Диктуется это стремление простым желанием заработать на переделках плана лишние деньги.

Приходилось поэтому на первых порах выдерживать борьбу с руководителем американских инженеров Эвергардом, приходилось отстаивать стоятидесятитонные мартены и тысячетонные дошны, которые мы успели заложить.

Но американцам казалась необычной эта затея большевиков.

— Америка в Сибири! Это просто чудо, — восклицал удивленно мистер Эвергард. — Мы считаем совершенно невозможным строить у вас стоятидесятитонные мартеновские печи,

такие мощные дошны и прокатку, какие вы задумали. Вы поймите, ведь в Америке мы только начинаем строить такие заводы. Что же вы сделаете без опыта, без механизмов, с нашими необученными людьми? Смешно!

Американцы были бы менее удивлены, если бы мы стали строить завод подобного Пульверли или старых южных заводов. Они ведь привыкли считать Россию страной нищей и технической беспомощной. Они не понимали, что страна большевиков — это уже не старая, отсталая Россия, а новая страна, идущая семимильными шагами к прогрессу, к вершинам самой передовой мировой техники.

Помню, летом 1931 года мы поехали с Эвергардом к долине Ушулена между Темир-Тау и Мундыбашем. Мы ехали тайгой; дорога была ужасна: ручьи, камни, горы, непролазная топь, заросли. Эвергард любовался дикой красотой природы.

— Здесь мы проложим 20 километров железной дороги, — сказал я Эвергарду.

Американец не поверил. Он смотрел на сибиряков с их колымашками и лошадашками и пожимал плечами.

— Когда же вы думаете построить эту дорогу?

— К седьмому ноября, к годовщине Октябрьской революции. Это будет наш подарок великому празднику.

— Это невозможно! Вы фантазируете так же, как с масштабами завода.

— Но завод — это уже реальность, мистер Эвергард. Мы постараемся вам доказать постройкой и этой дороги, что мы — реальные фантазеры.

В конце концов, когда на площадку приехал Фрейн и увидел, что работы идут полным ходом, он уже трезво рассудил, что менять планы действительно бессмысленно. Он дал понять Эвергарду, чтобы тот бросил разговоры о великих переделках.

Я видел Фрейна по площадке. Он видел наших рабочих, беседовал с инженерами, казалось, был восхищен. Но мистер Фрейн был американцем. Он, конечно, думал, что мы — забавные чудачи.

Что же представляли собой американцы?

Строители-американцы приехали на площадку в августе.

Приступив к работе, американцы-строители стали называть нам свои указания. Все-что из этих указаний было правильное, например, переход на литой бетон. Он сразу поставил дело по-американски, причем наши строители считали, что это не нужно, что это дорого обойдется. Русские инженеры привыкли возить цемент тачками и считали, что они этим экономят. Наши строители не учитывали, что экономя на цементе, мы переплачиваем колоссальные деньги на лишней рабочей силе и замедляем темп строительства.

Что касается проектировщиков, то среди них были люди разной ценности.

Мы, конечно, понимали, что Фрейш не хватал звезд с неба. За неклочкотным двух-трех специалистов, к нам приехала угоростепенная публика. В 1930 г. Америка еще не ощущала безработицы так остро, как два-три года спустя. Поэтому Фрейш подбирал для нас не блестящих инженеров и техников, а случайно подвернувшихся людей, которые соблазнились повышенным гонораром.

Вот, например, забываемый старик Дерфя — начальник мартеновского цеха. Как смешна была его прямо-таки маманкальская забота о лечении своих и женских зубов. Будто мы его специально для этого и выписали! Старый бездельник! Четыре месяца он добросовестно выколачивал из нас деньги, пока мы не выпроводили его.

Среди американцев выделялся, прежде всего, их руководитель Эвергард — инженер-проектировщик.

В Америке существуют такие специалисты, которые только проектируют. Они называются дизайнерами. При американских больших размахах и масштабах они необходимы. Эвергард близко к производству не сталкивался, но имел большую практику в проектировании заводов. Это был тип инженера и дельца в одно и то же время.

Особенно глубоких знаний у Эвергарда в какой-нибудь специальной отрасли не было, но он умел организовать людей и заставить их работать. Это тоже большое искусство. Эвергард не был методно дурным и, когда надо, уступал, правда, если его самолюбие от этого не страдало. Он хорошо знал металлур-

гическую Америку, бывал в Европе и оказался для нас человеком чрезвычайно полезным.

Но помощник его — Кенит был оправданным человеком. Его роль сводилась к руководству техникой проектирования, но Кенит не был крупным специалистом. Прилично он знал только прокатку. Почему Эвергард взял его себе в помощники, я понять не мог. Дергал себя Кенит с русскими инженерами вызывающе, и я часто сдерживал себя, чтобы хорошенько не осадить его.

Совсем другим человеком был Голловей, скромный, опытный конструктор-чертежник, очень порядочный человек и один из тех, кто обладал знаниями и отскапывал свои собственные технические идеи. Он искренне помогал нам разобраться в деталях американских конструкций и в особенности по домнам. Умный, вдумчивый, приветливый старик, он сохранил самое теплое воспоминание о советской стране. И сейчас он мне пишет дружеские письма из Америки.

«С благодарностью вспоминаю дни, когда вместе с вами трудился для вашей великой страны», — пишет он в одном из писем.

Полной противоположностью Голловейю был Райс, инженер-доменщик, довольно слабый и узкий проектировщик. Глядя на наших строителей, на то, как неуверенно они шагучивали пути, мистер Райс снисходительно улыбался. Он не верил ни в наши силы, ни в наши возможности, ни в способности людей, ни в наше умение.

Фактически проект доменного цеха был сделан Гипромезом до Райса, который только скорректировал его и бесконечно критиковал.

— Плохо, можно сделать лучше, — неизменно повторял Райс.

— А как сделать лучше, мистер Райс?

Но Райс только молча улыбался. Когда строительство подходило к концу и нужно было переходить к производству, мистер Райс сбегал. Он нарочно ставил невыполнимые условия, чтобы освободиться от тяжелой работы цускового периода. Он боялся, что с этим не справится и заменил себя Фергусоном —

завершенной птицей, которую выпускать из Америки не стоило.

— О, Фергюсон, это замечательный практик, — расхваливал его Райс.

Выписали Фергюсона. Он приехал не один, вместе с братом. Я сказал Фергюсону, что нам нужны будут мастера.

— Великолепно, у меня есть еще и другой брат.

— В Америке, кажется, не принято возить с собой братьев на работу, — пошутил я. — Выпишем лучше кого-нибудь другого.

— Никого другого я не выпущу, — обиделся Фергюсон, — мои братья всегда со мной работают.

Мне хотелось, чтобы у нас работали не только строители-американцы, но также и механики и электрики, и потому я упорно отстаивал кандидатуру механика Спеласи. Два месяца этот американец усердно критиковал советский строй, с удовольствием покурился советские сигары «Тройка», любил советский виноград и ослеты с ветчиной.

Мы быстро расстались с ним, извинившись, что не уважаем бездельников.

Спеласи обиделся на такую непочтительность большевиков и напечатал в Америке несколько пошлых статей о том, что плохо живет в советской стране и что не умеют работать большевики.

Таким образом, за исключением двух-трех специалистов, мы получили много неважных работников американцев.

Что дали нам американцы в строительном искусстве?

Меньше, чем можно было ожидать, но кое-что дали.

Я уже упоминал о том, что переход с пластичного на литой бетон они сразу поставили по-американски. Они доказали нашим строителям, что литой бетон значительно лучше. Воспользовавшись этими указаниями, третью и четвертую домны мы уже бетонировали по американскому способу.

У американцев был определенный порядок:

— Чертеж, — говорили они, — это документ, от которого ни в коем случае нельзя отступать.

Выполняя задание, даже самый заурядный инженерик пони-

мал, что чертеж представляет собой совершенно законченное целое и должен быть выполнен до конца.

Подetailцы, которые строили американцы, являлись собой законченное сооружение под монтаж. Все было выполнено точно по определенному чертежу.

Нам же казалось, что каждый мастер, каждый инженер, каждый рабочий участка не может заранее наметить себе точную линию работы. В этом отношении наши строители работали не так, как работают на фабрике, где каждый процесс точно рассчитан, а как кустари-одиночки, портные, которые шьют по собственному вдохновению.

Нашим строителям и монтажникам ничего не стоило пробить любое количество отверстий в полу или в стенах, лишь бы только зацепиться. Мы сверлили и долбили сотни тысяч лишних отверстий, презрительно прозванных американцами «монтажными дырками».

В начале монтажа малые шпильки монтажники не ставили сразу болтов, они опасались: «а вдруг не пригодится».

Американцы говорили:

— Как не пригодится? Обязательно должно пригодиться.

— А вдруг будет ошибка?

— Ошибки не может быть.

— Но человеку ведь свойственно ошибаться?

— Человеку — да, чертежу — ни в коем случае. Надо заранее рассчитывать так, чтобы ошибок не было.

С другой стороны, и американцы часто оказывались консерваторами в работе. Американцы предпочитают в работе только те методы, которые достаточно проверены. Они чрезвычайно не любили такого новшества, как сварка. Когда Кенниг сказал Бэру, что мы будем сваривать газосваркой, тот засмеялся:

— Если бы я стал пробовать сварку, то только на своей собаке.

Однако, американцы научили нас работе с подъемными механизмами и своим методам проектирования. С их помощью мы увеличили производительность завода до одного миллиона двухсот тысяч тонн чугуна в год, вместо намеченных первоначально четырехсот тысяч тонн.

Первоначально наши строители были настроены далеко не в пользу американцев. Видя их беспомощность, незнание языка, непонимание сибирских условий, некоторые наши инженеры и техники-строители думали, что у американцев учиться нечему. «Мы-де сработаем лучше американцев, они нам ниномем». Я сдерживал эту публику:

— Прежде чем говорить, надо доказать, что вы работаете лучше американцев и знаете больше их.

Во главе этих строительно-шовинистических настроений стоял инженер Д. Он полагал, что в строительных делах знает лучше и больше, чем любой американец. Д. похвалялся, что работает и без чертежей и без материалов, «а вот получается».

Американцы сначала растерялись. Они приходили с жалобами ко мне, говорили, что их никто не слушает и не желает понимать. Тогда я предложил собрать всех американцев и выслушать, чего они хотят.

Американцы все в один голос заявили, что им трудно работать, их не понимают, американец говорит одно, а русский делает совсем другое, приказ на русского не действует и поэтому не видны результаты работы. Я отвечал американцам:

— Мы вас пригласили в нашу страну для того, чтобы вы помогли нам построить завод, а вы жалуетесь, что вас не слушают. нас тоже не всегда слушают. Вы вспомните промышленную историю вашей страны. Был у вас знаменитый металлург Джон Фритц, книжка которого известна каждому американцу. Эту книжку вы, вероятно, читали все. Джон Фритц рассказывал, как он налаживал доменные печи, пускал новые маргены, но люди, не привыкшие к этой новой технике, не хотели работать. Мастера и рабочие говорили, что эта техника не годится. Джону Фритцу стоило немало трудов доказать своим же соотечественникам, что работать надо именно так, как указывает он. Джон Фритц — поучительный пример. Докажите нашим людям на практике, что вы правы, и никто не посмеет вам возражать, а тем более ослушаться ваших приказаний.

Все недоразумения исчезли, когда на площадку приехал инженер-коммунист, назначенный вместо Д. главным строите-

лем завода. Он сразу понял, что американские методы работы с механизмами или литой бетон ускоряют в несколько раз работы на строительстве. Он потребовал от своих работников применения методов работы американцев и беспрекословного выполнения их указаний.

Разбивка прокатки сразу пошла хорошо, по-американски. Здесь был замечательный работник американец Стюарт, который с чисто спортивным азартом и воодушевлением проводил работы.

Относившиеся раньше скептически к литому бетону, внедрению Баром и Гланном, наши строители теперь даже начали подсаживать экономя от сокращения рабочей силы при замесе пластического бетона литым.

Наиболее горячо проводила американские методы работы наша строительная молодежь. Помощник главного строителя Фролов был энергичным молодым инженером. Он любил точную работу. Это был вдохновенный работник. В любое время дня и ночи его можно было встретить на площадке бойрым, жизнерадостным, никогда не унывающим и полным страстной веры в будущее. Как жаль, что он погиб при катастрофе на завале силосных ям в коксовом цехе, так и не увидев тотюбого завода!

У нас были и люди, шибившие риск, и трусливые людишки. С первых же дней, когда обозначились трудности, многие начали бить отбой: и климат не подходящий для здоровья и не по специальности работа. Таких мы не задерживали на площадке; удираете, и черт с вами, нам не жалко!

Среди людей преданных, целевых выделялись плановики. Они оказывали большое влияние на всю нашу работу, организуя дружный, сложный процесс всех звеньев строительства. Плановики заранее определяли количество работы, намечали участки строительства, распределяли весь строительный персонал, приучал его к порядку и бережливому отношению к материалам.

Особое место на строительстве занимал цех железных конструкций — железомонтаж, преобразованный в самостоятельный цех на площадке.

Отдельные работники не понимали значения того или иного цеха в общем ходе строительства. В частности, когда железомонтаж поинтересовался на площадке и потребовал себе площадки для мастеровских, его встретили в штыки: «эти еще откуда приехали и что им вообще нужно?»

Однако цех железомонтажа представлял важнейшее звено в строительстве. Шутка сказать! Сто тысяч тонн железных конструкций должен был изготовить железомонтаж для строительства. Пятьдесят тысяч тонн из этого количества цех должен был изготовить непосредственно на площадке. Ведь это — колоссальная работа, огромный завод, которому нужны рабочие, сложное оборудование и инструменты.

Потребовалось много усилий, чтобы доказать строителям, как важно значение этого цеха.

Мартеновский цех, листовый стан, стан «500» полностью до последнего куска выполнены железомонтажом. Из железных конструкций до последней заклепки мы в течение двух лет ничего не получали со стороны. И не будь этой спорой специализации, не дай железомонтажу жить самостоятельно, — у нас получилось бы то же, что на Магнитке. Мы растеряли бы людей по бесчисленным цехам, а в каждом цехе у нас были бы свои «худесники», конкурирующие друг с другом, и в итоге пострадали бы сроки строительства.

ГЛАВА XIV

Правительство установило днем пуска первой сибирской домны — седьмое ноября 1931 года. Эта дата была установлена правительством после наших заверений, что именно в годовщину великой Октябрьской революции мы дадим стране первый сибирский чугун.

Скажу откровенно, когда эти сроки были еще далеки, — они мне казались вполне выполнимыми. Но по мере их приближения становилось ясно, что к седьмому ноября 1931 года мы домну не пущим.

Это был конфуз, большой скандал. На телеграфные запросы из Москвы «можно ли уложиться в сроки», я отвечал, что

если не в ноябре, то уж в декабре домну мы обязательно пущим. А в это время мы только поднимали наклонный мост на домну.

Как главного инженера строительства, меня беспрестанно терзали, спрашивали, на меня наседали бесчисленные представители газет, журналов, работники партийных и комсомольских организаций, хозяйственные учреждения. Всех интересовало, что еще осталось доделать до пуска домны. Я отвечал, что надо еще закончить заезды на бушера, необходимо проложить пути, чтобы можно было подезкать к первой печи, пукно получить кокс.

Оставался месяц до седьмого ноября, а доменный цех был завален землей, конструкциями, небраным кирпичом. Важнейшие объекты завода не были еще готовы. Не было даже разливочной машины и пустить в этом положении домну было бы преступлением. Партийный комитет строительства беспокойно искал выхода:

Можно ли пустить домну без разливочной машины?

— Нет, ни в коем случае! — отвечал я.

— А нельзя ли разливать чугун на литейном дворе? Некоторые мастера утверждают, что можно.

— Нет, это совершенно невозможно. Ведь печь огромная, мы просто не успеем убрать чулун и напрасно немучаем людей.

— Тогда можно ли пускать домну без газоочистки?

— Нельзя пускать, потому что, если пускать грязный газ, то запылятся каулера и мы их погубим.

— Тогда может быть пустить печь на одной турбовоздуходувке?

— В этом случае, если произойдет авария турбовоздуходувки, печь надолго выйдет из строя.

К седьмому ноября был только поднят наклонный мост на домну, но и его еще надо было монтировать. Газоочистка не была закончена, рельсовые пути лежали еще в канавках, а не на ровной плоскости, попрежнему не было еще разливочной машины.

Горьковское октябрьское собрание коллектива строителей проходило в деревянном здании поразительно быстро вы-

строения театра. Строители находились в приподнято-праздничном настроении, но всех угнетало сознание, что главная задача не выполнена. То и дело из разных концов зала слышались обращенный к президиуму тревожный вопрос:

— Как же с домной, когда же мы дадим обещанный стране сибирский чугун?

Приходилось отвечать на эти недоумевные вопросы:

— Будем считать в основном сибирский завод открытым, а домну пустим в начале декабря.

Проходит декабрь и январь 1932 года, а для пуска домны еще не все готово. Партийная организация площадки требует объяснений у главного инженера строительства. Меня вызвали в партком, мне говорят:

— Мы были уверены, что пустим домну в ноябре, потом мы всех заверяли, что это произойдет в декабре. Но вот уже прошел февраль, а и теперь еще неизвестно — когда мы, наконец, выполним обязательства, данные кузнецкостроителями советскому народу? Вы знали ведь, что во-время кузнецкая домна не будет задута?

— Да, я знал, я понял это еще несколько месяцев тому назад.

— Так почему же вы этого не сказали раньше и продолжали уверять нас, что домну к ноябрю мы обязательно пустим? Надо было сказать об этом, прийти, шапопец, в партийную организацию строительства и поделиться своими сомнениями. Ведь мы могли бы принять мобилизационные меры, и с нашими людьми, с нашими замечательными строителями наверное давно уже пустили бы домну.

— Это безусловно верно, — согласился я. — К сожалению, об этом я не подумал.

— Ну, а теперь, в марте месяце, можно пускать печь?

— Теперь можно, печь вполне готова.

В маленькой конторке доменного цеха тридцатого марта 1932 года собрались инженеры, рабочие, строители, партийные работники, американцы.

Можно пускать домну или нет? Американцы единодушно заявили, что домну пускать никак нельзя, еще не время.

— Почему нельзя? — заинтересовались представители парткома.

— Нужно раньше опробовать воздухоудвку, испытать воздухопрод, кроме того, нет персонала для обслуживания печи, — пояснили американцы.

Обратились ко мне и обермастеру Ровенскому:

— А по-вашему, можно пустить печь или есть какой-нибудь риск, что она не пойдет.

— Да, можно. Риска никакого уже нет. Печь готова к выдаче чугуна.

— Ну, тогда начинайте!

Наступили самые ответственные и торжественные минуты работы на площадке, минуты, завершающие величественный и тяжелый этап борьбы с суровой сибирской природой, минуты, завершающие величайшее напряжение огромных масс людей.

Наступили минуты, которые должны были вознаградить строителей за их тяжелый и благородный труд, отпущенный ими без остатка на создание первенца социалистической индустриализации в Сибири.

Началась загрузка домны. Из бункеров по лавальному мосту побежали вверх к загрузочным аппаратам первые вагоны с рудой, с коксом, с доломитом. Это было торжественное зрелище и люди не отходили от домны ни на шаг. Сюда пришли строители, их жены и дети, чтобы увидеть рождение великого сибирского гиганта.

Смены соревновались между собой. В пусковую печь бодрствовала вся площадка. Бригада, проработавшая смену, добровольно осталась помогать другой бригаде, на которую выпала честь пуска домны.

Заканчивалась погрузка. В первую шахту домны опрокидывали последние скипы. Доменщики устанавливали холодильники фурм. В двенадцать часов ночи первого апреля вода охлатила все секции домны, забита безостановочно из водопроводных трубок. В последний раз мы осмотрели разливочную машину.

В три часа пятьдесят пять минут я включил рубильник сигнального прибора. Воздуходувка ответила: «даем воздух»; ЦЭС ответила: «есть пар»; кауперы сообщили: «даем дутье 500°».

Дутье в печи усиливалось. Люди вдруг бросились к фурмам и прожгли раскаленными ломami облитую керосином кладку. На фурмах вспыхнул огонь, огонь зажег шихту домы. Оранжевым пламенем вырвался газ через чугунную летку.

Первую кузнечную домбу задудли в три часа пятьдесят пять минут первого апреля 1932 года.

Через тридцать шесть часов пошел первый чугун.

С этого дня Сибирь стала родиной металла.

Была ночь, апрельская сибирская ночь, когда из летки хлынул первый чугун. Дежурившие около печи люди, не спавшие уже несколько ночей, счастливые и возбужденные бросились на шего друг другу. В радостном пестулении все кричали от восторга.

Изменилась география края с того момента, когда пошел первый сибирский чугун из кузнечной домы. Осуществлялись мечтания великих русских людей — Ломоносова, Герцена, Менделеева. Эти мечты осуществили большевики, советский народ, великая партия Ленина — Сталина, советская власть — самая демократическая и прогрессивная власть в мире.

Осуществились мои мечты, мечты инженера, которому вышло большое счастье участвовать в строительстве сибирского гиганта.

Первая шихта чугуна, который выдала кузнечная домба, была отправлена великому Сталину — вдохновителю и творцу сибирского гиганта.

ГЛАВА XV

Труд, который в наше время стал делом чести, доблести и героизма, в прошлом был проклятием и унижением.

В деревне Широкий Уступ, где я родился, люди трудились много и тяжело, но эта борьба за полуголодное существование вызывала лишь жалость и возмущение. Огромной жалостью и гневом проникнуты стихотворения Некрасова, воспевшего труженника:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках;

Вечно в воде по колена стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...

Трагическая картина строительства железной дороги, парисованная поэтом, оставалась характерной и для начала нашего столетия.

Все это хорошо помнят люди моего поколения, но знает ли это молодежь, которая пришла на советские стройки и росла одновременно с корпусами новых заводов? Молодые люди, которые десять лет назад не знали, что такое трактор, становившиеся инженерами у домен, управляют мощными агрегатами, изобретают умнейшие станки.

Первые строители на площадке жили в самодельных землянках. На столе главного инженера, рядом с чертежами заводских пролетов, лежал проект нового социалистического горюда. Горюда рождалась в непосредственной близости с заводом. Первыми жителями его светлых корпусов были пришедшие на Кузнецкстрой «с Волхова, с матушкин-Волги, с Омля, из разных концов государства великого» молодые парни и девушки. Это они, организовавшие полей партия, сыны великого советского народа вздымали окаменевшую землю, творили эпоху социалистической Сибири.

Весной и летом 1930 года на Кузнецкстрое началось генеральное наступление. На огромной, заросшей кустарником и покрытой заводью площадке, в дикой, безмолвной тайге закишел человеческий муравейник. Люди воздвигали временные сооружения, подвозили материал. В этот период наступление велось, главным образом, на окаменевшую землю. Основной фигурой на стройке был землекоп.

Различные национальности были представлены в первых бригадах — русские, украинцы, татары, казахи. Но различие наречий не повлекло за собой тех роковых последствий, как при постройке знаменитой Вавилонской башни. Единая идея вдохновляла всех участников стройки, идея индустриализации нашей социалистической страны.

Работали круглые сутки. Ночью площадку освещали прожектора, почные смены не хотели снижать выработки. Когда

на половине котлована вдруг обнаруживались плывуны, котлован продолжали рыть, стоя по пояс в ледяной воде. За слоем плывунов шли слои глины и гальки. После восьмичасового рабочего дня на производственных совещаниях землекопы слушали доклады инженеров «о прунтах», «ше грозит ли оседание?».

Интересовались завтрашним днем стройки не только котлованщиками, бетонщиками, монтажниками, а потому, что за каждым вынутым кубометром земли, за каждой кладкой кирпича они видели завод. Они не представляли его себе во всех деталях, но каждый знал, что строит завод, который даст миллионы тонн чугуна, миллионы тонн стали. И этот чугун и сталь были той вдохновляющей идеей борьбы, той осязаемой реальностью, которая сделала возможным такие результаты, какие дала бригада Дункедя, вынимающая по 56 кубометров земли на человека за смену. Это сделало возможным победу бригады Филишова, опередившей Дункедю и давшей за смену 74 кубометра земли на одного человека. Тот, кто работал когда-нибудь на строительстве, понимает, что означают эти цифры.

Земляные работы не прекращались и тогда, когда сильные морозы сковывали вязкую глинистую почву площадки. Экскаваторы задыхались на морозе. Но каменистую землю надо было во что бы то ни стало разломать. Комсомольцы объявили субботник. Дезертиров не было. Были энтузиасты, борцы. В густом морозном тумане комсомольцы начали копать землю кайлами. Коленели ноги, обмерзали пальцы, но ни один боец не покинул фронта. На освещенной прожекторами площадке работали всю ночь. И победили мороз, службу, победили угрюмую Сибирь. На этом первом субботнике сделали 38 котлованов.

Вспоминаю 21 января 1930 года. В раздаточной, где рабочие получали кайлы и лопаты, бригадир созвал небольшое собрание. Сообщение его было коротким:

— Шесть лет назад в эту ночь у Кремлевской стены рабочие рыли котлованы для мавзолея Ильича. В те дни морозы доходили до 35 градусов. Рабочие отказывались меняться и работали по двадцать часов. В ту ночь работал и я... Ильич, друзья, за дело Ленина, за наше с вами дело!

В эту ночь план земляных работ был выполнен на 242 процента. На площадке свирепствовал ураган... Температура была 31 градус ниже нуля.

Ведущей фигурой на стройке в те дни был землекоп. Комсомолец, работавший в столовой, в кооперативе, в раздаточной, считал себя обойденным. Начальникам участков в то время поступали заявления: «переведите на основные работы». То был геройзм, о котором не знала молодежь моего поколения.

Большие стройки редко обходятся без аварий и несчастных случаев. Были они и на Кузнецкой площадке. Самая большая авария произошла на завале бушеров силосов на конском пехе. В сплос с высоты 17 метров упало несколько человек и погибло. Я спустился в эту страшную могилу и увидел, что те, кто не был тяжело ранен, на чьих глазах совершился весь этот ужас, не только не поддались панике, но пошли оказывать первую помощь пострадавшим. Исцарапанные, окровавленные, они не старались выйти первыми. О спасении собственной жизни и мысли не было. Они вытаскивали раненых и мертвых товарищей. Казалось бы, что катастрофа, которая совершается на глазах у людей, должна вселить панику и растерянность. Но ни паники, ни растерянности не было. Тут сказались огромное организующее влияние коллектива. Далеко не все из них были храбрецами, но там, где шли вперед одни, не могли отстунать и другие. Это так же, как на фронте, где героический пример одного ведет за собой массу бойцов.

Мне дали знать, что на силосовых ямах доменных печей произошел обвал. Придавило трех рабочих. Через несколько минут я был на месте катастрофы. Я увидел несколько рабочих, пытавшихся спасти товарищей. Земля продолжала обваливаться, она придавила добровольцев. Но добровольцев было много. Своими телами они остановили низвергающуюся лавину земли. Своими телами люди защищали друг друга от смерти и в конце концов сумели выгнать всех. Я слова увидел: перед угрозой опасности не было растерянности, желания бежать, спастись самим.

Памятен вражеский поджог ТЭЦ. Это было в апреле 1931 г. Ночью загорелась временная деревянная стена ТЭЦ высотой

45 метров. У основания пылающей стены лежали котлы, турбины и, если на них упал бы горящий кусок дерева, они взорвались бы. Все ясно поняли, что чудовищные силы, таящиеся в котлах турбины, взорвут окружающие здания и все, что находится вокруг. Но именно потому, что последствия были понятны всем, за тушение пожара вместе с пожарной бригадой взялись и рабочие.

Представьте себе пылающее на фоне темной весенней ночи здание, фигуры людей, то вырванные из мрака пламенем 45-метрового факела, то скрывающиеся в темноте, кришлы, короткие приказания тех, кто в непосредственной близости от горящего здания нахотелся дыма и опалил лицо. Наиболее действенным средством для тушения оказался турбинный насос, смонтированный, но не вполне законченный. Трубы не имели укрепления, их нужно было сделать на большой высоте.

Несколько слесарей полезли на крышу. Крыша была недостроена и из-за дыма было легко проглядеть провалы. Люди могли свалиться на котлы, которые каждую секунду грозили взорваться. И все же никто не погнулся вахту у тающих разрушение и смерть котлов, пока пожар не был ликвидирован.

История многочисленных строек нашего Союза знает десятки и сотни таких подвигов. Это было возможным только в стране, где труд является благом для всего народа, и героизм поэтому стал качеством не отдельных храбрецов, а явлением массовым.

Когда мы впервые увидели чертежи конструкции мартеновского и доменного цехов, у всех возник один вопрос: где взять такое количество людей, которое нужно для строительных работ на высоте 55 метров! Где взять таких людей, которые поднимутся по стропилам и на готовожерометельной пятидесятиметровой высоте будут собирать железные конструкции, несмотря на лютой ветер, стужу и ливень? Можно найти, думали мы, несколько смельчаков, но ведь нужна целая армия! За границей таких рабочих очень хорошо оплачивают и очень балуют. Я написал для этой цели из Америки двух такелажников. Один из этих американцев — Хэлл — вскоре погиб из-за излишней резвости. Когда стали поднимать железную ферму на

ЦЭС, он начал ухарски рассказывать под пень. Хэлл предупредил об опасности, но он хотел показать русским, как может работать американец. Ферма опрокинулась и придавила его.

Другой американец был благоразумен, но, кроме этого качества, никакими талантами не обладал и к тому же был трусом. Остался один человек, который смог учить нашу молодежь такелажному делу. Это был Иван Андреевич Воронин.

У старого котельщика была вывихнута половина челюсти, но это не мешало ему быть всегда неслыханно веселым. Надо сказать, что до прихода на стройку, старик совершенно не знал математики и ничего не понимал в вычислениях. Но, отличаясь природной смекалкой, уже через два года он накопил некоторые знания и работу свою делал без помощи инженеров, никогда не ошибаясь.

С ним-то мы и начали учить нашу молодежь не бояться высоты.

Через некоторое время у веселого учителя было учеников больше, чем достаточно. Работы обогались без единого несчастного случая.

Кто были эти ребята? — Простые колхозники, сельская молодежь, комсомольцы, едва ли видевшие раньше дома выше четырех этажей. Теперь многие из них — техники, а в будущем — инженеры. Колхозник Роганов учится сейчас в Промышленной Академии.

Роганов был исключительномышленным парнем, его бригада быстро освоила самые трудные и срочные работы, как например, кладку труб. Трубы надо было класть на высоте 80 метров. Ребята с неснями побеждали эту высоту.

Когда Иван Андреевич Воронин объявил о своем намерении поднять огромный наклонный мост не в разобралом виде, как это делается во всем мире, а целиком, чтобы этим сократить сроки, американские специалисты стрейфилли. Они написали мне подробную докладную записку, объявив, что снимают с себя всякую ответственность за последствия этого неслыханного технического проекта.

Первый мост был поднят методом Ивана Андреевича Воронина вместо месяца в течение... 34 часов. Второй — в течение

15 часов. После этого слугая крупный специалист американец Глэш заявил мне:

— Вы — счастливый инженер: русские рабочие — лучшие рабочие в мире. О, это — замечательные ребята!

Подлинными героями первых кузнечных домен были огнеупорщики.

Бригады Митина, Дорошина, Легкова установили мировые рекорды кладки. Начав с кладки 1 тонны огнеупора на человека в смену, они добились кладки по 6 тонн.

Комсомольцы Волков и Огалько, разработав свой метод кладки, давали по 11 тонн в смену, а один Волков, работая на футеровке седьмого каунера, уложил за 8 часов 15 тонн огнеупора.

Чудеса трудового героизма показали женщины. Холод, плохие жилищные условия, забота о детях не могли ослабить энтузиазма женщины, увлеченных размахом строительства. Многие из них на стройке обрели самостоятельность, впервые почувствовав себя равноправными с мужчинами, и это вознаграждало их за тяжелые условия первого периода строительства.

Я помню осень 1931 года. Четыре дня шел дождь. Двести женщин работало на подсылке кирпича для кладки коксовых батарей. Сапог нехватало, они работали босиком и все же никто не уходил после 8 часов работы. Делом чести было работать по 10-12 часов, чтобы не допустить перебоев в работе каменщиков.

В бригадах бетонщиков очень скоро стали работать женщины.

Когда ударили пятидесятиградусные сибирские морозы, женские бригады бетонщиков не приостановили работу, они поддерживали горение жаровен и не давали бетону замерзнуть, все время перевыполняя план.

Памятны первые дни пуска доменного и коксового цехов. Произошла авария. В одном колодце вырвало свинец из раструба. Пависла угроза остановки домы. Трое суток бригада проработала в воде, не останавливая перекачку.

Круглые сутки, днем и ночью, люди стучали молотками, рыли котлованы, лили бетон. Клади кирпич за кирпичом, день за

днем подымали все выше и выше трубы, домы, мартены. Это был труд тяжелый, но радостный, труд людей, которые знали, что трудятся они для счастья своего народа.

ГЛАВА XVI

В конце марта произошло исключительное событие в моей жизни. Меня выдвинули кандидатом в Академию наук. Когда мне сообщили об этом, я опешил. Никаких значительных научных трудов я в своей жизни не написал. Я был инженером-практиком; я хорошо знал американскую технику металлургической промышленности и все свои знания использовал для того, чтобы построить в Сибири самый совершенствованный, американского типа металлургический завод. Я представлял себе, что академик должен сидеть где-то в тиши кабинета, лаборатории, а же постоянно находится на заводе, у домен, у мартенов, у горячего металла. Какой я академик?

Я поделился своими сомнениями с партийными товарищами. Они показали мне на площадке. Отчетливо на фоне синего мартеновского неба вырисовывались каунера, домы. Правей виднелись фермы мартеновского цеха, — на площадке уже раскинулся большой действующий завод.

— Это не только написано, но и построено, и это стоит многих научных трудов. — ответили они мне.

В апреле я был избран действительным членом Академии наук.

ГЛАВА XVII

«Геронка строительства прошла, начинаются будни освоения»... — эту фразу я не успел закончить, записывая ее в своем небольшом блокноте-дневнике в конце 1932 г. Не дописал я ее и в последующие дни, очевидно, потому что время, следовавшее за тем, вовсе не было временем «поживания на лаврах». Перефразируя известное английское выражение, можно было сказать: «Борьба на строительной площадке вчераше закончилась, но борьба продолжается и да здравствует борьба!».

Многотысячная армия строителей, руководимая и направляемая единой волей партии большевиков, взяла крепость, победила на первом этапе — этапе трудном, героическом, но нужно было еще закрепить свою победу, победить техническую отсталость, научить тех, кто умел лишь держать оружие — владеть этим оружием, поднять культурно-технический уровень людских масс на уровень той замечательной техники, которая возникла в Сибири.

Агрегат за агрегатом вступали в строй, и впервые люди подошли к управлению сложнейшими, мощными машинами. Многие из них, несмотря даже на то, что были старыми металлургами, не совсем ясно представляли себе, что должны они делать у печей, каждая из которых должна была выплавить чугуна столько, сколько в старой Юзовке давали четыре домны, вместе взятые.

Люди, еще вчера называвшие себя каменщиками, бетонщиками, такелажниками, сейчас должны были стать металлургами — доменщиками, сталеварами, прокатчиками — людьми сложнейших профессий.

Но это не так-то легко — превратить строителя в производственника.

Строители — по-моему, художники. Они грунтуют полотно, подбирают краски, они кладут на полотно первые мазки, но уже в этот начальный период своей работы художник-строитель может рассказать вам о своей будущей картине. Он ясно представляет ее себе, и каждый новый мазок кисти выражает его идею. Чем яснее воплощается замысел художника, тем больше у него вдохновения.

Строитель-инженер, рабочий-каменщик захвачены последовательностью строительных работ: котлованы, фундамент, коробка, отделочные работы — все это уже дает представление о будущей панораме завода, поэтому в течение всего цикла работ энтузиазм строителя нарастает.

Иное дело — производственник, у которого результаты борьбы менее видны, менее бросаются в глаза. Производственник делает одно и то же изо дня в день. Все его усилия, весь его успех в том, насколько сможет он оптимизировать, уточнить,

улучшить, — порой на одну десятую доли, — такой-то коэффициент. Производственник из художника превращается в мастера. Такую каждодневную кропотливую работу, менее интересную по ее анимешей эффективности, я смелен считать не менее героической, а, пожалуй, еще больше требующей мужества и настойчивости.

В памятную апрельскую ночь, когда первая доменная печь дошла была выдать первый сибирский чугун, никто на площадке не спал. Летку начали пробивать с вечера, и беспрерывно звонил телефон: люди беспокойно спрашивали — идет ли чугун. Кто-то распространил слух, что идет «козел», а не чугун. Слово «козел» — странно неприятное для металлургов слово. Это значит, что все в печи пропало. Но, вопреки зловещим предсказаниям, чугун пошел хороший. Я увидел это сразу, и когда этот чугун пошел в первый восьмидесятитонный ковш, беспокойство исчезло. Соплеший уже не было ни у кого, — все пойдет благополучно. И людей на площадке охватила радость. По кусочку, как трофей, как память своей победы, они начали рассказывать этот чугун.

Но выдача первого чугуна не означала еще, что и впредь все пойдет благополучно. У нас было слишком мало опытных людей, квалифицированных доменщиков и сталеваров, чтобы надеяться, что процесс плавления металла будет точен, как часы.

Труднее всего процесс освоения протекал в доменном цехе. На первом этапе мы потеряли почти всех доменщиков. Здесь не было «лавших в честном бою»: многие из них дезертировали, потому что у них оказались слишком слабые нервы для преодоления всех неполадок. И, оглядываясь назад, я вижу весь проделанный путь более значительным и трудным, чем он казался мне в те дни. Я не вспомню, чтобы у меня в те дни возникло когда-либо чувство разочарования. Нет! Все время шло нарастание победного чувства.

Какую мощную картину торжества машины, торжества советской техники представлял доменный цех, все цехи нового гиганта! Какая это потрясающая красота, ради создания которой стоило жить и бороться! Чтобы понять величие этой красоты, нужно лишь представить себе старые русские металлурги-

ческие заводы, старые «кошмаги». Руду там ссыпали в ямы. Летом — обливаясь кровью и потом, зимой — коченел от стужи, толкая большую железную тачку, рабочие-катали доставляли к подъемнику сырье для домн. Подъемник был единственным механизмом на старом заводе. Расплавленный чугун растекался огненными ручьями по песку. Металл заливали водой врушную и в клубах пара нельзя было размять рабочих, разламывающих чугунные чушки ломками.

Но вот повар большевистская техника. И десятки тонн кокса, руды, доломитов — составные элементы, из которых варится чугун, — загружаются в новую домнистую печь невидимо для глаза. Механизирован весь процесс — не только загрузка, но и забивка летки и выдача чугуна. Огромные ковши развозят жидкий чугун к изложницам. Механизмы заменяют работу сотен человеческих рук. У тех агрегатов, где, как на старой Юзовке, работало две тысячи человек, на новом заводе управляют триста.

Освоение этой новой техники шло не без жертв и напряжения. Первый сюрприз нас ждал вскоре после пуска первой домны. Прорвало трубу. Между газоочисткой и печью хлынула вода. Вода была с такой силой, что в несколько минут оказались залитыми все колодцы, где находятся вентиля. Переключить воду на запасный резервуар не представлялось возможным.

Причину аварии выяснили скоро. Труба, как мы тогда говорили, оказалась сделанной «на пимах». Пимы — это сибирская обувь. Некоторые сибиряки имеют дурную привычку оставлять ее в самых неподходящих местах. Так возникла и прочно вошла в наш лексикон, определяя всякую строительную небрежность, поговорка «сработано на пимах».

Не найдя настоящего тройника, строители, оказалось, обонлись самодельным. В результате — авария.

В первые дни пуска многое приходилось переделывать. Мы учились на собственных ошибках. Но в те дни разговаривать, дискутировать времени не было. Решение могло быть одно — действовать немедленно. Аварии на домне произошла в апреле. Как это обычно в Сибири, стояли сильные морозы. Рабочий Новиков молча снял рубашку и полез в колодец. То был моручий

парень, бывший моряк. Он захлебывался, коченел в ледяной воде, но вентиля закрыл и пустил воду другим путем.

Печь все же пришлось остановить, так как газоочистка была залита водой. Об остановке печи знало очень немного людей. Остановку маскировал шар, который мы пустили с центральной электрической станции. Пар был очень похож на тот, который выходит при работе домниной печи. Не создавать паники — было первейшим нашим деанзом. Я был крепко защищен от этого чувства, я знал, что авария, хотя и тяжелая, но поправима, я верил, что если какое-то количество человеческого созидательного труда затрачено и в новом месте создано грандиозное дело — разрушить результаты этого труда не так-то просто. Можно сделать царяшину, вывести на строя деталь, но уничтожить огромное целое — нельзя.

Но были паникеры, за которыми стояли и враги, которые при первой же аварии строили сразу всевозможные теории о гибели завода. «Авария с водой — катастрофа, крах!» — вопили паникеры. «Все прошло!» — кричали они, когда вследствие поспешного направленной подины проело откос в передней стенке мартеновской печи и шлак пошел в металл. Нашелся инженер, который быстро сообразил в чем дело. И, когда исправили положение, многим было стыдно, что можно было расстраиваться по такому незначительному поводу.

В Кузнецке осуществлялось строительство наиболее совершенного в мировой металлургической промышленности гигантского завода. И здесь не было недостатка в отваге и упорстве у десятков тысяч людей, преодолевших суровую природу сибирской тайги. Мы осваивали сложнейшую работу. Но, поставив без единой аварии восьмидесятиметровые мартеновские трубы, сократив в тридцать раз срок поднятия разборного крана, мы могли пропустить укладку фундамента «на пимах». В результате домниная печь села на 200 миллиметров. Это вызвало серьезные последствия. Через 8 месяцев нам пришлось понижать железобетон, устраивать их на новой глубине, делать новые уклоны.

Неизведанной областью, где мы, как слепые котята, тыкались в разные стороны, был для нас вопрос использования

материалов в таких больших количествах. Победили мы не благодаря имевшимся готовым знаниям, а только благодаря упорству. Вопрос использования и применения кокса, оказалось, был наиболее исследованным. Старые наши сведения о коксующихся углях говорили о том, что кемеровский кокс будет безусловно хорош, что с этим коксом мы будем делать чудеса. Но то, что хорошо получается в колбе, в пробирке, не всегда получается хорошо в большом масштабе, потому что разница между пластовыми пробами угля и вагонными, эстакадными пробами, очень большая.

Осложняло дело и то, что расположенные рядом с заводом рудники — Осиповский и Арапчевский — не были готовы. Мы принуждены были пользоваться неиспробованными углями Проконьенской шахты. Их надо было освоить, освоить их шихтовку. Выяснили, что уголь этот спекается, что качество его зависит от того, из каких пластов он взят, насколько сильно окислен, близко или далеко берут его от поверхности.

Донбассовский опыт нам не помог. В Донбассе уголь коксуется один. Здесь же нужна была смесь. Но неправильная смесь плохо сказывается на качестве кокса и поэтому мы получали такой кокс, который «ни в одни ворота не лез». Печь громыкала, появлялись осадки, огромное количество пыли, горели фурмы.

Кокс плохой. В этом все мнения сходились, но и на этом коксе можно было работать, если уметь работать, если бороться а не бежать от работы.

Неприятностей в первый период освоения было много. При очень холодной зиме в недоделанном, шестопятенном здании углеподготовки, уголь при дроблении превращался в пыль. Люди из-за пыли не видели друг друга на расстоянии шага. Два раза в сутки приходилось очищать приборы.

С наступлением весны и благодаря самоотверженной работе людей в лаборатории, положение с шихтой улучшилось.

На коксовых печах у нас в то время стоял старый мастер Волошин, проработавший 15 лет на южных заводах. Он умел строго держать определенный режим на печах. Печи не газовали, не загрифичивались. Дисциплина у него была же-

лезная, от молодых инженеров он требовал беспрекословного подчинения и кое-кто поэтому серьезно ворчал по поводу «татарского шага».

Но, одновременно с достоинствами опытного практика, у Волошина был один крупный недостаток — он вел себя, как чудак — обладатель тайны, которую никому не хотел доверить и передать. Типичная черта специалиста, воспитанного на капиталистическом предприятии, боявшегося конкурентов и оборонявшегося таким образом от угрозы безработицы.

Но нам нужна была армия педагогов, а их у нас не было. Учиться нам пришлось на манер того мальчика, который не умел плавать и, несмотря на это, был сброшен в самом глубоком месте реки. Наглотавшись воды, мальчик вынырнул.

Выплыли и мы с бывшими землекопами и каменщиками, поставленными у сложнейших машин и агрегатов.

Партийная организация площадки, серьезно взявшись за воспитание людей, возглавила движение за учебу. Начался небывалый шторм знаний, атака математических формул. Вчерашние землекопы и каменщики учились грамоте, учились читать книжки, чтобы научиться затем познавать душу машины. Политические дисциплины помогали рабочим уяснить грандиозные задачи индустриализации. Учились жадно, ибо каждый день давал людям чувствовать реальную пользу полученных знаний.

Десятки тысяч людей впитывали в себя знания, как мудрость, как откровение, внезапно открывшее им глаза на мир; они глотали знания, изучали формулы, задачи, как средство, дающее им силу, указывающее им путь победы, ведущее их к счастливой радостной жизни, полной смысла борьбы и интереса.

В связи с этим мне вспоминается школа для рабочих, в которую я пошел в Нью-Йорке. Это было 30 лет назад, после окончания металлурга на родине, я отправился искать счастье в Америке. «Фри-скул» (бесплатная школа) помещалась в церкви. Посещение богослужений являлось для учащихся обязательным. После двух прогулов рабочему объявляли, что без помощи бога полученные знания не пойдут ему широк и так как он этого сразу не понял, то ему поэтому придется оставить работу на заводе.

Чтобы не потерять работу, приходилось выслушивать длинные, утомительные проповеди отцов господних. Этими проповедями и ограничивалась жюри нашего учения.

Значительность сибирского гиганта не в том только, что по своим масштабам, по смелости подхода к решению технических задач — это шаг, которого не делала и не знала ни одна промышленность мира. Все, что совершалось на строительной площадке в Кузнецке, как и на всех новостройках сталинских пятилеток, войдет в историю, как удивительный пример того, как люди, благодаря усилиям и воле Ленинского-Сталинской партии, начали величественную борьбу за новую, советскую культуру, основанную на высокой, передовой, советской технике.

ГЛАВА XVIII

Основная роль в строительстве сибирского гиганта принадлежала Серге Орджоникидзе. Он был душой строительства, его контролем, подстрекающей силой. Он был нашим вдохновителем и высоким судьей. Если строительство шло плохо, мы прежде всего обращались к нашему славному парку. Если нужно было поднять моральный дух армии строителей на кузнецкой площадке, всегда в нужный момент телеграф приносил несколько ободряющих, теплых, самых нужных слов исключительной моральной силы.

Ни на одну минуту Серге не упускал из поля своего зрения кузнецкую площадку.

— Волею партии, волей советского народа вы создаете на площадке прочную базу социалистической индустрии, — часто напоминал нам Серге. Вот, что было организующей идеей героической борьбы, которую с таким напряжением вели десятки тысяч строителей в таскной, суровой Сибири.

Мы его называли «наш Серге». Мы говорили о нем восхищенно: «наш командир». Он и в самом деле был полководцем — сначала красноармейских легионов, а затем — великой трудовой армии шахтеров и слесарей, химиков и металлургов.

Он обладал всеми качествами, присущими командиру. Командира должны любить, не могут не любить. Его бойцы дожи-

вы для него старались сделать все, что возможно, и, если это касалось боевой обстановки, они должны отдать за него и жизнь.

Командир Серге был горячо любим своей армией.

Командир должен показывать пример, должен быть всегда впереди. Серге был великим примером неспящего борца, он был всегда в передовой шеренге вдохновителей социалистического строительства, непобедимой верой в священное дело социализма он заражал других.

Войска всегда должны ощущать присутствие командира. Войска должны непоколебимо верить в то, что под руководством своего командира они преодолеют все препятствия и не уступят никаким стоящим перед ними задач. Великая армия строителей социализма постоянно ощущала обаяние и присутствие своего Серге и ни на минуту не колебалась в выполнении даже самых трудных задач, поставленных перед ней партией и советским народом.

Серге был человеком наступления. Отступать он не мог. Выражаясь образно, это был танк прорыва. Нужно где-нибудь прорвать фронт, укрепить социалистические позиции — партия посылала на этот фронт этого благородного полководца.

Когда Серге был назначен руководителем ВСИХ, металлургические заводы, и в особенности заводы коксовые, переживали затруднения. Они не вылезали из прорывов, руководство строительством и производством стояло на низком уровне. Страна требовала металла, но промышленность не удовлетворяла эти требования. В то время шла крупнейшее строительство на юге и в урало-кузнецкой части Советского Союза и без достаточного количества железа и стали новостройки находились под угрозой срыва. Требовалось определенное волевое верховное командование, чтобы привести в порядок металлургическую промышленность.

Серге оказался этим волевым командиром. Благодаря его удивительному умению командовать, производить маневры с людьми — с рабочими и инженерно-техническим персоналом, благодаря его особенному умению замечать и выделять людей, благодаря замечательной черте большевика —

уметь находить основное звено и, ухватившись за него, вытаскивать всю цепь, — производство чугуна и стали начало резко повышаться, и уже в конце 1931 года советская металлургия оставила далеко позади уровень довоенной России.

Горячей любовью любили Серго партийные и беспартийные, старые и молодые, рабочие и инженеры. Каждого человека он встречал с доверием, но верил ему до тех пор, пока видел, что ему говорят правду. Достаточно было малейшего сомнения, Серго коренным образом менял отношение к таким людям, категорически с ними расставался. С другой стороны, если он видел, что люди работали хорошо, отдавали всю свою страстность социалистическому строительству, безраздельно отдавали себя производству, — Серго входил буквально в каждую мелочь их жизни.

Характерный пример. Опытный, старый инженер, проработав на стройке незначительное время, тяжело заболел. По состоянию здоровья он должен был оставить стройку немедленно. Но его не отпустили с работы. Инженер обратился за помощью к Серго. Его вызвали в Москву. Серго пригласил инженера и, узнав о тяжелом характере заболевания, дал ему возможность в течение двух лет лечиться. То был беспартийный старый инженер, лично Серго неизвестный. Но парком знал его по отличной работе, и этого было достаточно.

Сколько инженеров, мастеров, рабочих, — безотносительно к тому, были ли они старые или молодые, партийные или беспартийные, — чувствовали заботу и теплоту паркома! Сотни рабочих, инженеров, стахановцев, мастеров могут вспомнить, что Серго сделал для них лично: написал ли дружеское письмо, дал ли путевку, отправил ли учиться. Это было в натуре Серго — он любил всех видеть счастливыми. Внутреннее содержание, а не звание и чин, работа, желание беззаветно трудиться для счастья советского народа — вот что было главным критерием в оценке человека и работника со стороны Серго.

Близость его к работникам металлургии была исключительной. Он знал в лицо уйму людей; с бесчисленным количеством металлургов Серго переписывался, разговаривал. Любой мастер

или инженер, приехавший в Москву с новостройки, мог побеседовать с паркомом.

Серго был решителен и смел. Эта решительность и смелость проявлялась также во всем, что касалось развития металлургии. Достаточно было какому-нибудь инженеру рассказать о новой идее, о каких-нибудь новых мероприятиях, способных увеличить производительность, и Серго немедленно принимался за дело, двигал его вперед, развивал.

Приноминается, с каким энтузиазмом Серго откликнулся на призыв товарища Сталина к отечественным машиностроительным заводам обеспечить всеми видами оборудования нашу промышленность. Надо сказать, что в тот момент машиностроительная промышленность во многом не могла ответить на те вопросы, которые поставил перед ней товарищ Сталин. Серго вселил в нас смелость, уверенность в наших силах и в результате эта проблема в настоящее время разрешена во всех направлениях.

Блуждающее дутье в доменных печах, которое мы начинаем применять в этом году, является детищем Серго. Это он первый обратил внимание на это предложение и призвал его осуществление с максимальной скоростью. Именно Серго приступил к проведению в большом масштабе практических работ в области производства и использования газа в металлургическом цикле.

Доменные печи, мартены, блюминги, прокат, заводы максимальной мощности строились быстро в стране и легко осваивались именно потому, что во главе этой грандиозной строительной эпопеи стоял полный обаяния командарм Серго.

Серго был нашей совестью. Что бы мы ни делали, внутренний голос всегда спрашивал: «А что об этом скажет Серго?» Если что-нибудь у нас не ладилось, если надо было что-нибудь проверить, разрешить сомнения, — мы всегда стремились пойти к Серго, поговорить с ним и всегда получали душевный, четкий ответ.

Он не любил нытиков, не терпел оковитирателей. Приезжая на завод, он первым делом стремился узнать, насколько действительное положение соответствует тому, что ему рассказывают.

Однажды Серго приехал в Сталино (Донбасс). Завод был грязнен страшно, работал плохо, показывать парком было печально. Единственно, что выглядело прилично, — это будки с газированной водой для работающих в горячих цехах. Сопровождавший Серго руководящий работник завода решил отыграться на этих будках, отвлекая внимание паркома от основных зол производства. Серго хмурился, хмурился и, наконец, спросил:

— Скажите, чем вы раньше занимались?

— Да, я в металлургии, собственно, недавно, — смутился руководящий работник завода.

— То-то, я вижу, — заметил Серго. — Будки с содовой водой вы организовали неплохо; вам, пожалуй, и пужно трудиться в этой области. Я об этом позабочусь.

Серго не знал ни дня, ни ночи. Когда я работал в Сибири, обычно в 2-3 4 часа ночи раздавался телефонный звонок. Это вызывал нас Серго. Его интересовала работа завода.

Вспоминается ужасная зима 1933 года. Домашние печи замерзали, мартены и прокат еле-еле тянули жизнь. И Магнитка и Кузнецк работали отвратительно. У маловеров создалось впечатление, что каждую зиму мы неизбежно будем стоять и только летом будем работать. Раздавался шепот, что вот, мол, понастроили заводов, а работать они могут только незначительный отрезок времени; техника, мол, американская, а климат русский, сибирский. Об этих разговорах знал и Серго.

Почти каждую ночь мне приходилось докладывать ему по телефону о тяжелом положении завода. Несмотря на совершенно неутешительные сведения, которые он получал, Серго говорил не повышая голоса, не выходя из себя. Чувствовалось, что ему очень тяжело и неприятно, но тем не менее, зная, что люди на месте работают, из всех сил стараются сделать все, что могут, чтобы поправить дело, чтобы вывести завод из прорыва, он сдержанно ободрял нас:

— Смотрите только, — твердил он, — чтобы не были погублены печи. Надеемся на молодежь, на энтузиазм советских людей, сделайте еще несколько усилий и все пойдет хорошо, благополучно. Положите конец недопустимым разговорам о невозможности работать зимой в Сибири.

Он горячо интересовался новинками мировой техники, и большинство командированных за границу инженеров до и после поездки обязательно беседовали с паркомом. Помню, когда в 1936 году я приехал из Америки, Серго долго беседовал со мной у себя в кабинете, а потом попросил еще приехать к нему на дачу. Приветливо улыбался, он встретил меня на даче. Он требовал от меня подробного отчета о работе всех заводов, на которых мне удалось побывать в Америке. «Лучше или хуже, чем наши, оборудованы американские заводы? — спрашивал Серго. — Чинче ли эти заводы, какое количество людей работает на том или другом предприятии, как расставлены станки у агрегатов, какова организация труда, каково качество металла?» Его интересовало все. При упоминании о том, что наши заводы оборудованы не хуже американских, по блеску его глаз было видно, что ему это очень приятно. Но те же глаза выражали неудовольствие, загорались гневом, когда он узнавал, что некоторые наши заводы грязнее американских, завалены неиспользуемым хламом, заброшены, что очень часто материалы валяются под ногами, а в Америке все то, что не относится к работе — весь хлам, мусор, scrap — убрано в нужное место. У Серго было горячее желание, чтобы советские заводы были во всех отношениях не только не хуже, а лучше зарубежных, чтобы все, что мы строим, было построено красивой, изящной. Он не мог допустить, чтобы советские заводы были построены хуже зарубежных.

Серго был человеком больших масштабов. Это был командир в полном смысле этого слова. Командир, который был всегда вперед. Он терпеть не мог дезертиров или людей, уклоняющихся от прямого ответа. Как истинный командир, он не любил слепого подчинения. Он требовал подчинения продуманного, сознательного, чтобы прежде, чем подчиниться, человек высказывал свое личное мнение по данному вопросу. При обсуждении проектов строительства, Серго внимательно выслушивал самые противоположные точки зрения о том, как лучше, быстрее и рациональнее осуществить строительство. Но, выслушав, Серго всегда, и притом с большим тактом, умел постоять на своем. И никакого осадка у людей, ведущих с ним работу, никогда не оставалось.

Когда Серго приезжал на завод, он прежде всего любил поговорить с рабочими у станка, у печи, вслушиваясь и вникая в их рассуждения, детально спрашивая о работе, заработках, обо всем том, что занимало их умы и волновало сердца. Он стоял бесконечно близко к массе рабочих, мастеров и инженеров.

Благодаря тесной связи со всей трудовой армией, Серго вместе с товарищем Сталиным был одним из вдохновителей стахановского движения. Он подхватил это замечательное движение рабочего класса с обычной для него горячностью и в течение нескольких месяцев поднял его на большую высоту, показал всей стране, всему миру, что оно означает.

На примере стахановской работы Серго показал, что высокая социалистическая производительность труда — это главное доказательство преимущества советской системы народного хозяйства перед системой капиталистической. «Стахановцы — это наша непобедимая молодость, — сказал он мне однажды, — это зачатки могучей силы, которая разольется широкой волной и победит капиталистическую производительность. И вам, инженерам, представителям науки, необходимо прийти на помощь партии и возглавить это движение, дать ему нужный, научно-организационный толчок».

Его горячая вера в неисчерпаемые творческие силы народа, в могущество нашего строя, в нашу счастливую действительность и еще более замечательное будущее, заражало нас энтузиазмом, желанием много и страстно работать, сообщало нам молодость и силу. Он подымал нас своей особенной живостью. Медлительный в своих движениях из-за тяжелой болезни, Серго обладал совсем иной живостью. То была свержающая живость глаз, живость большого светлого ума, живость богатого языка. Всем своим внешним обликом Серго выражал неувыдаемую молодость и только чуть проявляющаяся седина выдавала его пятьдесят лет. То была молодость, свойственная людям глубоко убежденным, согреваемым великой идеей, которую они носят в своем сердце.

Серго был представителем той возвышенной, благородной идеи, перед внутренним богатством, силой и красотой которой, как однажды воскликнул Герцен, хотелось преклониться.

Великие идеи человечества, — идеи социализма, идеи коммунизма всей силой своего убеждения Серго доводил до мозга и сердца беспартийных людей, работавших под его началом.

Запомнилось одно научно-техническое заседание с участием Серго незадолго до его смерти. У него был землестый цвет лица, было видно, что он переживает физические страдания, что ему тяжело работать. В тот день хоронили какого-то видного работника. «Смерть — это диалектический закон природы, — заметил Серго, — но я верю в жизнь, и пока человек жив, он должен бороться за утверждение жизни и ударам судьбы противопоставлять свою силу, свою волю, свои убеждения».

И он пережил свою смерть, как переживает ее великий полководец, дела и слава которого не умирают.

ГЛАВА XIX

Ночью 18 декабря 1934 года меня разбудил телефонный звонок.

— Не случилось ли что-нибудь серьезное на заводе? — встревожился я. Работа у домен, у маргенов, у расплавленного металла всегда сопряжена со всякими неожиданностями.

На заводе все оказалось в порядке. Мне сообщили, что я приглашен на встречу металлургов с товарищем Сталиным.

Я выехал в Москву в то же утро.

В пути вспомнилось, как пять лет назад я отправлялся с поручением В. В. Куйбышева из Москвы в Сибирь строить Кузнецкий завод. Тогда я смотрел из вагона на хвойный кустарник, издали напоминавший отару овец, на голубой пунктир замерзшей реки, то и дело скрывавшейся за холмистой, покрытой ровной пеленой снега поверхностью; я смотрел на все ту же одиноко торчавшую сибирскую березу. Зима оголила ее крону и с нелепо короткими ветвями она напоминала древнюю скульптуру с оттопыртыми по локоть руками.

Но думало однообразный пейзаж не падало мне тогда, часами наблюдавшему его из окна вагона.

— Знаете, — обратился я к своему спутнику, — весь этот однообразный пейзаж представляется мне иным — таинственным, каким он будет через несколько лет,

В руках у меня была кожаная записная книжка. Она отличалась от большинства таких же блокнотов тем, что все записки в ней были сделаны на языке цифр. Но цифры при расшифровке превращались для меня в увлекательнейший рассказ.

И я увлекся, глядя на эти цифры. Я начал рассказывать своему спутнику:

— Наступиле на занесенный снегом край мы начнем с запада. Кузнецкий промышленный комплекс является главнейшим опорным пунктом Урало-Кузнецкого комбината, одновременно он будет центром тяжелой промышленности в южной части Западной Сибири. Это не проекторские замыслы. Доказательства следующие: Кузнецк — это величайшая в СССР каменноугольная база, железная руда находится здесь на расстоянии 100—300 километров. В самом ближайшем будущем надо ожидать открытия новых железорудных месторождений. На значительной части уже исследованной территории Горной Шории и Хакасии найден ценнейший металл — титан-магнетит.

— На Алтае, в Хакассии и в Горной Шории есть золото, серебро, медь, цинк, свинец; в южной части Западной Сибири есть все необходимое для металлургии, машиностроения и промышленности строительных материалов. Все эти богатства царское правительство, как гоголевский Плюшкин, держало в ледяных подвалах Сибири, обрекая на голод и холод миллионы людей. Теперь все это уже в прошлом. В Сибирь идут большевики. Мощные водяные артерии — Енисей, Томь, Иртыш превратятся в неисчерпаемые источники электроэнергии; лесные массивы вдоль сплавных рек дадут древесину для топлива и лесохимической промышленности.

— Через несколько лет Сибирский край будет исчерпан стальными звеньями железнодорожных путей. Будущий Кузнецкий металлургический завод даст стране столько металла сколько давали все заводы царской России.

— Пройдет не больше 5-10 лет и в тайге вырастут города. Уголь, металл и вода дадут жизнь краю. К услугам людей появятся совершенные средства сообщения. В городе заговорит радио, световые рекламы сообщат о театральных постановках и новых фильмах. Металлургический завод, рассчитанный на 50

лет работы, потребует школ и университетов для детей рабочих; здесь будут больницы и дома отдыха, фабрики ткани и производства домашней утвари, здесь расцветет мощный индустриальный край с трехмиллионным населением. Вот что значат эти цифры!

Я захопнул книжку:

— Вы понимаете теперь, почему мне не надоело смотреть в окно. Там, где вы видите тайгу или голую степь, я уже вижу трубы маргаша, угольные башни над батареями коксовых печей, широкое магистральное шоссе города.

— Вы — не инженер, вы — поэт, — заметил, смеясь, мой спутник. — А впрочем вдохновение давно перестало быть уделом одних лишь поэтов и агитов в нашей стране.

...Прошло всего лишь пять лет. Я еду уже из Сибири в Москву. Я смотрю из окна вагона на пробегающий мимо ландшафт. Как изменилась за это время география края, как неузнаваемо стал пейзаж страны! Все реже встречается одиноко торчащая сибирская береза, все чаще в одном, другом, третьем месте мимо окна вагона проносится вновь возвышение производства — комбинаты, заводы-гиганты. Урал, Сибирь — это уже занесенные снегом края, это — оживленные географические куски нашей родины, где цветут колхозные хлеба, где новая жизнь бьет ключом.

Но вот я приехал в Москву. Наступил, наконец, долгожданый вечер — 26 декабря, и в этот вечер состоялась историческая встреча металлургов с товарищем Сталиным.

Вот Красная площадь, величественный Кремль — центр мира, куда устремлены взоры и надежды всего трудового человечества. Это отсюда, из Кремля, светлыми лучами расколится по вселенной великая человеческая правда. Это сюда, в Москву, на Красную площадь, в Кремль идут потоки восхищения, пламенной любви и преданности народа.

Я переступил с волнением порог зала заседаний политбюро, где нас должен был принять товарищ Сталин.

Просторный, светлый, круглый зал сверкал чистотой. Он был обставлен просто, со строгим вкусом.

Никого из руководителей партии и правительства в зале

еще не было, и в ожидании начала совещания металлурги вели между собой веселую и непринужденную беседу, подтрунивая друг над другом, смеялись, балагурили. Ко мне подошли товарищи и сказали:

— Кому-нибудь из металлургов надо будет выступить с приветствием товарищу Сталину. Мы поручаем вам это сделать.

Я растерялся. Выступать перед товарищем Сталиным, перед руководителями партии и правительства — высокая честь и большая ответственность.

Передо мной вдруг прошли 17 лет работы в черной металлургии при советской власти. Все эти годы шаг за шагом менялась моя жизнь, менялось мировоззрение. Меня, инженер, убеждали факты. А факты советской действительности были поистине поразительны. Вот годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства, годы реконструкции страны, индустриализации, пятилетки социалистического строительства, коллективизации, строительство Магнитки, Кузнецка, — какой последовательный смелый скачок, какие грандиозные этапы преобразования страны! И этот замечательный путь страна прошла под руководством товарища Сталина и большевистской партии.

Сталин!.. В зале на мгновение стало тихо. Но потом все наполнилось восторгами, гулом. Металлурги, восхищенные, страстно аплодировали. Вошел Сталин, за ним гг. Молотов, Орджоникидзе. В своей обычной, простой одежде, в сапогах и наглухо застегнутой куртке Сталин шел, тепло улыбаясь, дружески и приветливо кивая присутствующим.

Когда буря восторгов улеглась, Серго дал мне слово. У меня учащенно забилось сердце. Я встал и начал говорить прерывающимся от волнения голосом.

Я оглядел людей в зале, я посмотрел на товарища Сталина. Он слушал меня. Это придавало мне бодрость, постепенно голос стал уравновешиваться, мысли прояснились.

Я поздравил товарища Сталина и партию с большой политической победой — выплавкой 10 миллионов тонн чугуна в первой пятилетке. Я вспомнил Сибирь, тайгу, куда пришли большевики, чтобы взорвать веками слежавшуюся землю, чтобы построить на этой земле оснащенный самой передовой техникой

мировой металлургический гигант — воплощенную в жизнь идею великого Сталина.

Я говорил о том, что под руководством товарища Сталина и большевистской партии страна неузнаваемо преобразуется, меняются люди.

Конечно, говорил я все это не так гладко. Все время назойливо сверлила мысль — складно ли я говорю и то ли, что нужно? Когда я сел на свое место, я стал искать ответ на эти вопросы у сидящих рядом товарищей.

Но вот поднялся товарищ Сталин. Тихим, но внятным голосом он начал свою речь с того, что я не прав, полагая что партия одна могла провести все гигантское социалистическое строительство. В этой работе вместе с партией участвовали и беспартийные, и старые специалисты, и многомиллионная армия рабочих, колхозников. Партия сумела организовать этих людей и правильно ими руководить.

Впервые мне довелось слышать товарища Сталина, видеть его лицом к лицу. Я был покорен мудрой простотой и лаконичностью его речи. Каждое слово, каждая фраза были четкими, ясны.

Когда мы прощались с товарищем Сталиным и его ближайшими соратниками, настроение у всех было приподнятое, радостное, возбужденное. Мы вышли из Кремля. Была глубокая ночь. Каждый из нас нес в своем сердце образ великого Сталина, мудрого, человеческого и родного.

В бодром декабрьском воздухе кружились снежинки. Москва была погружена в сон, но мне спать не хотелось. Я был под впечатлением встречи с великим человеком и долго стоял на Красной площади и смотрел на Кремль, где живет и работает этот человек.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...В октябрьскую ночь 1937 года я вышел из Спасских ворот Кремля. Часы на башне отбили четверть второго. Ночь была прохладная и влажная, от чего дремлющая Красная площадь поблескивала торцом.

Как всегда, мягко шурша резиной, по площади неслыся автотомобили, торопились отдельные прохожие, с благоговейным чувством взирая на мавзолей, где покоится великий Ленин. У входа в мавзолей стояли красноармейцы, сосредоточенно и молча смотрящие друг на друга.

Я был очень взволнован и, чтобы несколько успокоиться, медленно шел вдоль Кремлевской стены.

Этот день и эта ночь завершали значительный этап моей жизни.

В эту ночь, 29 октября 1937 года, в просторном, старинном помещении Грановитой палаты Кремля собралась руководители партии и правительства на совещание с ответственными работниками и стахановцами металлургической и угольной промышленности.

Совещание уже подходило к концу, когда стало известно, что с кратким словом выступит товарищ Сталин. Нашей радости, понятно, не было границ, мы ясно отдавали себе отчет в том, что нам обазана большая честь.

Простой, человеческий Сталин начал свое, действительно, необычное слово. В зале стояла зачарованная тишина, люди слушали вождя молча, зажав дыхание, боясь пропустить единое слово.

Короткая речь товарища Сталина была насыщена и динамична до возможного предела. Она была краткой, но в ней содержалась большая программа. Я слушал Сталина и с каждым словом, произносимым тихим, но четким голосом, к сердцу приликала гривь.

Сталин говорил о положении инженерства в старое дореволюционное время при хозяевах капиталистах. Какая это потрясающая правда! В словах вождя я читал свою жизнь.

Да, это правда. Прикованные к капиталистической тачке, как каторжники, старые специалисты были действительно ценными собаками хозяев. Они не знали радости творчества, все их мечты, технические дерзания разбивались о глухую стену капиталистического варварства.

В нескольких словах, с неумолимой логикой, товарищ Сталин обнаружил перед нами эту горькую правду.

Я слушал вождя и передо мной, как в лупе-микроскопе, снова прошла моя жизнь. Полный надежд, молодой инженер, я выпужден был покинуть Россию, потому что родина не могла предоставить мне работу по специальности. В Америке я работал, как вол, и меня вышвырнули на улицу, как только капиталистический Молох пожрал остатки моих сил.

И вот опять Россия. Кровавая война. Нужен металл, нужны пушки, снаряды, и капиталисты покупают инженера, засасывают его делать орудия истребления людей.

Но вот грянула революция. Октябрь освобождения угнетенных народов. Власть рабочих и крестьян, власть труда.

Инженеры задумались: с большевиками или против них? Что несет им власть Серпа и Молота?

Я не задумывался; я знал, что я могу дать новой власти — это мои знания, мой опыт, мои руки, мой труд.

И я отдал это все беззаветно своему народу.

...Два десятка лет работы с большевиками. Как неизнаваемо вырос я, инженер, за эти годы! Какие необозримые горизонты открылись перед нами, участниками социалистического строительства! Громадное удовлетворение и радость испытываю я, когда сравниваю свое прошлое и настоящую жизнь, работу.

Советская власть подняла меня на такую высоту, о которой я не смел даже мечтать. Только при советской власти мне удалось широко развернуть свои творческие способности, реализовать творческие мечты.

Мне стало жарко от этих мыслей. Я остановился, чтобы перевести дыхание, чтобы расстегнуть ворот сорочки. Часы на Спасской башне пробили половину второго ночи. Я стоял на величественной Красной площади, возбужденный от пережитых последних часов. Я вспомнил чеховского инженера. Он строил мост — плод долготелетнего вдохновения инженера, его напряженного труда. На второй день после открытия моста инженер искал свое имя в газетном отчете и нашел... описание нарядов модных дам, почтительных торжество своим присутствием.

Уже на второй день после окончания строительства ничто не связывало имя инженера с его произведением. Сколько бы вид и вдохновения ни потратил инженер, все сделанное им

принадлежало тому, кто давал деньги. И, если капиталист покупал труд инженера, то его творческий талант, его славу он просто похищал.

В небольшом, казалось бы, эпизоде гениальный Чехов выразил все бесправие и униженность русского инженера до революции.

...А сегодня в кармане у меня, советского инженера, лежит газета. В газете напечатана фотография — моя фотография. Из Сибири сообщают, что меня, инженера Бардина, строителя Кузнецкого металлургического гиганта, выдвигают кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

...И сегодня, в этот же день, товарищ Сталин провозгласил тост за здоровье средних и малых руководителей хозяйства. Товарищ Сталин поднял бокал за славных бойцов стахановского движения, за здоровье Стаханова, Джукшова, Изотова, Рыбошанки, за славную семью Коробовых и других лучших сынов великого советского народа.

Это был тост за великий советский народ, тост вождя за народ-творец, народ-создатель свободной, радостной жизни.

Советский народ, — рабочие и крестьяне, — на фронтах гражданской войны своею кровью завоевывал свое счастье, свободу. Это советский народ, — рабочие и крестьяне, — беззаветно доверял партии Ленина — Сталина, встал под знамя большевиков, пошел за Сталиным на штурм российской отсталости и победил.

Эта мужественная, возвышенная, романтическая борьба за счастье всего народа увлекла, не могла не увлечь за собой лучшую, прогрессивную часть интеллигенции. Я встал под знамя большевиков, под знамя Ленина — Сталина, потому что увидел и понял, что это — единственное знамя прогрессивного человечества всего мира. Я отдал себя новой жизни без колебаний, без остатка, целиком. Это понятно.

Ведь нет большего счастья на земле, чем честно и преданно служить своей родине, своему могучему свободному народу.

Нет большего счастья на земле, чем заслужить доверие великого советского народа.

7402

10

502

1880
ЧИТАНИ
ОНО

